

Annotation

В романе `Монстр с края света` нечто страшное и неведомое обрушивается на сотрудников научной базы на антарктическом острове Гоу — Айленд. Самолет с `большой земли` совершает странную посадку, и тут — то все начинается: из самолета пропали все пассажиры, пилот покончил жизнь самоубийством, на острове стали пропадать люди...

- [Мюррей Лейнстер](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
-

Мюррей Лейнстер
Монстр с края света

Остров казался всего лишь кучкой темных скал, затерявшихся среди безбрежных океанских просторов. Со всех сторон света дули пронизывающие ветра. С грохотом обрушивались на прибрежные утесы волны, зарождавшиеся порой на противоположной стороне земного шара. Над одной из оконечностей острова в дневное время обычно висело некое подобие клубящегося облака, образованное тысячами гнездившихся там белокрылых морских птиц. В другой части острова с площади приблизительно в сотню акров к небу поднималась сплошная серая стена испарений от горячих минеральных источников. Вода в них имела резкий, неприятный запах и причудливую грязно-белую окраску.

О присутствии на острове людей свидетельствовали миниатюрная метеобашня с чулком флюгера на верхушке, ряд сборных металлических домиков-складов и площадка на подветренном берегу, приспособленная для выгрузки тяжелого оборудования. Также на острове располагались приземистые жилые бараки, помещение для отдыха и еще несколько подсобных построек. А еще деревянная будка, увенчанная мощной радиоантенной и непрерывно вращающейся чашей радара, неутомимо сканирующей пустынное небо над океаном.

В то утро из радиорубки в эфир то и дело незримо уносились сигналы, посылаемые коротковолновым передатчиком, а в принимающее устройство с такой же частотой поступали ответные. Чаша радара продолжала свое безостановочное вращение. Он еще не поймал цель, но уже появились новости. Они распространились мгновенно, взбудоражив девятнадцать жителей острова. Маленький клочок суши назывался Гоу-Айленд и располагался в точке с координатами 60 градусов 15 минут южной широты и 100 градусов 16 минут западной долготы. От Веллингтона, столицы Новой Зеландии, его отделяло 3740 миль; от Вальпараисо на Чилийском побережье — 1992 мили; примерно 600 миль от ледового шельфа Антарктиды и не меньше миллиона миль от родного дома каждого из островитян.

В сущности, ничего потрясающего в полученном сообщении не содержалось. Просто на Гоу-Айленде должен был совершить промежуточную посадку транспортный самолет, следующий транзитом в Соединенные Штаты из бухты Гиссела в Антарктиде. Груз самолета составляли научные материалы и несколько пассажиров, возвращающихся домой. Часть научных экспонатов составляли пять живых пингвинов, предположительно вида Адели, а также совершенно потрясающие образцы растительности из района Горячих озер, совсем недавно обнаруженного и обследованного научной экспедицией, переброшенной туда с помощью вертолетов. Остальную часть багажа составляли отчеты персонала научно-исследовательских антарктических станций. Но для обитателей острова основной интерес представляли пассажиры. Их было семеро, и каждый из них возвращался на родину после восьмимесячной работы на ледовом континенте.

Обычно самолеты долго не задерживались на Гоу-Айленде, служившем в основном перевалочной базой. Но в этот раз метеорологи предупредили об образовании у берегов Чили зоны пониженного давления. Циклон, разумеется, имело смысл переждать, и поэтому планировалось, что самолет останется на острове почти на сутки. Трое членов экипажа и семеро пассажиров на целых шестнадцать часов сделаются желанными гостями населения маленькой колонии. Это был невероятный, небывалый случай! Всеобщее ликование объяснялось еще и тем, что самолеты приземлялись на Гоу-Айленде не чаще чем раз в неделю, а порой и гораздо реже. Они садились на единственную взлетно-посадочную полосу, заправлялись топливом, грузили на борт то или иное оборудование, имевшееся на складах острова, и тут же улетали, редко задерживаясь дольше чем на полчаса. При такой спешке у членов экипажа нечасто находилось

время или желание для светских бесед, тем более в такой отдаленной и Богом забытой дыре.

Так что нетрудно было предсказать, что прибытие самолета станет знаменательным событием в жизни островитян. Оно настолько всколыхнет их однообразную рутинную жизнь, что начальник базы Дрейк начал всерьез побаиваться возможных последствий. Кто знает, какие страсти и противоречия разгорятся при появлении новых людей? Некоторые Дрейк мог предсказать уже сейчас.

Среди служащих базы было четыре девушки. Нора Холл не вызывала беспокойства. Она появилась на острове позже остальных, и в ее здравомыслии Дрейк не сомневался. Но был еще Сполдинг, добывающийся благосклонности Норы. У него появление незнакомых мужчин и потенциальных соперников наверняка вызовет чувство ревности, а возможно, и озлобленность. Что же касается трех остальных девушек, то они буквально дрожали от возбуждения в предвкушении знакомства и танцев с новыми кавалерами, которые восемь месяцев не видели женщин и потому были особенно восприимчивы к дамским чарам.

Повар базы намеревался поразить гостей кулинарными изысками и затмить своих коллег на полярных станциях. Если же гости не сумеют оценить должным образом приготовленную им пищу, кок непременно обидится.

Главный электрик базы был раздражен уже от одной только мысли, что девушка, которую он считал невестой, будет общаться и — не дай бог! — флиртовать с посторонними мужчинами.

Несколько парней-механиков и складских рабочих собирались завлечь новоприбывших на партию в покер и хорошенько облегчить их бумажники. Если же им не удастся оторвать гостей от девушек и танцев или чужаки сами изрядно потрясут их карманы, островитяне будут весьма раздражены.

Дрейк подумал о Томми Белдене, помощнике авиамеханика, обслуживающем взлетную полосу. Посадка транспортного самолета неизбежно напомнит ему о существовании далекого мира, в котором его сверстники смотрят кино, ходят на свидания с девушками, играют в бейсбол и увлекаются другими играми, свойственными девятнадцатилетним. А когда самолет улетит, Томми будет страшно завидовать его пассажирам, возвращающимся к родным очагам и к тем удовольствиям, о которых он может только мечтать.

Ну а как поведет себя биолог базы Бичем, занимающийся на острове проблемой культивирования зерновых в условиях высоких широт? Ученый уж точно места себе не находил, ожидая долгожданной минуты, когда сможет осмотреть образцы флоры из района Горячих озер. Этот уникальный оазис среди антарктических льдов был впервые сфотографирован с вертолета пару лет назад. Он представлял собой полосу свободной от снега земли площадью в несколько сотен квадратных миль. Поверхность оазиса была усеяна множеством небольших горячих озер, вода в которых была окрашена в удивительные цвета: от темно-синего до розоватого. Направить сюда экспедицию удалось лишь сравнительно недавно. Тогда же были получены первые образцы растительности, которые сейчас должны прибыть на Гоу-Айленд, и к ним было приковано внимание Бичема. Интерес биолога объяснялся тем, что оазис с термальным подогревом образовался, судя по всему, одновременно с возникновением южной полярной шапки льдов и многие миллионы лет был отрезан от остального мира. Растительность там развивалась как бы по законам другой планеты. Но после отлета самолета с драгоценными образцами Бичем вернется к прежней рутине, что ввергнет ученого в черную меланхолию.

В каком-то смысле эти волнения начальника базы были абсурдны, и Дрейк, разумеется, не мог этого не видеть. В конце концов, что особенного в том, если десять человек с прибывшего самолета проведут на острове ночь? Вроде бы ничего, да уж больно уныло и монотонно протекала на Гоу-Айленде жизнь его обитателей. Этот крошечный клочок суши был изолирован

и удален от всего мира. Население его составляла ничтожная горстка людей. Вечно затянутое облаками свинцовое небо и неумолчный рокот разбивающегося о прибрежные скалы прибоя в немалой степени способствовали болезненно повышенной чувствительности жителей острова к беспричинно вспыхивающим ссорам. Но эта гнетущая обстановка отнюдь не мешала возникновению романов. Даже шумный гомон и хлопающие крылья гнездящихся на острове птиц вызывали в людях депрессию и глухую раздражительность.

Напряжение на острове между тем нарастало, и это было отмечено Дрейком. Из радиорубки поступило сообщение, что самолет вылетел из бухты Гиссела два часа назад. За это время он преодолел тысячу двести миль и находился теперь на полпути к острову. Полет проходит нормально. Чуть позже радист принял радиограмму, что до Гоу-Айленда остался всего один час лету. Отклонения от курса не наблюдалось. Еще через некоторое время борт транспортника передал, что рейс длится три с половиной часа. Значит, до посадки осталось ровно тридцать четыре минуты.

Три девушки на острове лихорадочно прихорашивались в последние минуты. И только четвертая, Нора Холл, вела себя спокойно, с вежливой улыбкой пресекая все попытки Спеллинга увести ее в сторонку, чтобы сделать предложение и заручиться согласием избранницы до появления возможных конкурентов. Главный электрик устроил своей невесте бурную сцену, что никого особенно не удивило: ссора между ними была неизбежна — если не сейчас, то уж наверняка после отлета с острова гостей. Кончилось тем, что девушка заплакала, вырвала руку и вернулась к зеркалу восстанавливать нарушенный слезами макияж.

Дрейк уже в который раз задавал себе риторический вопрос, какого дьявола он согласился на пост начальника в этой отрезанной от мира колонии? Биолог Бичем в ожидании загадочных образцов из оазиса Горячих озер пришел в такое хорошее расположение духа, что на радостях презентовал коку половину выращенной им молодой редиски. К сожалению, этот поступок был единственным проявлением положительных эмоций. Все остальные островитяне пребывали в близком к невротическому состоянии, что свидетельствовало о неблагоприятном морально-психологическом климате, сложившемся в коллективе. Нет, никто не отрицал необходимости размещения на Гоу-Айленде перевалочной базы, тем более что остров почти идеально подходил для этой цели. Прибрежная акватория круглый год оставалась свободной ото льдов, так что суда имели возможность даже зимой доставлять необходимые грузы для последующей транспортировки их в Антарктиду самолетами. К тому же полет отсюда занимал совсем немного времени и был существенно безопасней прямого рейса из Новой Зеландии, во время которого возникало больше шансов оказаться в критических метеоусловиях. Из этого следовало, что без базы на острове никак не обойтись. Вот только работающим здесь людям приходилось несладко. Постоянного населения остров Гоу-Айленд никогда не имел, хотя уже полтора столетия остров был отмечен на всех картах. Правда, до начала строительства базы на него периодически высаживались какие-то смельчаки, но никто из них не уцелел. Когда геодезисты производили съемку местности перед закладкой станции, они обнаружили полуразбитый вельбот на берегу и скелеты членов команды поблизости от него. Вероятно, эти несчастные были китобоями, всех шторм выбросил на остров, который стал их могилой...

Самолет находился в воздухе уже три часа сорок пять минут. До посадки осталось девятнадцать минут. Радист в наушниках сидел перед рацией, небрежно развалившись в кресле, и курил, время от времени роняя какие-то загадочные реплики в закрепленный на груди микрофон. Помимо него в рубке находилось еще четверо. Один молча следил за оператором, а трое остальных не сводили глаз с экрана монитора радара, на котором приближающийся самолет должен был отразиться намного раньше, чем его заметит самый зоркий наблюдатель.

Барственным жестом радист переключил тумблер на громкую связь: пусть и другие

послушают. Рубка заполнилась прямой трансляцией с борта транспортника. Обычно двусторонняя прямая связь с заходящим на посадку самолетом являлась распространенным делом, так как взлетную полосу иногда затягивало туманной дымкой. Сейчас же из динамика доносились лишь неразборчивые обрывки фраз и междометия.

— Что там эти парни сзади... — раздраженно прозвучал чей-то голос, утонувший потом в трескотне помех.

— Интересно, чем нас будут угощать за обедом? — лениво поинтересовался другой.

— Ничего не понимаю! — взволнованно подключился третий. — Вроде бы из отсека кричат, что-то у них случилось...

Голоса внезапно исчезли в невнятном шуме, подозрительно напоминавшем потасовку, с отдаленными воплями и криками о помощи.

— Что за черт?! — послышался первый голос. — Пойди-ка взгляни...

Шум резко усилился: должно быть, кто-то из экипажа открыл дверь, отделяющую кабину пилотов от грузового отсека. Прозвучала неразборчивая команда, и тут же кто-то болезненно вскрикнул. Громко и настойчиво разнесся второй голос:

— Револьвер! Скорее дайте револьвер!

Откуда-то послышался душераздирающий крик:

— Грузовой люк! Откройте грузовой люк! Где, черт побери...

Грохот выстрела. За ним другой, третий... Снова неразборчивые вопли и мольбы о помощи. Чье-то тяжелое, прерывистое дыхание прямо в микрофон.

— Сюда, сюда давай! Дружно, парни, и в люк их, в люк... — Еще несколько выстрелов подряд. — Держи, держи, кому говорят! А теперь толкай! Да толкай же! Скорее!

Последний выстрел и какой-то непонятный скрежет. Затем раздался оглушительный грохот. Воцарилось молчание.

Потрясенный радист тупо уставился на рацию. Затем, опомнившись, схватил микрофон и начал быстро говорить:

— Вызываю «Полюс»! Что у вас произошло? Вызываю «Полюс»! «Полюс», «Полюс», ответьте!

Но динамики прямой связи были безмолвны, а глаза пятерки островитян буквально впились в них со страхом и надеждой. Склонившись над передатчиком, радист непрерывно вызывал самолет, настойчиво требуя ответа.

— Может, у них передатчик разбился? — высказался кто-то робко.

Стоящий рядом жестом указал на экран радара. На нем отчетливо виднелась медленно перемещающаяся к краю светящаяся точка, которая не могла быть ничем иным, как заходящим на посадку транспортником.

— Как бы то ни было, а самолет все еще в воздухе.

Все заворуженно смотрели на продолжающее ползти по экрану световое пятнышко. В радиорубке установилась какая-то необыкновенная, гнетущая тишина. В этот момент начальник базы Дрейк просунул голову в дверь.

— Ну что, как там у них дела? — спокойно осведомился он.

В ответ все заговорили разом, перебивая друг друга, но по-прежнему не отрывая глаз от монитора: светящаяся точка подползала к краю экрана. Радист перевел дыхание и затараторил:

— Самолет изменил курс! Он поворачивает! Он определенно сбился с курса!

— Так скажи им об этом! — приказал Дрейк. — И выясни...

— У них связь не работает, — обреченно выдохнул Спарк. — Только что прервалась. Наверное, с передатчиком что-то случилось.

— Тогда не исключено, что приемник продолжает работать, — строго заметил Дрейк. —

Так что прекрати задавать вопросы и начинай выдавать ответы. Сообщай им обо всем, что происходит, и сразу дай параметры корректировки курса.

Радист снова поднес к губам микрофон и заговорил:

— Вызываю «Полюс»! Вызываю «Полюс»! Вы сбились с курса на Гоу-Айленд. Ваш последний разворот был на триста сорок градусов вместо ноль пятнадцати. Отклонение от курса — тридцать пять градусов. Срочно проведите коррекцию. «Полюс», если вы меня слышите, немедленно поворачивайте и идите на посадку.

Он твердил одно и то же в течение пяти минут, и его призывы словно были услышаны. Световое пятно на экране, перемещаясь с черепашьей медлительностью, постепенно отошло от края и сдвинулось ближе к центру. Если верить радару, самолет вернулся на прежний курс и летел теперь почти по прямой в направлении острова.

— Так, отлично, — проворчал Дрейк. — Осталось миль тридцать, если я не ошибаюсь. Держи его на курсе и не отпускай. Продолжай вести коррекцию. Ну а сейчас я бы хотел услышать членораздельный доклад о том, что же там все-таки произошло.

Все четверо опять заговорили одновременно, перебивая друг друга, сообщили о непонятных звуках, воплях, командах и о том, что кто-то из членов экипажа потребовал револьвер, после того как заглянул в багажный отсек. В заключение Дрейк узнал о серии выстрелов и похожем на взрыв грохоте, после которого связь оборвалась.

Внимательно выслушав свидетелей, начальник базы пришел к единственно возможному в его положении выводу. Будучи руководителем небольшой изолированной группы людей, Дрейк отлично представлял все трудности, с которыми приходится сталкиваться его коллегам на полярных станциях. Глава научной экспедиции отвечает не только за выполнение подчиненными их профессиональных обязанностей, но и следит за их психическим и физическим здоровьем. Среди сотрудников станций, затерянных в материковых льдах, было немало случаев внезапного помешательства. Люди, по воле обстоятельств вынужденные работать в постоянном тесном контакте в течение долгих полярных ночей, не всегда способны мирно ужиться друг с другом. Пластинки, аудиокассеты и даже периодическая связь по радиотелефону с родными и близкими — всего этого порой бывает недостаточно, чтобы сделать хотя бы сносной жизнь в неимоверно тяжелых условиях. Нервозность и раздражительность усиливаются особенно после того, как постоянное преодоление трудностей утрачивает первоначальный романтический оттенок приключения и становится невыносимым грузом. Поэтому Дрейк не видел ничего странного в том, что у одного из пассажиров самолета по какой-то причине вдруг сдали нервы.

— Стреляли, говоришь? — спросил он, размышляя. — Пожалуй, не помешает принести аптечку, да и носилки захватить на всякий случай.

Выйдя из будки, Дрейк оглядел свои владения. Небо над островом и бескрайний океан за линией прибрежных утесов были одинакового унылого свинцово-серого цвета. Сборные металлические конструкции складских помещений, неряшливо выкрашенные тусклой коричневой краской, навесы для машин и жилые бараки тоже не радовали глаз. Единственным цветовым пятном на всем обозримом пространстве был туго надутый красный колпак флюгера, укрепленный на метеобашне в начале взлетно-посадочной полосы.

По пути Дрейк наткнулся на Спеллинга, который цепко держал за руку Нору Холл и что-то настойчиво ей втолковывал. С появлением начальника базы девушка облегченно вздохнула.

— Что слышно о самолете? — спросила она. — Как вы считаете, не пора ли мне собирать народ на торжественную встречу гостей?

Она мило улыбнулась, отодвинувшись подальше от Спеллинга. Тот закусил губу и помрачнел. Дрейк автоматически отметил эту ситуацию.

— На самолете возникли проблемы, — сухо сообщил он. — Вероятно, у кого-то из пассажиров поехала крыша, и он начал буйствовать. Машина сбилась с курса, а еще там кто-то стрелял. Сейчас Спаркс пытается вывести их на посадку. Что-то не нравится мне это марево над посадочной площадкой,

— покачал он головой и добавил: — Кстати, ты могла бы помочь. Ступай в рубку, и если у радиста появятся трудности, заведи у него микрофон и вызывай самолет сама. Женский голос любого истерика моментально приведет в чувство. — Дрейк повернулся к Спеллингу и добавил: — А вам придется на всякий случай приготовить пару носилок и аптечку для оказания первой помощи. Кто знает, что там на самом деле стряслось? Во всяком случае, нам лучше заранее подготовиться к любым неожиданностям, даже если столкнемся с буйным помешательством.

Нора торопливо направилась к радиорубке. Сполдинга такой поворот событий явно не устраивал. Он скорчил недовольную гримасу, но приказ начальства нарушить не посмел и послушно двинулся к складам, прихватив в качестве помощника подвернувшегося по пути механика.

Проводив его взглядом, Дрейк зашел в кладовую с неприкосновенными запасами и вынес оттуда пару бутылок. Человек, долгий срок лишенный привычных благ, возвращаясь к нормальной жизни, как правило, выбирает одно из двух: либо начинает лихорадочно и без разбора наверстывать упущенное, либо замыкается в себе, наотрез отказываясь от удовлетворения насущных потребностей. Большинство здоровых телом и духом людей, подвергнувшихся стрессам в течение длительного периода, обычно приходят к разумному компромиссу. Именно на этот случай Дрейк и прихватил спиртное, надеясь, что один лишь вид бутылок окажет расслабляющее воздействие. Однако ситуация могла выйти из-под контроля, если кто-то на борту свихнулся всерьез и, боясь последствий, намеренно препятствует посадке. Такого психа, несомненно, придется укрощать силой.

Когда начальник вернулся в радиорубку, Спаркс раздраженно орал в микрофон, обращаясь к безмолвствующему пилоту:

— Какого дьявола?! Сбрендил ты, что ли, парень? Поворачивай налево! Налево, говорю! Эй, придурик, таким курсом ты только в Африку попадешь!

Он повернул к Дрейку потное, покрывшееся багровыми пятнами лицо.

— Этот пилот окончательно спятил! Вы не поверите, но пару минут назад он вдруг начал кружить на одном месте, а потом резко развернулся и рванул курсом прямо на восток. И сейчас продолжает лететь в том же направлении!

Дрейк кивнул Норе.

— Попробуй ты, — приказал он.

Девушка взяла в руки микрофон.

— Вызываю «Полюс», — нежно проворковала она. — На связи Нора Холл с Гоу-Айленда. По показаниям нашего радара, вы повернули совсем не в ту сторону. Быть может, у вас вышел из строя компас? В таком случае слушайте моих указаний, а я постараюсь вывести вас на посадку вслепую. — Она прикрыла микрофон ладонью и озабоченно прошептала: — Как зовут первого пилота? А второго? — Получив ответ, она снова поднесла к губам микрофон и бодро сказала: — Я пока не знаю, с кем говорю: с капитаном Брауном или капитаном Уорреном. К сожалению, мы вас не слышим. Я бы почувствовала себя намного уверенней, если бы точно знала, что вы меня слышите. Не могли бы вы сейчас сделать небольшой круг? Как только вы ляжете на правильный курс, я тут же вам сообщу, и вы сможете зафиксировать автопилот в нужном направлении.

Нора продолжала говорить. Глаза ее ни на миг не отрывались от экрана. Казалось, прошли долгие часы, прежде чем световое пятнышко начало описывать окружность.

— Стоп! Так держать! — внезапно воскликнула девушка. Она нервно сглотнула и продолжала успокаивающим тоном: — Вы знаете, мы, кажется, с вами встречались. А вы меня помните? Не волнуйтесь, вы замечательно идете. Я буду говорить все время, чтобы задействовать ваш пеленгатор, если, конечно, он тоже не вышел из строя. Вы даже не представляете, как мы все будем рады оказать вам самое искреннее гостеприимство. Мы так ждем вашего визита, потому что Гоу-Айленд очень заброшенное и уединенное местечко.

Дрейк снова вышел из рубки, прикрыв за собой дверь, отрезавшую его от милого девичьего голоса. Он бросил взгляд в южном направлении, но небо оставалось чистым, если не считать парящих в нем чаек и других морских птиц. Дважды он замечал на горизонте выделяющуюся застывшую черную точку, считая, что это приближающийся транспортник, но убеждался, что ошибся, приняв за самолет обыкновенного альбатроса.

Он начал действовать автоматически. Дрейк был хорошим администратором, чью работу можно считать образцово выполненной, только если ее никто не замечает. Первым делом он убедился, что взлетная полоса чиста, а показывающий направление ветра флюгер ни за что не зацепился. Затем окинул взглядом замершую в ожидании рядом с развернутыми носилками кучку людей, среди которых было достаточно здоровых мужчин, способных скрутить самого буйного психа, если такой обнаружится на борту среди пассажиров. Подобная ситуация в данный момент не исключалась. В голове мелькнула мысль, что было бы неплохо приготовить пару работников с огнетушителями. Струя пены с углекислотой в лицо запросто охладит любые агрессивные действия, даже если имеешь дело с вооруженным бандитом. Не теряя времени, Дрейк заглянул в пожарку и поделился своими мыслями с Томми Белденом. Если обстоятельства потребуют его экстренного вмешательства, юноше достанутся лавры за сообразительность и быструю реакцию. Наскоро обдумав еще кое-какие возможные варианты, Дрейк посмотрел на часы. Самолет запаздывал уже на целых семь минут.

Начальник базы опять вернулся в радиорубку, в ней к уже собравшимся присоединились еще двое. Радист то и дело вытирал мокрое от пота лицо, а Нора Холл продолжала говорить в микрофон.

— Если бы мы только могли понять, почему вы постоянно разворачиваетесь, едва оказавшись над островом, — произнесла она ласково, — то сумели бы заранее подготовиться к любой неожиданности. Сейчас ваши действия выглядят так, будто вы не хотите приземляться на острове. Вы заходите на посадку по прямой, но в самый последний момент почему-то резко сворачиваете и уходите в сторону. Почему бы вам не пролететь над нами и сбросить записку, чтобы мы хотя бы знали, чего ожидать. Пожара при посадке можете не опасаться: огнетушители и необходимое оборудование уже наготове.

Спаркс дрожащим пальцем ткнул в экран монитора. Светящаяся точка вновь начала смещаться из центра к краю.

— В третий раз он проделывает одно и то же, — проговорил он обреченно.

— Как только оказывается в пределах видимости, тут же поворачивает в открытое море. Ну вот, куда он прется? В той стороне ближе Гавайев ничего нет!

— Мы все слышали выстрелы, — негромко отметил кто-то из присутствующих.

— Кто-нибудь может мне сказать, в кого и для чего стреляли? И зачем им понадобилось открывать грузовой люк? Кого, интересно, они собирались в него столкнуть?

— Я бы попросил воздержаться от подобных рассуждений, — ледяным тоном произнес Дрейк. — Уверен, что все разъяснится, как только самолет произведет посадку. Обещаю, что каждый желающий получит исчерпывающие сведения.

Внимательно наблюдающая за монитором Нора опять начала передачу:

— Замечательно! Просто великолепно! Как я понимаю, вы намерены пролететь над

островом и сбросить нам послание. Очень хорошо, мы будем следить внимательно и сразу же подберем записку. Постарайтесь подробно изложить все ваши опасения. Только умоляю вас не сворачивать больше с курса. Через несколько секунд Гоу-Айленд покажется в зоне вашей видимости. Полагаю, сейчас уже появился. Так держать, капитан! Ни в коем случае не сворачивайте! Включите автопилот и приготовьте записку.

Точка на экране описала дугу и начала двигаться по прямой к острову. Полет совершался равномерно и уверенно, казалось, что нос воздушного корабля нацелен строго на посадочную полосу.

— Всем наружу! — рявкнул Дрейк. — Следить за небом. Как только самолет появится, глаз с него не спускать! Если он сбросит записку, мы должны как можно быстрее ее заполучить, чтобы убедить пилота в нашей полной готовности и рассеять терзающие его страхи.

Он первым выскочил из радиорубки. Остальные последовали за ним, кроме Норы, которая по-прежнему не выпускала из рук микрофона. Она уверяла сидящего за штурвалом летчика в том, что все на острове предупреждены, ждут его послания и готовы немедленно принять любые меры, следуя его указаниям.

Самолет появился над горизонтом с запада. Сначала это была крохотная черная точка, потом пятнышко, которое продолжало расти, постепенно обретало различимые глазом контуры фюзеляжа и крыльев. Что-то непонятное виднелось под брюхом машины, но это точно было не шасси.

— Открытые створки грузового люка, — первым догадался Дрейк и, сам не зная почему, с облегчением вздохнул. Сейчас у него не было времени анализировать увиденное, но подсознательно он, очевидно, ожидал худшего. — Похоже, что там что-то висит, но это всего лишь створки, друзья, — добавил он.

— А вы что ожидали увидеть? — насмешливо фыркнул кто-то за спиной. — Летящую тарелку?

Дрейк не узнал голоса шутника, но хорошо представлял, какие невообразимые догадки и предположения возникают сейчас в головах окружающих его людей. Он и сам не избежал общей участи, представив на миг, что кому-то взбрело в голову испытать новый вид оружия, используя один из антарктических рейсов. О чем-то подобном, без сомнения, думал в эти минуты каждый из островитян, обладающий хоть каплей воображения. Но все это, разумеется, было бредом и чепухой на постном масле.

Шум двигателей самолета уже перекрывал рокот прибоя и продолжал нарастать по мере приближения к острову. Люди на берегу неотрывно следили за ним. Самолет перевалил через прибрежные скалы, с ревом пронесся над взлетной полосой, достиг противоположного конца острова и устремился вперед, уходя все дальше к востоку над океаном. Пролетая над Гоу-Айлендом, он не поднимался выше пятисот футов и был отчетливо виден в течение долгих секунд. Шасси оставалось невыпущенным, а створки грузового люка были распахнуты. На короткое мгновение стоящие внизу островитяне получили возможность заглянуть внутрь открытого люка.

А потом самолет опять скрылся из виду, превратившись в едва различимое темное пятнышко, постепенно растаявшее на фоне серого неба. Никакой записки так никто и не сбросил.

Дрейк устало поднялся по ступенькам в деревянную будку радиостанции. Нора все еще продолжала свой монолог:

— Не волнуйтесь, мы все видели, как вы пролетели над островом. Ваше послание непременно подберут. Ой, кто-то идет. Это начальник нашей станции мистер Дрейк.

— Нечего там подбирать, — мрачно сказал тот. — Все видели самолет как на ладони, но

записки не было. Они... — Дрейк замялся, не зная, как лучше выразиться. В его голове опять мелькнула абсурдная мысль об испытаниях оружия. — Снаружи самолет выглядит абсолютно нормально. Ничего к нему не прилипло, никто его не преследует. И вообще в воздухе ничего больше нет — если верить радару, по крайней мере!

Руководитель базы внезапно почувствовал себя совершенно беспомощным в сложившихся обстоятельствах. За штурвалом машины сидел опытный пилот, налетающий тысячи часов на полярных трассах. Дрейк просто не мог представить себе такой ситуации, в которой этого старого воздушного волка необходимо утешать и уговаривать посадить самолет, как какого-нибудь напуганного воображаемой опасностью новичка.

Нора непрерывно говорила в микрофон, одновременно наблюдая за монитором. Световое пятно, указывающее положение самолета, неуклонно смещалось к краю экрана. Если хватит горючего, такой курс над бескрайними океанскими просторами рано или поздно выведет машину к мысу Горн в обход Антарктического континента.

— И пожалуйста, успокойтесь, — продолжала утешать безмолвного пилота Нора. — Вас никто не преследует. Я все время смотрю на радар, и, кроме вас, на экране никого нет.

Но светящаяся точка не изменила направления. Вот она подошла к краю экрана вплотную, последний раз мигнула и исчезла, уйдя за пределы досягаемости локатора.

У Дрейка непроизвольно сжались кулаки, стоило только представить, как отреагирует начальство на его официальный доклад о случившемся. Весьма вероятно, на этом его административная карьера закончится. К горлу подкатил противный, липкий ком.

— На борту было десять человек, — с трудом произнес он, рассуждая вслух. — Они летели домой. Потом с одним из них что-то произошло.

Он опять сжал пальцы в кулаки. У человека, задача которого — заставить работать других, порой возникает неожиданный взгляд на некоторые вещи. Свойственные людям черты, такие, как тупость, халатность и даже психические срывы, руководителю кажутся непростительными ошибками — потому, быть может, что он лучше других видит их последствия. Поэтому испытывает куда большую симпатию к жертвам, чем к тем, чья некомпетентность явилась причиной несчастья.

Громко топая сапогами по деревянному полу, в рубку вошел Спаркс.

— Это прямо безумие какое-то! — пожаловался радист с порога. — Тот парень просто свихнулся, точно вам говорю. Все шло так хорошо, наши все уже «ура» кричать приготовились, и тут на тебе! Вы будете писать рапорт, мистер Дрейк? Предупредите заранее, чтобы я связался с базой.

— Да, оставайтесь здесь, — распорядился тот. — И вы тоже, — повернулся он к Норе. — Что бы ни случилось на борту, кто-то пилотирует транспортник. Если самолет снова появится в пределах досягаемости радара, вы сможете предпринять еще одну попытку посадить его. В любом случае постарайтесь не отпускать самолет далеко от острова.

Он вышел из рубки, и его оглушил грохот океанских валов, разбивающихся о скалы на западной оконечности Гоу-Айленда. Волны достигали чудовищной высоты. Они неудержимо накатывались одна за другой из-за горизонта, и не было препятствия, которое могло остановить их стремительный бег. Но высокие гранитные утесы острова пока одерживали победу в этой постоянной борьбе с океаном. Тщетно обрушивались на упрямые скалы многотонные массы воды, оглашая окрестности своим беспорядочным, злобным рычанием.

Над головой встревоженно кружились птицы. Дрейк заметил, как они мечутся, сбиваясь в небольшие стайки, словно пытаясь понять, что произошло. Обеспокоенные птицы не могли что-либо предотвратить или изменить.

Том Белден приблизился к Дрейку. Юноша не скрывал тревоги.

— Похоже, сэр, — сказал он, — что нет больше смысла торчать за рулем пожарной машины, как вы считаете? В конце концов, если самолет опять появится, я всегда могу вернуться на место.

— Хорошо, — безразлично согласился Дрейк, озабоченный в настоящий момент предстоящим рапортом начальству. Он очень сомневался, что ему кто-нибудь поверит.

— Как вы думаете, сэр, это никак не связано с теми... э-э... с теми скелетами, найденными на берегу, когда начинали строить базу? — задал вдруг Том совершенно неожиданный вопрос. Дрейк уставился на него в немом изумлении. — От кого-то я слышал, — поспешил пояснить Белден, — что это были члены экипажа китобойного вельбота. Те парни потерпели в море крушение и высадились здесь, чтобы дожидаться помощи. Но что-то убило их, хотя на острове вроде нет ни крупных животных, ни какой-либо силы, способной причинить вред человеку. Но ведь отчего-то они погибли, правда? Может быть, на самолете тоже...

— Что бы это ни было, — после паузы ответил Дрейк, — с ним случилось что-то не на острове, а в воздухе, в сотне миль отсюда. Те китобои погибли на суше, и даже если причиной этого стало какое-то существо или явление, не думаю, что оно в состоянии преодолеть по воздуху сотню миль и атаковать летящий самолет. Кроме того, не следует забывать, что на Гоу-Айленде смертей среди персонала за все время существования базы не зафиксировано, что противоречит твоей гипотезе. Честно признаюсь: я не знаю, что там произошло, но виновника следует искать где угодно, только не здесь.

Кивнув на прощание Белдену, Дрейк двинулся дальше и только сейчас обратил внимание, что по-прежнему держит бутылки со спиртным, которые прихватил в кладовой, в надежде проверенным способом успокоить нервы разбушевавшегося пассажира.

Мысленно выругавшись, он завернул в кладовую и вернул бутылки на прежнее место, а потом прошел в свой кабинет и уселся за стол с твердым намерением набросать черновик рапорта, который стал бы еще одним образцом затянувшейся на годы бюрократической переписки. Дрейк сидел в кресле, тупо глядя на лежащий перед ним чистый лист бумаги. Вдруг он услышал крики. Выскочив посмотреть, в чем дело, начальник базы чуть не налетел на запыхавшегося радиста.

— Самолет только что появился на экране радара, сэр! — срывающимся голосом доложил Спаркс. — Он описал большую дугу то ли в северном, то ли в южном направлении и теперь снова делает заход на остров с западной стороны.

Дрейк не стал анализировать полученную информацию, а просто поспешил в радиорубку. Уставшая и побледневшая Нора Холл продолжала разговаривать с молчащим пилотом все тем же мягким, успокаивающим, убедительным тоном.

— Вы следуете верным курсом, капитан, — вела передачу девушка. — Пожалуйста, расслабьтесь и не волнуйтесь. Мы подготовились к любой кризисной ситуации. Никто не преследует ваш самолет, и поблизости ничего вызывающего беспокойство не замечено. Мы готовы позаботиться обо всех пострадавших, если они есть на борту. От вас требуется только не отклоняться от курса, и через несколько минут вы окажетесь в зоне видимости. Скорость ветра...

Она бросила взгляд на начальника. Тот подсказал:

— Скорость тридцать узлов, направление — двести сорок градусов, слегка порывистый.

Нора повторила данные в микрофон.

— Попробуй убедить его сесть, — посоветовал Дрейк. — Пока у тебя все получается просто замечательно.

Он вышел из рубки: нужно убедиться, что люди расставлены по местам. Все были готовы: Томми Белден сидел в кабине красной пожарной машины, Бичем и Сполдинг с четырьмя

дюжими складскими рабочими ожидали у взлетно-посадочной полосы с развернутыми носилками, смирительной рубашкой, бинтами и всем прочим, что могло пригодиться в экстренной ситуации.

Радист первым заметил приближающийся с запада транспортник. Самолет совершил поворот и двигался по ветру. Дрейку даже в голову не пришло что-либо предпринять, так как ни один летчик в здравом уме ни за что не станет садиться при попутном ветре.

Машина за считанные секунды успела превратиться из малюсенькой черной точки в пятнышко, потом в пятно с торчащими по обе стороны обрубками плоскостей и наконец обрела нормальные очертания. С каждым мгновением самолет стремительно увеличивался. Створки открытого грузового люка по-прежнему беспорядочно болтались под брюхом, а шасси оставалось невыпущенным. Внезапно транспортник резко нырнул вниз. Дрейк выскочил вперед и отчаянно замахал руками, пытаясь предупредить пилота, но было уже поздно. В последнюю секунду самолет немного выровнялся, но потом опять круто спикировал...

Раздался душераздирающий скрежет рвущегося металла, и все вокруг окуталось сплошным облаком пыли. Дрейк не сразу осознал, что самолет на его глазах только что совершил аварийную посадку «на брюхо», так и не выпустив шасси. Многотонная машина по инерции заскользила по бетонной полосе, вращаясь вокруг собственного центра тяжести. В какой-то момент легла на крыло и чуть не перевернулась, но каким-то чудом удержалась и продолжила скольжение, потом остановилась и замерла.

Пыльное облако быстро рассеялось от порывов ветра. Дрейк сбросил оцепенение и бегом бросился к самолету, автоматически отметив, что тот не загорелся. Очевидно, пилот слил остаток горючего перед аварийной посадкой. Разбитую машину окутала зловещая тишина, нарушаемая лишь топотом бегущих островитян по забетонированной дорожке.

Вдруг раздался выстрел.

Дрейк первым подбежал к пилотской кабине, рывком распахнул дверцу и заглянул внутрь. Сначала он не заметил никого, но через мгновение увидел, как сидящий за штурвалом пилот медленно наклонился набок, начал сползать с сиденья и внезапно застыл в нелепой позе. Пилот был мертв. Из разжавшихся пальцев на пол кабины упал револьвер, которым летчик воспользовался, чтобы покончить с собой.

При дальнейшем осмотре обнаружили в обшивке грузового отсека восемь пулевых пробоин и вдребезги разбитый выстрелом передатчик. На борту транспорта никого не оказалось, кроме мертвого пилота. Двое членов экипажа и семеро пассажиров бесследно и загадочно исчезли во время рейса.

Десять человек вылетели сегодня утром на этом транспортнике с научно-исследовательской антарктической станции в бухте Гиссела. Самолет был в полном порядке, и все шло нормально, пока он не приблизился на сто миль к Гоу-Айленду. Затем начались крики и беспорядочная стрельба, после чего пилот долго кружил над островом, потом пошел на посадку с попутным ветром и сел на брюхо, так и не выпустив шасси. К этому моменту на борту уже никого не было, а единственный оставшийся в живых член экипажа сразу после посадки покончил счеты с жизнью.

День тянулся медленно, очень медленно. В первую очередь необходимо было убрать труп летчика из самолета, что вызвало у островитян серьезное эмоциональное потрясение. В большом городе смерть одного человека остается почти незамеченной. Но когда все население Гоу-Айленда составляет двадцать душ, гибель даже одного незнакомца ощущается совсем по-другому. Это уже не абстрактная статистическая единица, а конкретная реальность.

Электрик и двое механиков вытащили мертвое тело из кабины, уложили на носилки и отнесли в одно из складских помещений. Эта загадочная смерть тревожила каждого из островитян. Как ни странно, но исчезновение еще девяти человек пассажиров вызывало гораздо меньше отрицательных эмоций. Да, они находились на борту, но куда-то пропали, очевидно, выпали в открытый грузовой люк. Но почему? Жители Гоу-Айленда с трудом способны представить себе девятерых взрослых мужчин, друг за другом прыгающих вниз в ледяные океанские волны. Такое просто не поддается воображению. Никто пока не мог всерьез поверить в реальность случившегося.

Радиостанция базы передала по инстанции сообщение о катастрофе. В рапорте были перечислены только факты, без выводов и предположений. Именно по этой причине никто из начальства не поверил в случившееся. В Вальпараисо, приняв первую радиограмму, потребовали дважды повторить сообщение, прежде чем решились передать его дальше. Операторы полярных станций в Антарктиде тоже решили, что рапорт недостоверен, и просили непременно продублировать текст, настолько дикими и неправдоподобными показались им изложенные в сообщении события.

Над продуваемым ветрами со всех сторон островом кружили стаи морских птиц, оглашая окрестные скалы и утесы своими резкими криками. Посреди взлетно-посадочной полосы застыл вывернутый под неестественным углом покореженный корпус транспортного самолета. Несколько складских рабочих с угрюмыми и озабоченными лицами разгружали багажный отсек. Несмолкающий рокот прибоа проникал в самые отдаленные закоулки Гоу-Айленда. Беспросветно серое небо над головой сливалось со столь же беспросветно серой морской гладью. Биолог Бичем нашел накладные на груз и теперь проверял по ним наличие каждого выгружаемого предмета.

— Три ящика с научными отчетами, адресованные в Академию наук, — прочитал он вслух и поднял голову. — Есть? Отлично, идем дальше. Пять пингвинов вида Ад ели в индивидуальных клетках для перевозки. Еще не выгрузили? Вот когда выгрузите, тогда и отмечу. Так, три тюка с биологическими образцами из района Горячих озер. Что? На одной упаковке разорвана? Ладно, ребята, соберите все, что вывалилось, и сложите отдельно. Потом упакуем.

Забыв обо всем, Бичем голодными глазами смотрел на удивительные образцы, видневшиеся из огромной прорехи в упаковочной мешковине. Из тюка торчали несколько толстых древесных стволов около шести футов высотой. Нижний конец каждого ствола обрамлял толстый пучок длинных, змеевидных корней, очень похожих на лианы. Каждый из корней покрывал густой слой мелких волокнистых отростков, напоминающих жесткий короткий ворс. Верхушки стволов были увенчаны кронами из гибких, изогнутых ветвей, тянувшихся во все стороны.

— Поосторожнее с ними, друзья, — предупредил ученый. — Это деревья из антарктического оазиса. Их и там не так уж много, поэтому они уникальны, особенно учитывая, что Горячие озера минимум пять миллионов лет были отрезаны льдами от всего остального

мира. Поаккуратней укладывайте, пожалуйста. Да-да, и неповрежденные тюки тоже.

И пока грузчики с величайшей предосторожностью выгружали из багажного отсека драгоценные тюки и бережно складывали их в сторонке на землю, биолог нервничал и зорко следил за каждым движением рабочих. Расслабился он лишь после того, как те начали вытаскивать наружу обычные грузы. Прямоугольный плоский ящик с проявленными фотопластинками. Коробки с научными отчетами. Четыре клетки с пингвинами. Снова клетка, но почему-то пустая и со сломанной дверцей.

— Проклятье! — досадовал Бичем. — Пингвин, сидевший в этой клетке, наверняка забился в какой-нибудь уголок в хвосте. Смотрите, чтобы не улизнул, парни. Что там еще у нас? Персональные вещи пассажиров?

Вскоре был выгружен личный багаж семи пассажиров и трех членов экипажа. Больше в грузовом отсеке ничего не было. Антарктика, к сожалению, не располагает возможностями в области экспорта.

Бичем вытер рукавом лоб. Ему было жарко, несмотря на холодный, пронизывающий ветер со стороны скал на западной оконечности острова.

— И пятый пингвин куда-то пропал, — озабоченно пробормотал биолог. Он поежился, но тут же взял себя в руки и обратился к грузчикам: — Очень хорошо, парни. А теперь перенесите все это хозяйство куда-нибудь под крышу.

У самолета ему больше нечего было делать, и биолог решил заглянуть в кабинет Дрейка. Тот выглядел мрачным и уставшим. Когда Бичем вошел, он что-то диктовал Норе, исполняющей обязанности его личной секретарши.

— Ну что, разгрузили самолет? — спросил Дрейк, повернувшись к вошедшему. — Нашли что-нибудь интересное?

Нервно передернув плечами, ученый протянул ему сопроводительные документы.

— Одного пингвина не хватает, — сказал он. — Кроме того, один тюк с биологическими образцами поврежден. Часть материала вывалилась сквозь прореху в тюке. Мы собрали, что смогли, но я не могу гарантировать комплектность, пока все как следует не рассортирую.

Начальник одобрительно кивнул.

— Взлетная полоса блокирована в самом центре, — добавил Бичем. — Очень сомневаюсь, что там кто-то сможет приземлиться, пока мы ее не расчистим.

— Я уже поручил Холлистеру этим заняться, — заметил Дрейк. Холлистер был главным механиком базы, и в его подчинении были два молодых, квалифицированных помощника. — Он сейчас волосы на голове рвет. Вашингтон срочно затребовал всю информацию, чем я и занимаюсь, как видите. Кстати, вам, полагаю, тоже придется попотеть над писаниной. Им наверняка понадобится ваше мнение, как эксперта, о состоянии биоматериала.

Бичем собирался этому посвятить ближайшие часы, но Дрейк еще с ним не закончил. Начальника базы охватило смутное, тревожное беспокойство. Руководитель подразделения, изначально созданного только для обслуживания других служб, — должность в высшей степени неблагодарная. На Гоу-Айленде, где малочисленность персонала не позволяла иметь в штате более одного шефа, на плечи такого человека ложилась вся полнота ответственности. Это означало, что Дрейку приходилось совмещать мастерство ловкого менеджера, тактичного посредника и проницательного психолога. Добавьте к этому долготерпение Иова, и вы получите более или менее точный портрет начальника базы на Гоу-Айленде.

— Скажите, вы не заметили следов крови в багажном отсеке? — неожиданно спросил Дрейк.

Бичем удивился такому вопросу, но потом, поразмыслив немного, энергично кивнул.

— Вы совершенно правы! Как ни странно, ни единого пятнышка. Ни на внутренней

обшивке, ни на выгруженных предметах. — Тут он что-то вспомнил и с волнением произнес: — Между прочим, необходимо срочно решить вопрос с пингвинами. Они до сих пор сидят в тесных клетках, а это очень вредно для них. А еще я переживаю по поводу тех образцов из оазиса Горячих озер. Там в основном карликовые деревья, росшие, очевидно, в обогреваемой вулканическим теплом почве. Приблизительно схожие условия имеются здесь, на острове, в районе термальных источников. Растения ведь тоже, подобно животным, способны испытывать шок и стресс. Растение, выкопанное с корнями, впадает в шоковое состояние, если только не находится в зимней спячке. Но в оазисе, насколько мне известно, зимы не бывает вообще, поэтому эти деревья, круглый год выращиваемые в теплой почве, скорее всего, имеют непрерывный цикл активности. И если продолжать держать их запакованными в тюках, они могут просто погибнуть!

— Ну, с пингвинами поступим просто, — сказал Дрейк. — Соорудите для них просторную загородку, и дело с концом. Что же касается деревьев, то тут я целиком полагаюсь на ваши знания и опыт. Это ведь вы биолог, а не я, верно? Вам и карты в руки. Поступайте с вашими образцами так, как считаете нужным.

— Полагаю, разумно высадить часть биоматериала в теплую почву где-нибудь поблизости от источников, — высказал свое мнение Бичем. — В конце концов, условия там наиболее близки к естественной среде произрастания. Надеюсь, в Академии наук мне позволят провести подобный эксперимент.

— Вот и прекрасно. Считайте, что я разрешил вам сделать официальный запрос, — объявил ему Дрейк на прощание, после чего вновь повернулся к секретарше: — Пойдем прогуляемся. Нора. Я хочу осмотреть пустой самолет. Захвати блокнот для записей, и если заметишь что-то такое, что я не разглядел или пропустил, не стесняйся сказать мне об этом без персонального приглашения.

Они вышли из кабинета и направились к взлетной полосе, но, поравнявшись с радиорубкой, их остановил высунувшийся в дверь радист.

— Дома срочно собирают комиссию экспертов и других специалистов по кризисным ситуациям, — сообщил Спаркс. — Они вот-вот должны вылететь в Вальпараисо, а оттуда первым же рейсом к нам.

— Очень хорошо, — устало вздохнул Дрейк. — Только не забудь им напомнить, что посадочная полоса занята и пока непригодна для приземления.

Они пошли дальше. По мере приближения к потерпевшему аварию транспортнику все громче раздавались негодующие крики запертых в тесных клетках пингвинов, так оглушительно выражавших всему свету свое недовольство.

— Одного не хватает, — вспомнил Дрейк. — Куда, интересно, он подевался?

Подойдя к самолету, он забрался внутрь. Скомканная кожаная куртка торчала за креслом первого пилота. Дрейк вынул ее, расправил и заботливо постелил на сиденье, чтобы Нора не видела покрывающих кресло кровавых пятен, о которых забыл упомянуть Бичем. Потом высунулся из кабины и протянул девушке руку, чтобы помочь ей подняться.

Из кабины пилота они прошли в штурманскую рубку, а оттуда — в багажное отделение. Корпус самолета накренился при посадке, и единственным источником освещения был грузовой люк в нижней палубе. Сквозь его искореженные створки задували внутрь порывы холодного ветра и проникал рассеянный дневной свет.

Внутри самолет казался огромным, и даже массивные топливные баки для дополнительного горючего при выполнении дальних рейсов не скрадывали ощущения простора. В хвостовой части была установлена электрическая плита, питающаяся во время полета от

бортовых генераторов. Палуба грузового отсека выглядела довольно чистой, если не считать разбросанных на ней мелких кусочков коры удивительных карликовых деревьев. Было странно, что они из Антарктиды — ледового континента, где до недавнего времени никто даже не предполагал обнаружить растительность. В том месте, где размещались пингвины клетки, тоже скопилось немного мусора, смешанного с птичьим пометом, вероятно выпавшим сквозь прутья во время болтанки и аварийной посадки. Ничего необычного или экстраординарного на первый взгляд не было.

Дрейк прошелся по отсеку, считая вслух:

— Две-три-четыре... — Он остановился, наклонился, всматриваясь, выпрямился и зашагал дальше. — Так, всего семь пулевых пробоин. Восемь, если учесть ту пулю, что вывела из строя передатчик. Либо самоубийца успел перезарядить револьвер, либо у кого-то еще было оружие. А ну-ка давай с тобой поглядим на эту дверь.

Но на двери, ведущей в кабину, пробоин и вмятин не обнаружилось. Очевидно, изуродовавшая рацию пуля была выпущена из отсека.

— Командир и второй пилот слышали непонятный шум в багажном отсеке, — стал рассуждать Дрейк. — Один из них вышел посмотреть, в чем дело, вернулся за оружием и снова бросился обратно. Выпущено по меньшей мере семь пуль, плюс еще одна в передатчик. Всего, выходит, восемь, верно? — Внезапно он нахмурился. — Черкни-ка у себя в блокноте, Нора, что нужно будет сосчитать патроны в барабане найденного револьвера. Тогда мы точно узнаем, сколько оружия было на борту.

— Всего одно, я думаю, — тихо сказала девушка. — Гильзы все одинаковые.

Она указала пальцем на стык между рубкой и передней частью грузового отсека, где в углу валялись шесть желтых латунных гильз.

— Гм, — пробурчал Дрейк. — Получается, что стрелок опустошил барабан, а потом снова перезарядил его. Странно, очень странно. Выходит, у него появилась такая возможность. Но почему? И где следы крови? В таком маленьком помещении кого-то обязательно должны были задеть.

— А вот я никак не пойму, зачем пилот все-таки застрелился сразу после посадки? — спросила Нора. — Вообще-то у меня сложилось такое впечатление, что он страшно не хотел приземляться на наш остров. Помните, как он повернул от него и взял курс в открытое море? Но потом сообразил, наверное, что горючего до ближайшей суши все равно не хватит, и решил вернуться. В принципе пилот действовал достаточно разумно, на мой взгляд. Слил топливо над океаном и только тогда пошел на посадку. Я даже представить себе не могу, что заставило его покончить с жизнью.

Дрейк снова тщательно осмотрел фюзеляж в поисках незамеченных пробоин, но больше ни одной не нашел. Открывающий створки люка рычаг выглядел совершенно нормально и был зафиксирован в положении: «Открыто». Единственной находкой стало одинокое пингвиное перо, обнаруженное в передней части багажного отделения. Такие крупные, черные перья обычно бывают хвостовыми. Дрейк поднял находку и с ужасом уставился на нее. Запекшаяся кровь в основании пера доказывала, что оно было жестоко выдрано. С мясом.

— Больше нам здесь нечего делать, — объявил он, незаметно отбросив перо в сторону. — Нужно будет сейчас же узнать у Холлистера о состоянии посадочной полосы и попросить Бичема проверить патроны в барабане револьвера. И осмотреть с ним тело бедняги Брауна. Никак не могу поверить...

Дрейк галантно помог девушке спуститься на землю и задержался на минутку у сложенного рядом с машиной груза. О нем тоже следовало позаботиться. На деревянном ящике с научными отчетами крышка была оторвана, одна из боковых планок сломана. Чуть в сторонке

валялась измятая и перекошенная клетка пропавшего пингвина. Четверо его собратьев переговаривались между собой высокими, крикливыми голосами, но уже не так раздраженно. Два тюка с торчащими из них змеевидными корнями лежали с краю. Вывалившаяся через прореху в мешковине часть содержимого третьего тюка была сложена в отдельную кучу.

Холлистер неторопливо расхаживал вокруг разбитой машины, сокрушенно покачивая головой.

— Полосу необходимо освободить как можно скорее, — сказал Дрейк. — Как вы думаете, сколько на это понадобится времени?

Главный механик откашлялся.

— У нас есть два мини-бульдозера для расчистки снега, — мрачно ответил он, — но такую махину им не сдвинуть. Можно, конечно, разрезать самолет на куски сварочным аппаратом, но, на мой взгляд, это было бы просто преступление!

Дрейк быстро взглянул на него, но промолчал.

— Посадка на брюхо, — продолжил Холлистер, — в наше время не такая страшная вещь, как раньше. За время существования авиации их совершали столько раз, что пилоты успели научиться, как это делать. Да и самолеты сейчас строят с солидным запасом прочности. У этой машины крылья в полном порядке. Один винт, правда, полетел, но на нашем складе есть запасной. Дайте мне срок и свободу действий, мы эту птичку поставим на ноги и отбуксируем на стоянку. Мне думается, ее даже и летать заново научить можно.

Дрейк с возросшим интересом оглядел транспортник. Что ни говори, а назвать машины, обслуживающие полярные трассы, хрупкими вряд ли у кого повернется язык. Их проектировали с таким учетом, чтобы, в случае вынужденной посадки, они могли стать кровом и убежищем для экипажа и пассажиров, пока их не обнаружат с воздуха посланные на поиск вертолеты. Этот самолет тоже был сделан на совесть. Некоторые другие модели такая посадка превратила бы в кучу металлолома, но только не эту. И если при оценке ущерба учесть не столько поврежденные, сколько оставшиеся в рабочем состоянии узлы, предположение Холлистера выглядело неправдоподобным.

— Хорошо, — принял решение Дрейк. — Составьте подробную спецификацию и принесите ко мне в кабинет. Я передам ваши предложения по инстанции, но ничего не обещаю. Сами знаете, мы здесь только исполнители, а решения принимают дома.

Механик смачно сплюнул и сказал:

— Хоть убей меня, не понимаю, какого черта старина Браун вlepил себе пулю в башку? Одно я знаю точно: он был не из тех парней, у кого может поехать крыша. И что ему такое вдруг померещилось?

— У каждого из нас накопилось немало вопросов, — вздохнул Дрейк, — на которые я бы тоже не прочь получить ответы. Если вам посчастливится наткнуться хотя бы на один, буду очень благодарен, если не сочтете за труд поделиться.

Кивнув Холлистеру на прощание, он направился в один из складских ангаров, куда положили тело застрелившегося пилота. Большие металлические двери в торце были широко распахнуты, пропуская внутрь достаточно дневного света. Здесь же предполагалось временно разместить весь груз с самолета.

Поборов легкий приступ тошноты, Дрейк внимательно обследовал труп капитана Брауна. Не было сомнений в том, что он застрелился сам. А жаль. Любой другой вариант, включая преднамеренное убийство, был бы, по крайней мере, логически объясним и не возникало бы нерешенных вопросов и фантастических догадок.

На рассудок пилота определенно что-то повлияло, иначе он не стал бы кончать жизнь самоубийством. Но никаким расстройством психики невозможно было объяснить случившееся

с остальными находившимися на борту людьми. Самый буйный маньяк не сумел бы расправиться с такой оравой, не оставив при этом следов. Но если отпадает гипотеза о маньяке, остается только допустить сверхъестественные причины, что уже вообще не поддается объяснению.

Дрейк потряс головой, пытаясь заставить себя рассуждать здраво. Спаркс и еще четверо свидетелей слышали по рации, как началась непонятная кутерьма в багажном отсеке транспортника. При этом Браун и второй пилот Уоррен находились в кабине и, следовательно, никак не могли быть зачинщиками. Этот факт можно было считать бесспорно доказанным. Затем капитан Уоррен, выглянувший из кабины на шум, потребовал дать ему револьвер и, очевидно, получил его. Он же (или кто-то другой?) израсходовал барабан, перезарядил револьвер и произвел еще два выстрела, после чего бесследно исчез вместе с третьим членом экипажа, семью пассажирами и несчастным пингином. Оставшийся в одиночестве Браун каким-то образом (каким?) вновь завладел оружием, посадил самолет и незамедлительно застрелился. Но пассажиров трудно было заподозрить во внезапной вспышке агрессивности. Напротив, судя по единодушному требованию открыть створки люка и возгласам типа: «Дружно, парни, и в люк их, в люк» или «Толкай, толкай скорее», те были больше склонны к сотрудничеству и объединению против неведомого врага.

Начальник базы с горечью взгляделся в застывшее лицо мертвого пилота. Они не были с Брауном друзьями, но поддерживали приятельские отношения. Сейчас же Дрейка не покидало дурацкое ощущение, что он смотрит вовсе не на капитана, а на оболочку, в которой тот некогда обитал, а потом покинул ее за ненадобностью. Наверное, что-то подобное испытываешь, когда видишь мертвым хорошо знакомого человека. Личность исчезла, испарилась, ушла, а что осталось...

От внезапно пришедшей в голову сумасшедшей, ужасающей мысли волосы на голове Дрейка едва не встали дыбом. Конечно же он никогда ни во что такое не верил. Ни на секунду. Поверить в невероятное было бы чистейшей воды безумием. Шизофренией. Паранойей. Никто и ничто не может проникнуть из воздуха в герметично задраенный салон самолета, не говоря уже о том, чтобы атаковать или захватить его. Никто и ничто не в состоянии сожрать или иным образом бесследно уничтожить десять человек, а потом принять облик одного из них и занять его место. Да и какой смысл притворяться потом мертвецом? Нет, поверить в существование неизвестного науке существа, обладающего разумом и враждебного по отношению к людям, было решительно невозможно!

Дрейк даже зубами закрипел от злости и стыда за свое так некстати разыгравшееся воображение. Разумеется, он ни на мгновение не воспринял всерьез пришедшие в голову мысли, он искренне желал бы вообще не иметь ничего общего с подобными идеями.

— Как бы то ни было, — пробормотал Дрейк смущенно, — будь даже на острове штатный врач, производить вскрытие не в нашей компетенции и никто нам этого не позволит.

Он запнулся и умолк, словно испугавшись звуков собственного голоса. Металлические стены ангара не отражали его слов, а глухо вибрировали под натиском завывающего снаружи ветра. К этому то затихающему, то вновь усиливающемуся гулу вскоре добавился скрип гравия от колес и ног людей. Это рабочие доставляли на склад первую партию багажа, выгруженного из самолета. Одна ручная тачка на маленьких резиновых колесиках была с верхом заполнена биологическими образцами из оазиса Горячих озер, а во второй громоздились ящики с научными отчетами.

Некоторое время Дрейк наблюдал за разгрузкой и укладкой. Места на полу было более чем достаточно, и его присутствие в роли невольного надсмотрщика выглядело излишним и неоправданным. Когда рабочие покатали свои тачки за очередной партией, он покинул склад и

пошел к себе. По дороге Дрейк встретил одну из четырех живущих на Гоу-Айленде беспородных дворняг. Пес приветливо помахал лохматым хвостом и увязался следом. Проводив начальника базы до административного корпуса, он попрощался с ним, виляя хвостом, и умчался прочь по каким-то своим собачьим делам.

Как только Дрейк вошел в кабинет, Нора протянула ему только что отпечатанный на машинке лист бумаги. Это был официальный ответ на ранее отправленный по радио отчет о случившейся трагедии. Сейчас даже трудно было поверить, что все это произошло не более трех часов назад. Сама по себе авария не могла, разумеется, считаться чем-то из ряда вон выходящим. Поломки случаются сплошь и рядом, хотя, конечно, далеко не всегда они бывают сопряжены со столь необычными обстоятельствами. Поэтому, наверное, последовала незамедлительная реакция начальства, обычно куда более тяжелого на подъем.

В наши дни каждый считает себя психиатром, как чуть раньше каждый был собственным врачом. Когда рапорт Дрейка по поводу катастрофы, содержащий только факты, которые были восприняты как параноидальный бред и маниакально-депрессивный психоз в завершающей стадии, добрался до Вашингтона, сообщение привлекло к себе повышенное внимание. Каждый чиновник, через руки которого оно проходило, не мог отказать себе в удовольствии поставить свой собственный диагноз. Выводы и решения на самом высоком уровне последовали незамедлительно, вот только основывались они, к несчастью, не на изложенных в рапорте фактах, а на предполагаемом состоянии психики человека, написавшего донесение.

Все материалы об аварии транспортного самолета на Гоу-Айленде были переадресованы в психиатрическую секцию службы с добавлением соответствующих рекомендаций. В них содержался прозрачный намек на то, как именно следует относиться к злополучному документу. О степени заблуждения начальства можно было судить хотя бы по тому, что никто из руководства не удосужился запросить повторное подтверждение случившегося. Полученные Дрейком распоряжения не оставляли сомнений в высокой медицинской квалификации столичных чиновников и содержали настоятельное требование срочно взять подробные письменные показания у каждого из девятнадцати обитателей острова. Каждый свидетель обязан был написать обстоятельное изложение событий, после чего все эти документы следовало срочно передать по рации на «большую землю».

Дрейк равнодушно пожал плечами.

— Займись этим сама, Нора, — сказал он сдержанно. — Эти болваны возомнили, что расследуют не авиакатастрофу, а случай всеобщего помешательства на отдаленной, изолированной базе. Очевидно, они рассчитывают заполучить сенсационные материалы по массовой галлюцинации персонала и полагают, что самолет приземлится в Вальпараисо завтра утром строго по расписанию.

— Но он же не приземлится! — растерянно воскликнула девушка.

— Конечно не приземлится, — согласился Дрейк. — Ты только голову не ломай, а сделай, что приказано. Все поняла?

И Нора отправилась выполнять в высшей степени необычное распоряжение столичного начальства. Она должна была проинформировать каждого служащего базы и подробно растолковать, что именно от него требуется. Можно было не сомневаться, что люди отнесутся к этому по-разному. Дрейк усмехнулся, представив себе, как будут ломать головы вашингтонские психоаналитики над девятнадцатью различными версиями случившегося. Ведь их выскажут напуганные и шокированные катастрофой люди, чьи нервы и до катастрофы изрядно расшатались за долгие месяцы однообразного, тоскливого существования.

Начальник базы набил трубку, зажег и принялся неторопливо раскуривать ее. В деятельности любой крупной организации всегда существует определенное количество

моментов, абсолютно нерациональных с позиций логики и здравого смысла. Поскольку стандартное расследование будет вестись таким странным методом, Дрейк хорошо представлял себе, какая жуткая неразбериха возникнет в высших эшелонах. Такая же, если не большая, путаница возникнет в головах чиновников, как только психиатры закончат анализы и сделают свои заключения. Очень сомнительно, что кто-либо посмотрит на случившееся трезво, хотя сам Дрейк по-прежнему пребывал в полной уверенности, что существует логичное и здоровое объяснение события.

Он попытался самостоятельно проанализировать и выбрать возможные варианты. Бунт на борту, заговор с целью захвата самолета, буйное помешательство пассажиров или членов экипажа отпадали сразу, благодаря прямой трансляции из кабины, прекратившейся лишь после того, как шальная пуля разбила передатчик. Но почему же все-таки покончил самоубийством Браун, которого Дрейк всегда считал уравновешенным капитаном, чья психика, казалось, способна выдержать любые потрясения? Если он был свидетелем, как некий невидимый монстр уничтожает одного за другим находящихся на борту людей, то его явное нежелание приземлиться на острове становится понятным. Браун просто не хотел подвергать риску тех, кто должен был встречать его на земле. Поэтому он направил машину в открытое море, возможно, с целью утопить самолет, себя и неведомого агрессора в каком-нибудь отдаленном, но глубоком квадрате. С другой стороны, если на борту произошло нечто, далеко выходящее за обычные рамки, он мог перестать доверять собственным органам чувств и даже убедить себя в том, что сошел с ума. И действовать в дальнейшем исходя именно из такой предпосылки.

Стук в дверь прервал размышления начальника базы. В кабинет вошел заведующий складом Спеллинг. Он выглядел еще более взволнованным и напряженным, чем обычно. Дрейк еще раз решил отправить его в отпуск при первой же возможности. Вот уж кому отпуск действительно был необходим! Сполдинг был ярким фанатиком рок-н-ролла и мучительно страдал, оторванный от музыкальных новинок. Его навязчивое ухаживание за Норой было, с одной стороны, попыткой найти замену своему увлечению, с другой — предупреждало о расшатанной нервной системе. Процесс ухаживания сопровождался мелодраматическими сценами и постоянными скандалами. А частые скандалы и ссоры в тесном кругу нередко приводят к весьма непредсказуемым и нежелательным последствиям.

— Я тут поспрашивал кое-кого, — срывающимся от волнения голосом заявил Сполдинг, — и, мне кажется, понял, что на самом деле произошло на борту самолета.

— Если это действительно так, — спокойно сказал Дрейк, — примите мои искренние поздравления. Особенно в том случае, если ваша версия устроит больших шишек в Вашингтоне.

— Не думаю, что она их устроит, — недовольно проворчал завскладом.

— Ну, тогда она и нам вряд ли пригодится, — заметил начальник базы, попыхивая трубкой.

— Вовремя принятые меры могут спасти наши жизни, — не сдавался Сполдинг.

Дрейк пустил в потолок несколько колечек табачного дыма.

— Что ж, готов признать, что в таком случае ваши соображения могут иметь определенную ценность. И в чем же, по-вашему, причина катастрофы?

Парень без приглашения уселся на стул. Казалось, будто все его мышцы напряжены до предела, а сам он находится на грани нервного срыва.

— Вы помните, надеюсь, — заговорил он, тщетно пытаясь казаться раскованным, — как начинались регулярные авиарейсы над акваторией Тихого океана? И сколько самолетов с тех пор пропало без вести? Машина поднималась в воздух, и больше о ней никто никогда не слышал. По официальной версии, причиной всех этих исчезновений принято считать отказ двигателя либо разрушение плоскостей при случайном попадании в мощные вертикальные воздушные потоки. Вы помните, мистер Дрейк?

Тот кивнул и снова затянулся. Собеседник, на его взгляд, был слишком взбудоражен, чтобы связно рассуждать, но выслушать его все-таки стоило. Вдруг он и впрямь случайно наткнулся на какое-то рациональное объяснение.

— В наши дни подобное происходит значительно реже, — продолжал развивать свою мысль молодой человек, — но самолеты по-прежнему продолжают исчезать. Взять хотя бы тот случай пару месяцев назад.

Дрейк снова кивнул. Два месяца назад трансокеанский воздушный лайнер пропал из эфира, лишь немного не дотянув до берега. Поисковые группы нашли полдюжины спасательных плотиков — надутых, но пустых. И несколько мертвых тел. Тридцать семь погибших — и никакой разумной версии о причинах катастрофы. Одни догадки.

— Этот самолет на взлетной дорожке, — убежденно заявил Сполдинг, — тоже должен был исчезнуть, как другие, — без следов и без видимой причины.

— А поскольку этого не произошло, — вздохнул Дрейк, — высокое начальство станет теперь все валить на наши головы. Им в сто раз проще иметь дело с загадочным исчезновением, чем с реальным событием, в которое невозможно поверить.

— Я только хотел сказать, что тот авиалайнер и наш самолет погибли в результате воздействия одного и того же пока неизвестного фактора, — обиженно пояснил завскладом.

— И у вас есть доказательства?

— Нет! — взвился Сполдинг. — Ни крупницы! Только логика и здравый смысл. Все эти исчезновения происходили в разных местах и в разное время, но имели нечто общее. А именно: внезапное прекращение радиопереговоров с наземными службами. Предполагалось, что экипаж был так занят ликвидацией возникшей ситуации, что не имел времени выйти на связь.

— И что же это за ситуация? — лениво поинтересовался Дрейк.

— Существо или явление, способное проникнуть в летящий самолет и вышвырнуть за борт всех находящихся внутри людей! — не в силах больше сдерживаться, заорал собеседник. — Вот что это такое, черт побери!

Тон его стал угрожающим, манера поведения — агрессивной. Он и до трагедии был предельно взбудоражен, с тревогой ожидая появления на острове новых лиц и заранее изводя себя и Нору ревнивыми домыслами. Сейчас все это вызвало накапливавшееся напряжение и интенсивную вспышку ярости, а трагедия вполне могла сыграть роль детонатора. Дрейк решил оставаться внешне спокойным и быть терпеливым к любым выходкам распоясавшегося юнца. Он мог, разумеется, в двух словах опровергнуть выдвинутую парнем фантастическую теорию, но ни в коем случае не желал обострять ситуацию и доводить дело до конфликта. Сейчас разумней было подыграть Сполдингу, а потом первым самолетом отправить его в отпуск.

— Вы имеете в виду, насколько я понимаю, кого-то вроде птицы Рух? — вежливо осведомился Дрейк. — Что ж, я не претендую на экспертное суждение, но мне кажется, что существо подобных размеров непременно кто-нибудь должен был заметить.

— Да не имел я в виду никакой птицы Рух! — взорвался завскладом. — И не нужно меня гладить по головке! Я не ребенок и прекрасно могу отличить арабские сказки от исторических фактов. Я вам толкую о том, что погибли люди. И это не мое воображение, а реальная действительность. Повторяю еще раз. Все необъяснимые катастрофы самолетов над Тихим океаном происходили в разное время и в разных местах. С математической точки зрения разброс координат с учетом по времени представляет собой чисто случайную последовательность, примерно такую же, какая получается, сопоставляя, скажем, все случаи нападения на людей тигров-людоедов в Индии. Чтобы тигр атаковал человека, необходимо совпадение, как минимум, двух основных факторов: оба должны оказаться в одном и том же месте в одно и то же время. Заметьте, кстати, что при исчезновении самолетов ни разу не были

зафиксированы полностью совпадающие метеорологические условия: сила и направление ветра, облачность, температура воздуха. Вы еще не усматриваете аналогии с тиграми? Это же очень просто! Самолеты пропадаают, оказавшись в одном месте в одно и то же время с чем-то таким, что способно их уничтожить. С кем-то таким, кто нападает на летательные аппараты прямо в воздухе и убивает пассажиров и экипажи, прежде чем люди, занятые отражением атаки, успевают связаться с землей.

— Предположим, что все это правда, — задумчиво произнес Дрейк. — Но как добыть доказательства? И что это за тварь такая, которой под силу справиться с экипажем и пассажирами многоместного лайнера? Между прочим, что вы имели в виду, говоря о спасении наших жизней?

— Могу точно сказать, что это не гигантская птица, — ответил Сполдинг.

— Вы меня за дурака принимаете, я же вижу! — внезапно закричал он в гневном порыве. — Или за ненормального! Какого черта вы мне все время подыгрываете?!

Дрейк развел руками.

— Во-первых, вы ошибаетесь. Во-вторых, за неимением лучшего я готов принять вашу гипотезу за рабочую. Подтверждающих ее фактов у нас пока нет, но и опровергающих тоже. Сейчас, однако, меня больше интересует другое. Как я понял, у вас появилась некая идея, реализовав которую мы сможем обеспечить населению острова безопасность и защиту от неизвестного монстра, кем бы он ни был. Вы действительно считаете, что он может объявиться на Гоу-Айленде?

— Браун летел сюда, — пояснил, успокаиваясь, завскладом, — поэтому логично предположить, что напавшая на машину тварь знала о том, куда он направляется, и последовала за единственным оставшимся в живых пилотом. Да, я считаю, что чудовище способно проникнуть на остров, и придет оно за Брауном!

Дрейк раскурил трубку.

— Вы хоть понимаете, Сполдинг, — заговорил он наконец нарочито небрежным тоном, — что если я доложу начальству вашу версию происшедшего и укажу автора, то тут же получу приказ запереть вас в изолированную камеру и выбросить ключ. А мне бы очень не хотелось этого делать. Но мы опять отвлеклись. Давайте лучше я выслушаю ваши предложения, как нам всем защититься от этого самого неизвестно-кого-но-только-негигантской-птицы. Но предупреждаю заранее: я не приму, даже в качестве гипотезы, никаких других летающих тварей, потому что самолет находится на взлетной полосе и на его фюзеляже и плоскостях нет никаких следов, указывающих на нападение извне. Более того, несколько человек, присутствовавших при трансляции, могут подтвердить, что пассажиры в багажном отсеке, наоборот, пытались вытолкать из самолета кого-то или что-то. Итак, я слушаю. Что это было, по-вашему, и как с ним бороться?

— Огнестрельным оружием его не взять, — убежденно высказался Сполдинг.

— Пули на него не действуют. Кто-то выпустил целую обойму, не считая той, что Браун приберег для себя, и все без толку.

— Используя ваше утверждение, — кивнул Дрейк, — действительно можно предположить, что пули либо проходили сквозь тело гипотетического монстра

— если у него вообще такое имеется, — либо просто в него не попадали, потому что тварь оказалась или слишком маленькой, или такой конфигурации, которая существенно затрудняет прицел. Любопытно, однако, что вы можете предложить взамен?

— Огонь! — пылко воскликнул юноша. — Что бы нам ни угрожало, оно определенно живое. Но даже среди известных науке животных полно таких, которых из ружья не убить, если точно не знаешь, куда стрелять. А огня боятся все живые существа на свете, потому что любое

из них может сгореть! У нас на складе полно ракетниц. Раздайте их персоналу! Вспышка ракеты наверняка отпугнет монстра. Так, и только так, мы сможем защитить Гоу-Айленд и спасемся сами от той твари, что проникла в самолет и прикончила всех до единого, кроме Брауна!

Дрейк надолго задумался. Он не поверил в экстравагантное предложение сидящего напротив невротика, но положение руководителя обязывало его принять мудрое и взвешенное решение, учитывающее, помимо прочего, морально-психическое состояние подчиненных ему людей.

— Вы ведь у нас заведуете складом, — сказал он после паузы, — вам и карты в руки. Даю вам официальное разрешение выдать ракетницу и боезапас к ней каждому, кто обратится к вам с соответствующей просьбой. Устраивает?

— Устраивает, — пробурчал Спеллинг, — только лучше бы вы приказали каждому получить ракетницу и не расставаться с ней ни днем ни ночью. А иначе я серьезно опасаясь, что тот мертвец в ангаре окажется не последним трупом на этом чертовом острове!

На этом они и расстались. Парень ушел недовольный и разочарованный, но Дрейк успел заметить на его лице мгновенную вспышку удовлетворения. Пусть частично, но он своего добился, одержав хоть маленькую, но все же победу над начальником базы. Последнее обстоятельство было особенно важно для самолюбивого эгоиста, потому что ревновал Нору Холл к Дрейку, с которым она проводила в общении значительно больше времени, чем со всеми остальными мужчинами Гоу-Айленда, вместе взятыми.

Избавившись наконец от докучливого посетителя, Дрейк откинулся на спинку кресла, ощущая невероятную усталость от необходимости постоянно обращать внимание на множество самых разнообразных фактов, каждый из которых, если вовремя не отреагировать, мог привести к конфликтам и немотивированным поступкам его персонала. Вот только никого почему-то не волновало, что при этом чувствует и переживает он сам и как это все ему действительно надоело. Ему вдруг страстно захотелось хоть на миг обрести никем и ничем не ограниченную свободу.

— Господи, как было бы здорово, — произнес вслух Дрейк, обращаясь к стенам кабинета, — встать сейчас на четвереньки и залаять! Или заорать во весь голос... Просто так, потому что хочется.

Разумеется, ничего подобного он делать не стал. Работы еще было невпроворот, да и люди то и дело заглядывали к нему в кабинет. Хорошо хоть непрерывный поток официальных радиogramм от начальства застопорился. Разбирая скопившиеся на столе бумаги, он принял дежурного по жилому барраку, пришедшего с какой-то жалобой, а до него кока, не знающего, что ему делать с провизией, подготовленной для праздничного обеда и рассчитанной на десять лишних персон. Все замороженные продукты уже успели оттаять, а замораживать их снова, по словам повара, было никак нельзя.

— Да делайте что хотите, хоть псам скормите, — отмахнулся от него Дрейк, а вот от дежурного так просто отделаться не удалось.

Тот долго мялся, но потом все же решился задать не относящийся к служебным обязанностям вопрос.

— Я вот все думаю, сэр, куда подевались все эти люди? На берегу Антарктиды полно русских станций. Как вы считаете, могли они послать свой самолет, чтобы испытать на нашем какое-нибудь секретное оружие?

— Понятия не имею, — признался Дрейк. — Пока что с такой версией известные нам факты не стыкуются. И с любой другой тоже. Ни единой ниточки, которая могла бы привести к истине! Мне иногда кажется, что, чем ломать голову, лучше уж сидеть да бумажных кукол

вырезать.

— Да, тут ко мне Сполдинг забежал, — вспомнил дежурный. — Всучил мне ракетницу с патронами, велел сразу же зарядить и не расставаться с ней ни на секунду.

— С моей стороны возражений нет, — пожал плечами начальник базы.

Дежурный ушел. На смену ему явилась Нора.

— Все сидят и высунув языки строчат свидетельские показания, — сообщила она. — Многие спрашивали, как надо писать? Я сказала: просто опишите все, что видели сами, как в письме домой.

— Бюрократы не выносят простого английского языка, — заметил Дрейк, — зато вашингтонские мозгоеды наверняка будут очарованы безыскусным стилем наших сочинений. Хочешь знать, что я обо всем этом думаю?

Девушка задумчиво посмотрела на него и улыбнулась.

— Ничего вы не думаете, а просто ждете, пока что-то прояснится.

— Ты права, но не совсем, — одобрительно кивнул Дрейк. — Прежде всего я жду, пока не установится некий общий критерий. Когда два десятка человек высказывают двадцать противоречивых версий одного и того же события, ни одному из них нельзя верить безоговорочно. Поэтому приходится сидеть и ждать дополнительной информации, на основе которой уже можно судить, кто врет, кто заблуждается, а кто говорит чистую правду. Тогда, и только тогда, ты имеешь право установить для себя определенные основные критерии и засучив рукава приниматься за работу. Честно говоря, самое трудное на свете занятие — это откладывать вынесение приговора, пока не соберешь все влияющие на решение факты.

— Сразу видно, что вы не женщина, — рассмеялась Нора. — Нам, между прочим, приходится заниматься этим ежедневно. Иначе нельзя. Хотя не скажу, что и мы застрахованы от ошибок.

Дрейк посмотрел на часы.

— Не стоит совершать одной больше, задерживаясь сегодня на работе, — сказал он. — Если какая-нибудь ужасно большая шишка с самого верха вдруг возжелает переговорить с моей скромной персоной, меня в любом случае разыщут. Но в данный момент я твердо намерен пойти прогуляться.

— Вооружившись ракетницей?

— Почему бы и нет? Знаешь, если Сполдинг все-таки прав, никому из нас не стоит бродить одному по острову. Эта страшная тварь-которая-не-птица-Рух-а-черт-знает-что-такое легко может сцапать и слопать зазевавшегося прохожего. Или прохожую. А как вы смотрите, Нора, на заманчивое предложение совершить прогулку вдвоем? Закатом полюбоваться и все такое прочее...

Следует отдать девушке должное: раздумывала она не дольше секунды.

— Я с удовольствием пойду с вами, — сказала она и добавила с лукавой усмешкой: — Но только с ракетницей!

Когда они вышли на свежий воздух, уже начали сгущаться долгие, серенькие сумерки, характерные для высоких широт. Но до заката оставалось еще порядочно времени. Почти всю западную половину небосвода застилала плотная облачная масса, и только над горизонтом светлела узкая полоска чистого неба, но не голубая, а багровая в лучах скрытого за облаками солнца. Неизменный прибой с грохотом швырял набегающие валы в подножие прибрежных утесов. Почему-то сегодня его рев казался особенно сердитым и злобным.

Пока Дрейк с Норой неторопливо шагали по направлению к скалам, заходящее светило выскользнуло наконец из облачного плена и озарило неярким багрянцем остров и гряду утесов на берегу. Последняя вспышка света уходящего дня окрасила алым отвесные гранитные скалы и

словно надела на сверкающие всеми цветами радуги короны на их вершины. И даже редкие карликовые деревья и кустарники, произрастающие на тощей почве Гоу-Айленда, приобрели в эти мгновения праздничный вид, несмотря на их уродливые, искривленные ветрами и непогодой стволы. А задумчивое лицо Норы в закатных лучах тоже как будто изнутри засветилось своим неповторимым сиянием. Идущий с нею рядом Дрейк был так поражен этим чудесным превращением, что то и дело приостанавливался, бросая исподтишка на спутницу восхищенный и в то же время слегка удивленный взгляд.

Такие же багрово-красные отблески отражались от гребней непрерывной чередой несущихся к острову гигантских валов, а затененные провалы меж ними казались сгустками темного пурпура. Стайками и поодиночке срывались с утесов морские птицы, паря и кувыркаясь в воздушных потоках. Время от времени до лиц замороженных этим зрелищем пары долетали обжигающе холодные микроскопические частички водяного пара от кипящего под их ногами котла прибоя. Его глушащий гул доминировал буквально над всем, и даже резкие птичьи крики воспринимались на этом фоне как невнятный шепот.

Дрейк дважды порывался что-то сказать и оба раза сдерживал себя. Решившись наконец, он повернулся к девушке и произнес:

— Сполдинг ходит за тобой по пятам, как будто он твой родной брат. Его поведение слишком бросается в глаза. И я сомневаюсь, что речи, которые он ведет, имеют хотя бы отдаленное отношение к братским чувствам.

Нора безразлично повела плечами, не отрывая взгляда от изумительно красивой панорамы.

— Я решил отправить его в отпуск при первой же возможности, — сказал Дрейк. — Ты не возражаешь?

Девушка повернулась к нему.

— Честно говоря, я буду только рада, — призналась она. — Вообще-то он малый неплохой и намерения у него добрые, но меня ужасно раздражает его манера постоянно искать скрытый смысл в каждом услышанном слове. И реакция у него неадекватная. То вдруг начинает со мной заигрывать вовсе без малейшего повода, то жутко обижается неизвестно на что, хотя у меня и в мыслях не было его задевать.

Дрейк на мгновение задумался.

— Хочу кое-что у тебя спросить неофициально, — начал он, тщательно подбирая слова. — Попробуй забыть, что я начальник, а ты — моя подчиненная, и ответь мне честно: ты хочешь в отпуск?

— Нет, — покачала головой Нора. — Со мной все в порядке. Многие на острове нуждаются в отдыхе гораздо больше, чем я. К тому же, — улыбнулась она, — мне нравится моя работа.

— Хотел бы я знать, что в ней такого привлекательного? — удивился Дрейк и добавил после паузы: — У меня такое ощущение, что половина персонала базы большую часть времени находится на грани истерики. Могу только представить, какое разрушающее влияние на общее моральное и психическое состояние окажет сегодняшнее происшествие с этим проклятым самолетом! Честно сознаюсь, что с ужасом ожидаю наступления завтрашнего дня.

— У всякой катастрофы существует причина, — возразила Нора, — и вы ее рано или поздно обязательно отыщете. А когда это сделаете, все скажут, что они так и знали, и постепенно успокоятся.

Дрейк надолго замолчал, потом снова заговорил усталым, отрешенным голосом:

— Теснота, скука, постоянное напряжение плюс тревожное ожидание чего-то ужасного — такое сочетание способно вызвать самые дикие и невыносимые ситуации с непредсказуемыми последствиями. Тот же Сполдинг в душе романтик. Он может остаться таким же или просто станет совершенно невыносимым. Что касается меня... — Он запнулся и умолк. Нора

пристально уставилась на него. — Я тоже раньше был неисправимым романтиком, — грустно признался Дрейк. — И оставался им долгое время, стараясь, естественно, никак не проявлять своих чувств. Но при сложившемся на острове положении, учитывая мою должность, я не имею права поддаваться эмоциям, отчетливо понимая, что такой путь неизбежно приведет к трагедии. Поэтому я вынужден играть роль холодного, бесстрастного наблюдателя. До тех пор, во всяком случае, пока не разрешится эта загадочная история с самолетом. Знаешь, как подумаю об этом, — то мурашки по спине, то в дрожь кидает. И дело не в том, что меня пугают какие-то конкретные соображения, а как раз наоборот — в том, что все мои подозрения чересчур туманны и лишены фактической основы. Когда не знаешь, чего ожидать, может случиться все, что угодно. Или ничего. Вот поэтому я и боюсь.

Нора покачала головой и бросила на него недоверчивый взгляд.

— Ну, не за себя, конечно, — пробормотал Дрейк, избегая смотреть на девушку, — а вот за тебя беспокоюсь очень. И я бы не хотел иметь лишние поводы для переживаний. Ты можешь мне пообещать... Нет, не так. Могу я тебя попросить соблюдать те меры предосторожности, которые предложу? Прежде всего, постоянно держись начеку. Я знаю, Нора, ты смелая, и вовсе не требую, чтобы ты меняла свои привычки. Но настоятельно прошу тебя вести себя осторожнее. Хотя бы в ближайшие дни.

— С чего вдруг такая трогательная забота именно обо мне? — с легким удивлением в голосе осведомилась она.

Дрейк смущенно откашлялся.

— Я же тебе говорил, что когда-то тоже был романтиком? И хочу, чтобы ты знала: когда придет твоя очередь идти в отпуск, я тоже постараюсь уговорить начальство отпустить меня одновременно с тобой. Если ты не против, конечно. — Внезапно он усмехнулся. — Короче говоря, хочу тебя предупредить, что намерен отправиться с тобой домой одним рейсом. Надеюсь, у меня хватит влияния это устроить. А когда мы вместе окажемся там, где на нас никто и ничто не будет давить, я рассчитываю вскружить тебе голову, пустив в ход всю силу моего мужского обаяния. Ну а пока этот счастливый миг не настал, еще раз прошу тебя поберечься.

Нора некоторое время раздумывала, изредка поглядывая на Дрейка и снова устремляя взор к горизонту. Когда она заговорила, в голосе ее прозвучали ноты обиды:

— Все-таки не понимаю я вас, мужчин! И конечно, я не против отпуска с вами сейчас и не буду против потом, вы же об этом прекрасно знаете. Не делайте вид, что не замечали все это время, как я сама вам на шею вешалась.

Она выжидающе посмотрела на него, но тот даже не пошевелился. Девушка недовольно фыркнула.

— Послушай, девочка моя, я совсем не такой холодный и неприступный, каким выгляжу, — поспешно сказал Дрейк, — но не забывай, что нас с тобой отлично видно из ближайших барачков. На этом острове нигде не укрыться и нужно быть постоянно настороже. Держу пари, что Сполдинг сейчас за нами наблюдает. И не только он один. Ты же знаешь, что тут днем и ночью все за всеми следят. Поэтому я обязан любой ценой поддерживать свою репутацию беспристрастного монстра с рыбьей кровью. Иначе весь мой авторитет провалится в тартарары, а подчиненные начнут относиться ко мне как к такому же болвану, как они сами. И будут совершенно правы, между прочим. Но пока этого не произошло, я намерен строго соблюдать приличия.

Нора натянуто рассмеялась.

— Вот ведь незадача какая! — сказала она, глядя на Дрейка с нежностью.

— Вы только что признались, что собираетесь сделать мне предложение, и я согласилась

его принять. А тем временем мы тут с вами стоим и...

— ...ничего не делаем! — весело закончил начальник базы. — Ты уж прости меня, дорогая, — продолжил он серьезно, — но ты, кажется, обещала мне не делать глупостей. То, что случилось в самолете, может повториться и на острове. Я такого варианта не исключаю, а Сполдинг — тот вообще в этом убежден.

Девушка протянула руку и легко коснулась его локтя.

— Ладно, — сказала она со вздохом, — я буду послушной девочкой. Мы пойдем назад или погуляем еще? Я бы, например, с большим удовольствием заглянула за утесы или прошлась до той рощицы, в ней можно так здорово посидеть под деревьями...

— Мы пойдем назад! — нарочито грубо перебил ее Дрейк. — Сейчас не время гулять под луной и забивать себе головы всякими романтическими бреднями. Даже если это наши с тобой романтические бредни, — добавил он уже тише, с ласковой интонацией в голосе. — Пошли, моя милая, ничего не поделаешь.

И они двинулись обратно, по направлению к родным строениям, выглядевшим странно на этой бесплодной, каменистой почве. Солнечный диск миновал узкую полосу чистого неба и уже провалился за край горизонта. Сразу сгустились сумерки, и даже ярко-красный чулок флюгера на метеомачте совершенно не отличался от мрачной окружающей среды. Казалось, будто во всем мире не осталось ничего, кроме громоподобного рокота прибоя и легких шагов по чахлой жесткой траве. Вокруг было темно, но лицо Норы продолжало светиться все тем же внутренним светом, а на губах ее играла счастливая улыбка.

Откуда-то из-за складского ангара вынырнул Том Белден. Он остановился на миг, растерянно озираясь, заметил проходившую пару и со всех ног бросился к ним.

— Скорее, сэр! — закричал он срывающимся голосом. — Это... Оно появилось! Оно здесь, сэр!

Дрейк остановился и подождал, пока Том преодолел разделявшее их расстояние. Парень стоял перед ними, тяжело дыша, его волосы были растрепаны, а лицо, перекошенное от ужаса, выделялось бледным пятном в сгустившихся сумерках.

— Мистер Бичем сказал, что кто-нибудь должен посидеть с покойным капитаном Брауном, — едва отдышавшись, заговорил Белден. — Это такой обычай ирландский, сэр, вроде поминок. Вот я и пошел за стульями, чтобы поставить в ангар, где он... ну, где он лежит. Подхожу к дверям и слышу, что внутри кто-то возится. А там же темно! Кому, думаю, взбрело в голову в потемках копошиться? Кричу, кто там? — никто не отвечает. Я только шаг сделал, а оно на меня как набросится! Ну, я и дунул оттуда со страху...

Вспыхнул свет в одном из окошек мужского барака, особенно яркий в подступающем ночном мраке. Ни слова не говоря, Дрейк повернулся и зашагал к ангару. Поколебавшись секунду, Том вприпрыжку бросился за ним. Начальник базы резко остановился.

— Проводи мисс Холл в комнату отдыха, — приказал он. — Там сейчас наверняка кто-нибудь есть. А ты, — повернулся он к Норе, — пришли мне на подмогу парочку вооруженных парней. Потом собери всех девушек в одной комнате и попроси, чтобы их охраняли. А сама тоже оставайся с ними.

— Прошу вас, не ходите туда! — взмолилась Нора. — Вы же сами предупреждали, что надо соблюдать осторожность.

Дрейк нахмурился.

— Хорошо, один я туда не пойду, — пообещал он. — Буду ждать снаружи, пока не пришлешь людей на помощь.

Проводив взглядом девушку и Белдена, он снова направился к складу, ругая себя за то, что вышел на прогулку безоружным. Прислушайся он к совету Спеллинга, чувствовал бы себя

сейчас куда уверенней с ракетницей в руках.

Стараясь ступать бесшумно, Дрейк приблизился к торцу ангара, похожего на половинку разрезанного вдоль оси металлического цилиндра. Эту конструкцию в разобранном виде привезли за двенадцать тысяч миль, чтобы собрать и установить здесь, на Гоу-Айленде. В ангаре хранилось самое разнообразное снаряжение и оборудование, на которое время от времени поступали требования из научных полярных станций. Заказы грузили на транспортные самолеты и отправляли адресатам. В помещении была электропроводка, и его можно было отапливать. Окна отсутствовали. Большие створки ворот были заперты, а маленькая дверца приоткрыта. Наверное, Том Белден в спешке не закрыл ее. Справа за дверью находился распределительный щит с рубильником, с помощью которого включался свет.

Дрейк подкрадывался к складу тихо, как мышка. Вдруг раздался резкий удар. Рокочущий гул приборя не смог заглушить шум от падения внутри ангара чего-то тяжелого. Дрейк замер на месте. В крошечной тьме он ничего, естественно, разглядеть не мог, но определенно что-то в помещении двигалось. Он насторожился и услышал своеобразный звук: словно скользило что-то массивное по ровной поверхности. Звук не был похож ни на человеческие шаги, ни на тяжелую поступь крупного хищника. Да, это было явно скольжение, сопровождаемое характерным царапаньем по цементному полу органов передвижения неведомого существа.

Из ангара раздался грохот обрушившегося со стеллажей ящика. Дрейк вздрогнул и тут же услышал чей-то ободряющий крик:

— Мы идем, сэр! Мы уже здесь!

Он узнал голос Спеллинга и недовольно поморщился: совсем ни к чему было так шумно рекламировать свое появление. Что бы ни находилось сейчас на складе, отсутствие света явно его устраивало. Вряд ли это человек, потому что никто в здравом уме не станет ночью возиться в неосвещенном ангаре и сбрасывать со стеллажей контейнеры с оборудованием. И если это существо действительно предпочитает ночной образ жизни, оно обладает преимуществом перед людьми, которые плохо видят в темноте.

Со стороны барачков приближались едва различимые в ночном мраке фигуры. Если эта тварь сейчас выскочит... Дрейк ринулся вперед, рванул на себя дверцу и метнулся вправо, на ощупь отыскивая рубильник. Он был очень недоволен собой: страх сковал его, движения замедлились.

Щелчок переключателя — помещение озарилось ярким светом. Дрейк повернулся, осматриваясь, и отметил, что ночной мрак за раскрытой дверью прорезают лучи мощных фонарей в руках бегущих ему на подмогу людей.

— Не входите пока! — крикнул он хриплым от напряжения голосом. — На складе кто-то есть: я сам слышал, как здесь гроыхало! И, бога ради, пусть кто-нибудь даст мне пистолет!

Появившийся в дверном проеме Сполдинг, злорадно ухмыляясь, сунул ему в руку ракетницу — тяжеленную и очень неудобную, с толстым восьмигранным стволом, заряженную цветной сигнальной ракетой. Дрейк выругался сквозь зубы, но ничего не сказал. Пусть громоздкое, но все же оружие. По крайней мере, он точно знал, что забравшаяся в ангар неизвестная тварь до сих пор в нем находится и затаилась, когда загорелся свет.

Начальник базы первым шагнул вперед. Остальные, опасливо озираясь, потянулись за ним. В помещении не было слышно ни звука. Длинные люминесцентные лампы под арочным сводом потолка заливали все вокруг холодным, ослепительным сиянием. По обе стороны от центрального прохода тянулись ярусы стеллажей, аккуратно заставленных коробками, ящиками, мешками, банками и контейнерами. Здесь было собрано все необходимое для обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, занятых научными наблюдениями среди вечных антарктических льдов.

Но что-то все же посмело вторгнуться в это сонное царство тишины и порядка, причем совсем недавно. И следы этого грубого вторжения были на каждом шагу. Обрушенная пирамида ранее тщательно уложенных консервов. Раскиданные по всему полу биологические образцы с Горячих озер. Разбитый чем-то тяжелым деревянный ящик с научными отчетами. И этот хаос и разгром диссонировали с образцовым порядком на нетронутых полках, создавая впечатление, будто нечто огромное и неуклюжее наугад выхватывало то одно, то другое, не имея ни малейшего представления об истинной ценности и назначении собранных здесь предметов.

Но обнаружить виновника устроенного на складе погрома так и не удалось. Просторный ангар несколько раз обыскали вдоль и поперек и ничего не нашли. Во всяком случае, никого, кто мог бы с легкостью стаскивать с верхних ярусов тяжелые ящики и передвигаться, скользя по бетонному полу.

Никто не мог незамеченным покинуть ангар через входную дверь. Из склада ничего не пропало. За исключением одной маленькой детали: кое-что все-таки отсутствовало.

Мертвое тело капитана Брауна, командира экипажа злополучного транспортника, бесследно исчезло.

Стояла глубокая ночь. Небо нависало над головой угольно-черным бездонным провалом. Ни луна, ни звезды не озаряли небосвод своим рассеянным сиянием. Окутанный пеленой мрака остров казался бы постороннему наблюдателю чем-то вроде фундамента преисподней. И только рокочущий гул прибоя, исполненный зловещей угрозы, нарушал безмолвие. Высоченные валы ударяли с таким неистовством о скалы, что казалось, будто сотрясаются основы мироздания. Время от времени к реву прибоя примешивались пронзительные завывания шквального ветра вокруг возникающих на его пути препятствий.

Лишь на небольшом пятачке, составляющем крошечную часть территории Гоу-Айленда, отмечалась некоторая активность: слабые вспышки ручных фонарей и тусклый свет лампочек служебных помещений. Чуть в стороне от них одиноким маячком прорезало мрак квадратное окошко радиорубки. Горели окна и в помещении клуба, там в комнате отдыха собралась сейчас большая часть населения острова. Все были взбудоражены, встревожены, и никто, естественно, об отдыхе и развлечениях не помышлял. В жилых бараках почти никого не осталось: лишь редкие одиночные огоньки брезжили за окнами спальных комнат. Самый яркий источник света находился в складском ангаре, створки ворот которого кто-то оставил раскрытыми настежь, забыв выключить рубильник. Все остальное пространство вокруг потонуло в непроницаемой темноте.

Дрейк выбрал двух мужчин, находившихся в клубе, и велел им прихватить с собой фонари. По дороге к радиорубке они заметно нервничали и то и дело размахивали фонариками во все стороны. Лучи то описывали большую дугу, то скрещивались, то устремлялись в небо, вместо того чтобы освещать тропинку под ногами, как это обычно делается, когда идешь ночью. Никакого эффекта от этих суматошных действий, разумеется, не было, да и глупо надеяться обнаружить что-то подозрительное в сплошном беспросветном мраке, практически непроницаемом для маломощных лампочек с их слабенькими отражателями.

— Я позабочусь, чтобы вас сменили вовремя, — сказал Дрейк. — Ваша главная задача на посту состоит в том, чтобы ни на мгновение не оставлять без присмотра экран радара. Советую меняться каждые пять минут — тогда и глаза будут меньше уставать, и заскучать не успеете.

Кто-то саркастически хмыкнул. Это был Кейси, один из складских рабочих.

— Я ведь не просто так предупреждаю, — сухо заметил Дрейк. — Ни один нормальный человек не в состоянии долго концентрировать внимание на чем-то одном, не говоря уже о пустом экране монитора. Если не верите, попробуйте просидеть целый день, не вставая со стула.

Кейси снова хмыкнул.

— Насчет стула не знаю, но я весь день чего-то боюсь, — пробасил он. — Приятно, конечно, слышать от вас, сэр, что это должно скоро кончиться, вот только я не совсем уверен, что трясусь зря.

Они приблизились к деревянной радиорубке. Рядом, в машинном отделении, громко гудел электрогенератор, вызывая тряску и вибрацию стен пристройки. В ней стояли два генератора, но мощности одного из них с лихвой хватало на обеспечение потребности в электроэнергии всех служб и населения Гоу-Айленда. Поэтому в рабочем режиме постоянно находился только один. Дрейк без стука отворил дверь и вошел. Радист вздрогнул, резко обернулся и растянул губы в вымученной улыбке.

— Я уж думал, обо мне все позабыли, — пожаловался он то ли в шутку, то ли всерьез. — Пока ничего нового, сэр. Только что поймал Вальпараисо. Какой-то струнный ансамбль.

Господи, как же я рад, что вы пришли! А то сидишь здесь один, как пень, и в каждом темном углу призраки да вампиры мерещатся.

— Поэтому я и решил установить здесь специальный пост, — сказал Дрейк.

— На случай появления призраков и вампиров, которые тебя так беспокоят. За экраном радара должен внимательно следить хотя бы один человек. И если всякая нечисть, типа вурдалаков и привидений, имеет сколько-нибудь осязаемую структуру, она непременно там отразится. Если не ошибаюсь, в дневное время со стороны гнездовья на экран поступает несколько размытый сигнал? Иначе говоря, птичьи стаи серьезно затрудняют наблюдение за той стороной горизонта?

Спаркс повернулся к монитору и через несколько секунд ткнул пальцем в экран.

— Вот! — утвердительно кивнул он. — Чисто, как видите. А по утрам и вечерам за этой тучей и авианосец ни за что не заметишь. Сейчас-то они все дрыхнут.

— Верно, — согласился Дрейк. — Отсюда следует, что ночью радар — самый надежный для наблюдения инструмент. Всем ясно, за чем нужно следить?

— Ясно, — горестно вздохнул Кейси, — только лучше бы нам вовек этого не видеть!

— А вы и не увидите, — обнадежил вахтенных начальник базы. — Это ведь все так, на всякий случай. С другой стороны... Короче говоря, если существует некая тварь, способная напасть в воздухе на транспортный самолет, она обязательно отразится на экране радара. Когда это вдруг произойдет, дадите нам знать.

— Дадим, еще как дадим! — мрачно пообещал Кейси. — Так заорем, что в Антарктиде услышат. А вы что, сэр, обратно один пойдете? Темно все-таки...

Дрейк только плечами пожал, направляясь к выходу. Трое оставшихся мужчин провожали его напряженным молчанием. Пришедшие с Дрейком рабочие, испытавшие страх по дороге в радиорубку, сейчас стыдились в этом признаться, но ни один из них в эти минуты ни за что не согласился бы в одиночку выйти наружу. Крайне затруднительно сформулировать причину овладевшего ими испуга, тем не менее тягостное ощущение незримо витающей в атмосфере неведомой угрозы затронуло каждого из обитателей Гоу-Айленда.

Выйдя из рубки, Дрейк на секунду задержался, прислушиваясь к монотонному гудению генератора. На мгновение он почувствовал липкое, холодное прикосновение щупальцев ужаса и вновь ощутил, как бессознательно его охватывает страх. Этот мимолетный миг слабости заставил его встряхнуться и прийти в себя. Сердито выругавшись сквозь зубы, Дрейк быстро зашагал по направлению к клубу. Желтый овал от луча фонарика бежал перед ним, приплясывая, и высвечивал из мрака стелющуюся под ногами утоптанную тропинку. Его так и подмывало осветить вокруг и убедиться, что никто не крадется за ним и не прячется в зарослях карликового кустарника. Желание обернуться и посмотреть нарастало с каждым шагом, пока ему и в самом деле не стало казаться, будто кто-то следует за ним по пятам.

Резко остановившись, Дрейк направил луч фонаря прямо и начал медленно поворачиваться, пока не совершил полный оборот. В отличие от прочих, он не боялся сознаться в собственном страхе и уж тем более не стал бы лукавить перед самим собой. Но обстоятельства складывались так, что никакие предосторожности нельзя было считать излишними. Кто-то забрался в неосвещенный ангар, скинул со стеллажей ящики и контейнеры, разбросал по полу биологические образцы из антарктического оазиса и вообще устроил самый настоящий погром. А потом бесследно исчез вместе с телом застрелившегося капитана Брауна. И Дрейк явно слышал, как что-то двигалось в помещении склада. Поскольку ни поймать, ни хотя бы увидеть таинственное существо не удалось, предположили, что оно каким-то образом выбралось на свободу и сейчас бродит по острову. Так как же его не опасаться, тем более в темноте? И нет ничего постыдного в том, чтобы оглянуться и посмотреть, нет ли кого за спиной. А вот когда

сковывает твои движения страх — это уже недопустимо! Дрейк снова выругался про себя и с вызовом крикнул во тьму:

— Катись к чертям, тварь поганая!

Немного успокоившись таким способом, он решительно выключил фонарь и остаток пути проделал без света. Но даже поднимаясь по ступеням на крыльцо клуба, он продолжал испытывать мучительное недовольство из-за проявленной трусости.

Когда он вошел, плохо скрываемая тревога на лице Норы сменилась радостью и облегчением. В комнату отдыха набилось все население Гоу-Айленда, за исключением троих, несущих вахту в радиорубке. Никто из собравшихся, правда, не играл в настольные игры, не порывался включить проигрыватель и не перелистывал иллюстрированные журналы. Люди держались скованно и неуверенно, собираясь небольшими кучками, и о чем-то тихо шушукались по углам. Дрейк сразу почувствовал атмосферу всеобщего уныния и безнадежности.

— Есть новости, шеф? — спросила Нора, внимательно вглядываясь в его осунувшееся лицо. Тот покачал головой.

— Единственные новости — это полное их отсутствие, — сказал он, но его неуклюжая попытка пошутить не вызвала ответной улыбки. — По радио передают струнный концерт из Вальпараисо, а трое в рубке по очереди наблюдают за экраном радара, на котором, увы, пока ничего не появляется.

Нора продолжала сосредоточенно смотреть на него.

— Знаешь, наверное, я все-таки допустил ошибку, когда решил установить в радиорубке постоянное дежурство, — признался Дрейк, испытывая неловкость от ее пристального взгляда. — По сути, это признание в том, что нам есть чего бояться. И хотя мы теперь точно знаем, что на острове появилось некое живое существо неизвестного происхождения, нагнетать панику — отнюдь не самый действенный способ самозащиты. Но раз уж я сделал первый шаг, теперь придется идти до конца. Судя по реакции на свет той твари в ангаре, она, похоже, действительно привыкла к темноте, потому что улизнула или спряталась сразу после того, как я включил рубильник. Поэтому необходимо подготовить все наши прожектора и другую аппаратуру и осветить все свободное пространство между постройками. Да и люди при свете сразу обретут уверенность.

Не откладывая решение в долгий ящик, он подошел к главному электрику базы, пристроившемуся к одной из групп и с несчастным видом слушавшему мрачные прогнозы коллег. Взяв его под локоток и отведя в сторонку, Дрейк передал электрику свое распоряжение, но тот явно колебался и вовсе не спешил покидать уютное и безопасное помещение.

— Я понимаю, что все необходимое вам оборудование находится в том самом ангаре, — мягко сказал начальник базы, сочувствуя в душе этому напуганному человеку, — но мы там ничего не нашли и к тому же оставили свет включенным. Кроме того, я сам пойду вместе с вами и помогу отобрать и принести нужную аппаратуру.

Рядом с ними появился Сполдинг, заметивший, что Дрейк уговаривает электрика.

— Что происходит? — бесцеремонно спросил он.

Дрейка его манера покорила, но ответил он на вопрос достаточно спокойно и вежливо:

— Мы собираемся установить внешнее освещение на прилегающей к постройкам территории. Как бы то ни было, а при свете все-таки чувствуешь себя в большей безопасности. Такая вот программа-минимум на сегодняшнюю ночь.

— Я бы хотел внести кое-какие замечания и дополнения, — напыщенно заявил Сполдинг.

— А я бы предпочел выслушать их завтра утром, — хладнокровно заметил Дрейк, но парня уже понесло.

— Это существо, — с апломбом заявил он, — по вине которого пропадают самолеты над океаном, совершенно определенно относится к ведущим ночной образ жизни тварям. А всех ночных животных, как известно, тянет на свет. Поэтому я считаю неразумным увеличивать освещение. Более того, я бы даже предложил устроить искусственное затемнение: завесить все окна плотной бумагой или тканью, потушить все наружные огни и не пользоваться фонарями, выходя на улицу.

Дрейк мысленно сосчитал до десяти и только тогда позволил себе высказаться.

— Как показали последние события, — произнес он ровным, бесстрастным голосом, — мы действительно имеем дело с неким живым объектом неизвестного происхождения. Поскольку мы пока почти ничего не знаем о его природе и повадках, то поневоле вынуждены принимать все мыслимые меры безопасности. Что касается вашего предложения, мистер Сполдинг, то я с ним согласиться не могу. Прежде всего, я отнюдь не убежден в вашем утверждении, что у ведущего ночной образ жизни существа свет вызывает повышенную агрессивность. Факты этому противоречат. Позволю себе напомнить, что забравшаяся в ангар тварь спряталась или сбежала сразу после того, как я включил рубильник, тогда как по вашей версии она, наоборот, должна была на нас наброситься. Благодарю за совет, но я все-таки намерен проверить сначала свой план.

— А я говорю, что вы совершаете большую ошибку! — упрямо настаивал Сполдинг.

Теперь уже не только электрик, но и остальные присутствующие прекратили разговоры и внимательно прислушивались к спору между начальником базы и самоуверенным заведующим складом.

— В таком случае, — саркастически усмехнулся Дрейк, — вы не станете, надеюсь, возражать, если я именно вам поручу заняться изобретением ловушки для нашего непрошеного гостя, раз уж вы считаете себя таким знатоком его привычек? Ступайте, посидите в темноте на свежем воздухе — глядишь, что-нибудь полезное в голову и придет.

Он отвернулся от обескураженного парня, потому что электрик тронул его за рукав и быстро заговорил:

— Думаю, мы быстро управимся, сэр, если вы тоже пойдете с нами. Эй, Том, иди сюда!

К Дрейку присоединились электрик и двое его помощников. Все они вооружились заряженными ракетницами и дальнобойными электрическими фонариками. Выйдя из клуба, начальник базы возглавил процессию и повел всех кратчайшим путем. Дойдя до поворота тропинки, он внезапно остановился. С этого места не было видно ни ярко освещенных ворот складского ангара, ни светящегося квадратного окошка радиорубки. Вокруг не горело ни единого огонька.

— Теперь постойте несколько секунд на одном месте, а потом выключите фонари, — приказал Дрейк.

Один за другим погасли лучи, и четверо мужчин очутились в абсолютной темноте. Со стороны океана доносился отдаленный рокот ударяющего о скалы прибоя, где-то за спиной ровно гудел генератор. Порыв ледяного ветра хлестнул по лицам. Казалось, будто весь мир погружен во тьму. Земля под ногами была такой же черной, как небо, которое могло сравниться с самыми мрачными провалами преисподней. В этой беспросветной, лишенной привычных ориентиров среде четверо мужчин испытывали ужасные муки. Уже через минуту им начали мерещиться простирающиеся к ним из мрака чьи-то холодные, скользкие пальцы, а в гуле сотрясающих воздух звуков прорезались торжествующие злобные, издевательские завывания.

Кто-то громко выдохнул, выругался вполголоса, включил фонарик и трясущейся рукой описал его лучом большую дугу.

— Ладно, достаточно, — сказал Дрейк. — Пошли дальше, друзья.

Он тоже зажег свой фонарь и зашагал к складу, освещая дорожку широко перед собой. Световое пятно у него под ногами служило ориентиром для идущих следом людей. После проведенного эксперимента он испытывал странное облегчение, лично убедившись в том, что и другие тоже боятся темноты.

Дрейк первым вошел в помещение ангара и огляделся по сторонам. Вроде бы ничего не изменилось. На полу у входа громоздились два упакованных тюка с биологическими образцами из Антарктиды, а вокруг было разбросано содержимое разорванного третьего. По всему проходу валялись сброшенные со стеллажей коробки, ящики и контейнеры. И только одно место пустовало: где раньше лежало тело капитана Брауна.

— Начинайте подбирать оборудование, — обратился к электрику Дрейк, — а мы с парнями поможем его отнести. Кстати, — добавил он, — если нагрузка на сеть при подключении всего этого хозяйства окажется слишком большой, нам, наверное, придется подключить второй генератор.

Том Белден пошел за электриком в дальний конец склада, где хранилось электрооборудование, и через несколько минут вернулся с полной охапкой проводов, переключателей и прочих приборов. Дрейк стоял на месте, внимательно наблюдая за остальными. Проходя мимо него, Том остановился, помедлил и нерешительно спросил:

— Прошу прощения, сэр, но не могли бы вы объяснить, для чего мы остановились по дороге сюда и выключили фонари? Может, вы что-то услышали?

— Нет, — сухо ответил тот. — Просто я хотел, чтобы каждый из вас, как я сам полчаса назад, не только почувствовал на собственной шкуре, что такое боязнь темноты, но и осознал, как стыдно на самом деле ее страшиться.

Юноша глубоко вздохнул, задумался на миг и неожиданно широко улыбнулся. Потом повернулся и бодро пошел назад за следующей партией.

Электрик тем временем успел установить снаружи ангара мощный прожектор и подсоединить его к сети. Щелчок выключателя — все покрытое колючей, чахлой травой пространство между складом и административным зданием было залито морем света. Теперь уже никому не пришло бы в голову испытывать страх, возвращаясь, и в обратный путь все четверо отправились со спокойной душой, перебрасываясь по дороге репликами и безобидными шутками.

— Полудюжины прожекторов за глаза должно хватить, — рассуждал электрик.

— С их помощью мы осветим большую часть прилегающей территории, а в остальных местах обойдемся гирляндами лампочек. Пропустим провода сквозь окна и включим в сеть. Сразу всем веселее станет.

— Хорошо бы протянуть одну гирлянду между клубом и жилым баракком, — поддержал его Дрейк.

— Нет проблем, сэр! — охотно согласился повеселевший электрик.

— Мистер Дрейк, — осторожно поинтересовался идущий рядом Томми, — скажите, пожалуйста, у вас есть какие-нибудь соображения насчет той твари, против которой мы все это затеяли?

— Сколько угодно, — ответил начальник базы. — Беда только в том, мой юный друг, что ни одно из них, по всей вероятности, не имеет ничего общего с реальным положением дел.

Пока электрик и его добровольные помощники налаживали освещение, устанавливая прожектора и развешивая длинные гирлянды электрических лампочек, Дрейк следил за ходом работ. За это время он сделал для себя ряд любопытных наблюдений. Главное заключалось в том, что все, без исключения, старались ни в коем случае не выходить за пределы освещенного

пространства, там мрак казался еще более плотным и непроницаемым. И вся предварительная подготовка велась только на свету. Но результаты уже были. Тьма постепенно отступала, шаг за шагом сдавая свои позиции. Она все еще присутствовала, но отдалилась настолько, что никто уже не ощущал ее удушающего воздействия.

Когда наконец иллюминация была единодушно признана достаточной и оставалось только внести несколько завершающих штрихов в общую картину, из дверей клуба выглянул биолог Бичем. Увидав Дрейка, он помахал ему рукой. Тот поднялся на крыльцо и посмотрел на ученого.

— Послушайте, Дрейк, — озабоченно заговорил Бичем, — как вы считаете, могу я сделать несколько срезов ткани с одной из обломанных ветвей антарктических деревьев из оазиса? Они все равно так малы, что вряд ли смогут укорениться, если их высадить в грунт. Но у этих образцов совершенно уникальная древесина! Мне бы очень хотелось провести исследование под микроскопом и хорошенько изучить ее строение. Клянусь вам, в жизни не встречал ничего подобного!

— Не вижу никаких препятствий, чтобы удовлетворить ваше научное любопытство, доктор, — пожал плечами начальник базы. — Полагаю, пара-тройка этих стволов из разорванного тюка наверняка вывалилась в океан через открытый грузовой люк, так что никто не станет тщательно проверять оставшиеся экземпляры. И если у вас руки чешутся исследовать всего одну маленькую веточку, почему бы и нет?

— Вообще-то я одну уже утащил, — признался заметно успокоившийся биолог, — но не решился заняться ею без вашего согласия. Она в вашем кабинете на столе.

— Так в чем же дело? — удивился Дрейк. — Пойдемте со мной, и забирайте вашу игрушку. Обещаю, что буду смотреть в другую сторону.

И они пошли к административному корпусу.

Из-за двери офиса доносился непрерывный стрекот. Нора молча кивнула вошедшим, оторвавшись на миг от пишущей машинки. Дрейк удивленно приподнял бровь.

— Вот, решила перепечатать индивидуальные показания, — виновато потупилась под его взглядом девушка. — Мистер Холлистер только что принес свой отчет. Две страницы. Это еще ничего, одна из девушек целых тринадцать исписала!

— А теперь быстренько отвернись, пока мистер Бичем реквизирует ценный биологический образец, — сказал Дрейк. — Кстати, в тех материалах, что ты уже перепечатала, есть какие-нибудь правдоподобные, на твой взгляд, версии по поводу случившегося на борту самолета?

— Ни единой, — огорченно призналась Нора, — что, честно говоря, несколько удивляет. А вот у меня, между прочим, появилась одна любопытная догадка.

Дрейк заинтересовался и опустился на стул. Бичем стоял, рассматривая в руках тонкую, гибкую веточку с обломанным концом.

— Я где-то читала, — начала девушка, — что в ящиках с бананами и другими экзотическими фруктами, которые привозят в Нью-Йорк из тропиков, при разгрузке частенько находят скорпионов, тарантулов и прочих ядовитых насекомых. А однажды докеры обнаружили живого кораллового аспида! Все эти твари каким-то образом забираются в ящики при сборе фруктов или во время погрузки и остаются незамеченными, пока не придут в порт назначения. К чему я все это говорю? Предположим — всего лишь предположим! — что некое живое существо проникло в самолет, а потом и на остров в одном из этих деревьев. Я понимаю, что в такое трудно поверить, но вдруг в них действительно обитает кто-то или что-то, столь же смертельно опасное, как змеи и скорпионы? Когда образцы собирали, упаковывали и грузили в самолет, это существо затаилось и не высовывалось, тем более что в Антарктиде сейчас полярный день, а оно, как мы думаем, привыкло к ночному образу жизни. К тому же там очень

холодно. Возможно даже, оно было в спячке, а в грузовом отсеке, где темно и тепло, согрелось, активизировалось и напало на пассажиров.

— Что-то я с трудом верю в антарктических скорпионов и тарантулов, — скептически покачал головой начальник базы.

— В районе Горячих озер достаточно жаркий климат, — напомнила Нора.

— Все так, — согласился Дрейк, — только вряд ли кому-нибудь придет в голову хвататься за револьвер при виде тарантула. Когда человек видит скорпиона, паука или какую-нибудь другую мелкую тварь, у него сразу возникает естественное желание раздавить ее ногой или прихлопнуть чем-то тяжелым, но уж никак не выталкивать в грузовой люк!

Бичем мрачно кивнул.

— Я очень тщательно осматривал каждое из деревьев, — сказал он, — и никак не мог пропустить инородное тело, не имеющее к ним отношения.

— А если это инородное тело, как вы выражаетесь, кажется со стороны неотъемлемой частью ствола? — прищурившись, спросил Дрейк.

— Гм-м-м-м, — задумчиво протянул биолог. — Что ж, в таком случае наиболее вероятным вариантом представляется змея. Если у нее соответствующая окраска и форма... Иначе говоря, если она обладает идеальной способностью к мимикрии, тогда я действительно мог ее не заметить. Хотя мне трудно представить себе живое существо с такими поразительными свойствами.

— Не хочу повторяться, — заметил Дрейк, — но против версии со змеей имеются те же аргументы. Если люди в самолете заметили змею или что-то на нее похожее, очень сомневаюсь, чтобы у них возникло желание вытолкнуть ее в грузовой люк. Никто не избавляется от змей столь экстравагантным способом! Змею можно ударить, прижать рогатиной, но ее никак нельзя толкать куда-то, да еще всем скопом. Кроме того, — добавил он после паузы, — то существо в ангаре, которое я слышал, при перемещении издавало совсем не такие звуки, какие можно ожидать от пресмыкающегося.

— Тогда что же это такое? — спросил Бичем, озабоченно выпятив нижнюю губу.

— Вот это нам с вами и предстоит выяснить, — улыбнулся Дрейк и перевел взгляд на сидящую за машинкой Нору. В глазах его светилась несвойственная ему нежность, погруженный в свои мысли биолог ничего не заметил. — Как вы смотрите на то, чтобы прогуляться и заодно проинспектировать работу наших электриков, мисс Холл? — неожиданно спросил он.

— Положительно, шеф! — с готовностью воскликнула девушка и вскочила со стула, сияя от удовольствия.

Дрейк тоже встал, но не так проворно, а медленно и тяжело, с трудом поднимая со стула свое долговязое, изрядно измотанное за прошедшие сутки тело. Нора уже успела выпорхнуть из кабинета, а он еще задержался на минутку, чтобы сказать кое-что Бичему, продолжавшему трепетно поглаживать обломанный отросток, по виду ничем не отличавшийся от обычного сучка.

— Знаете, доктор, по-моему, мисс Холл очень близка к истине. Как и вы, впрочем. Есть только одна загвоздка. Ни тарантул, ни скорпион, ни даже змея размером с одно из ваших деревьев не в состоянии проглотить или утащить человеческое тело. Так куда же тогда делся труп капитана Брауна?

И он вышел, потихоньку затворив за собой дверь, оставив в офисе биолога с раскрытым от растерянности ртом.

Перемены на территории базы поистине ошеломляли, особенно учитывая сравнительно недолгое отсутствие Дрейка. Проектора, установленные на крыше клуба, заливали светом

радиорубку и складские ангары, а размещенные над воротами складов и на генераторной станции они окружали плотным световым кольцом жилые бараки. Кое-где их широкие лучи перекрещивались и накладывались друг на друга, но это были уже детали, которыми можно заняться позже. Главное было достигнуто: внутри и вокруг маленького поселка не осталось ни единого затемненного участка площадью свыше квадратного фута. И чем ярче становилось на улице, тем больше островитян покинули свои жилища. Одна из девушек даже рискнула выйти из клуба и стояла на крыльце, замороженно наблюдая за увлеченной работой электриков.

— Совсем другая атмосфера, вы не находите, мисс Холл? — подчеркнуто официальным тоном спросил Дрейк и, не дожидаясь ответа, подхватил девушку под руку и увлек за угол.

Они успели сделать всего несколько шагов, когда он внезапно остановился и беззвучно выругался. На стремянке у стены стоял Том Белден и протягивал вдоль закругленной крыши какие-то провода.

— Когда кругом светло, чувствуешь себя гораздо лучше, — весело крикнул он, заметив подошедшую парочку.

— Безусловно, — без особого энтузиазма согласился начальник базы и снова завернул за угол, бормоча что-то под нос.

Но там они наткнулись на Холлистера, занятого установкой еще одного прожектора, луч которого бил на добрую сотню ярдов, выхватывая из темноты широкую полосу каменистого грунта, усеянного дикорастущей кергеленской капустой и низкорослыми шелковистыми мхами.

— Знаете, мистер Дрейк, — доверительно поделился главный механик, — будь у меня побольше времени, я мог бы соорудить вращающуюся платформу и приладить на нее прожектор. Тогда можно будет освещать практически все небо. Как по-вашему, стоит попробовать?

— Может, и стоит, — ответил Дрейк, — хотя я на вашем месте не стал бы очень торопиться. — Он склонился к уху Норы и нетерпеливо зашептал: — Пошли на ту сторону, там уж наверняка никого нет!

Но и на противоположной стороне их ожидало очередное разочарование. Там копошились сразу двое рабочих, копавших яму для столба, на который хотели установить прожектор для освещения небольшой ложбины, вплотную примыкающей к жилым строениям. И если луч рефлектора действительно способен отпугнуть нежелательных визитеров, их работу, несомненно, следовало считать полезной и нужной.

— А я-то думал, что мы хотя бы ночью сможем на минутку ускользнуть от посторонних взглядов, — с горечью заметил Дрейк.

— Признаться, я тоже на это надеялась, — очаровательно улыбаясь, прошептала Нора. Дрейк в раздражении взлохматил рукой волосы на голове и неожиданно рассмеялся.

— Подумать только, какие мы с тобой благородные! Ведем себя как дети на школьном балу, — и все в угоду общественной морали. Ну ничего, когда-нибудь мы за все отыграемся!

— А мне уже не верится, — с грустью сказала девушка, но тут же улыбнулась и легонько сжала своими пальчиками локоть спутника. — Но я благодарна судьбе хотя бы за это, — ласково добавила она.

— И даже о таких мелочах приходится думать, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не заподозрил нас в грехе, — сердито проворчал Дрейк. Внезапно он встрепенулся, качнул головой в сторону небольшой прогалины и зашептал конспиративно: — Слушай, там в низинке грунт мягкий, и если мы туда пойдем, мне обязательно придется подать даме руку, чтобы помочь перебраться через опасный участок.

Нора едва заметно кивнула. Они подошли к прогалине, и девушка весьма артистично разыграла колебание и нерешительность, после чего кавалер галантно предложил ей руку и

бережно перевел на твердое место. Ему страшно не хотелось ее отпускать, но все же пришлось. Нора вздохнула и прошептала:

— Можешь считать меня фантазеркой, но это было чудесно! Как будто по мне электрический ток пробежал. Ты мне очень нравишься. Очень! И когда мы с тобой вместе отправимся в отпуск и ты решишься сделать мне предложение, прошу тебя, не мучайся сомнениями и не думай о том, что я могла в тебя влюбиться только потому, что больше не из кого было выбирать. Это не так. И не очень затягивай, а то ведь я и передумать могу, — добавила она с шаловливой усмешкой.

Дрейк зарычал.

Когда они вернулись в клуб, то сразу заметили, что тягостное, тревожное настроение людей значительно улучшилось. Стоило лишь выглянуть в окно и окинуть взором залитое светом прожекторов пространство, как прежние скрытые страхи перед чем-то неведомым и ужасным, таящимся в темноте, теперь казались вздорными и надуманными. Широкие лучи рефлекторов выхватывали из мрака то заросли папоротника с поэтическим названием «девичьи волосы», защищающие поселок от западного ветра, то редкие насаждения причудливо искривленных карликовых деревьев, которые в этих широтах не вырастали выше семи или восьми футов. Все это было видно как на ладони, в ослепительном сиянии установленных по всему периметру поселка прожекторов. Уже один только этот вид вселял в души и сердца спокойствие и уверенность.

Дрейк отметил и резко повысившийся моральный дух большинства островитян. Тот же Холлистер, закончив работу, возвратился в клуб и сейчас мастерски блефовал, играя в покер с инженером и двумя партнерами. Команда грузчиков собралась вокруг пары свободных девиц, обмениваясь с ними двусмысленными любезностями и отпуская тяжеловесные комплименты. Том Белден забрался в уголок и с упоением погрузился в книгу с жутко интригующим названием и завлекательной картинкой на обложке. В другом углу выясняли отношения главный электрик и его девушка. Пару часов назад, когда все места себе не находили от страха и тревожных предчувствий, они утешали и поддерживали друг друга. А сейчас затеяли очередную ссору, быстро приближающуюся к кульминации, судя по повышенному тону диалога. Нет, напряжение определенно спало, и Дрейк имел все основания быть довольным. Но ему показалось странным, что никому не пришло в голову включить проигрыватель или радиоприемник, работающий на волнах от пяти до тридцати метров, по которому изредка удавалось ловить передачи с «большой земли», правда большей частью с помехами и на иностранных языках.

Как бы то ни было, теперь у начальника базы появилась возможность отвлечься на время от проблем подчиненных и уделить внимание главному вопросу, от ответа на который во многом зависела их жизнь. Итак, что же все-таки произошло на борту того злосчастного самолета? Начнем по порядку. В грузовом отсеке неожиданно появилось нечто экстраординарное и, вероятно, достаточно агрессивное. Пассажиры, а затем и члены экипажа вступили с ним в борьбу. Существо, безусловно, было видимым и умело передвигаться. Кроме того, оно имело довольно солидные размеры, иначе пассажиры не стремились бы сообща выпихнуть его в открытый люк. Для этого пришлось повозиться, значит, чудовище было большим. Клыков и когтей у существа, скорее всего, не было, так как нет следов крови в салоне, но пассажиры тем не менее с первого взгляда определили, насколько оно опасно.

Окончательное резюме Дрейка было удручающим. Да, ему удалось определить несколько черт, присущих твари. Но представить себе точно внешний вид существа, вот уже почти сутки наводящего ужас на население Гоу-Айленда, руководитель островитян по-прежнему не мог.

Плюнув на бесплодные размышления, он решил заняться чем-либо конкретным. Приказ о предоставлении индивидуальных рапортов о чрезвычайном происшествии распространялся и на него тоже. Но видел Дрейк не больше остальных, а слышал, пожалуй, даже меньше. Кроме того, он испытывал стабильное отвращение к подобной писанине, заранее зная, что солгать не сможет, а в правдивое описание никто не поверит.

В голове вдруг мелькнула занятая идея. Сначала она так захватила воображение Дрейка, что он даже сделал пометку в блокноте: утром первым делом отправить в бухту Гиссела тщательно сформулированный запрос. Пусть биологи полярной станции ответят, не обнаружено ли в оазисе хотя бы признаков обитания крупного живого существа, предположительно питающегося побегами, корой или корнями имеющейся там растительности. Если такое животное существует, то нельзя отбрасывать и микроскопическую вероятность, что оно каким-то способом сумело проникнуть в вертолет экспедиции и спрятаться среди образцов древесины. А продолжая составлять цепь из ускользающих возможностей еще на одно звено, можно предположить, что затем это существо нашло дорогу и в грузовой отсек транспортного самолета, в настоящий момент разбитой и изуродованной груды металла.

Но когда он снова вернулся к этой гипотезе несколько минут спустя, она выглядела уже не столь привлекательной. Любой критик, в том числе и сам Дрейк, мог моментально разнести ее в пух и прах. К сожалению, больше никакие идеи в этот поздний час его не посетили.

Из комнаты отдыха в кабинет начальника базы постоянно доносились оживленные голоса и смех. Потом все стихло. Дрейк вышел из комнаты злым и раздраженным. Повлияли и бессонная ночь, и безрезультатные попытки самому придумать ответы на все вопросы. Из клуба почти все уже разошлись. Парни со склада всей гурьбой увязались провожать девиц, клятвенно заверяя, что защитят их от любой нечисти. А когда дошли до порога, настояли на том, чтобы предварительно обыскать спальные помещения. Обыск сопровождался визгом, хихиканьем, преувеличенно бурными протестами и продолжался подозрительно долго. Но в конце концов утихомирились: девушки легли спать, а мужчины отправились в свой барак.

Когда Дрейк появился в комнате отдыха, в ней оставались только Холлистер, инженер и Том Белден. Все трое подняли головы и уставились на вошедшего.

— Что, остальные уже разбежались? — смущенно откашлявшись, спросил он невпопад.

— Я вот что думаю, сэр, — заговорил Том, тактично не обращая внимания на заданный вопрос. — Все ли мы сделали, что в наших силах? Или все-таки стоит...

— Стоит, стоит, — энергично кивнул Дрейк. — Я и сам хотел вам предложить разбиться на пары и по очереди обходить территорию поселка. Полагаю, двоих в патруле будет достаточно, чтобы заметить что-либо подозрительное или необычное.

— Я с вами, сэр! — восторженно воскликнул Белден.

— Меня тоже включите в команду, — решил Холлистер. — Все эти огни снаружи — штука хорошая, но я все-таки сомневаюсь. Сам собирался к вам заглянуть и спросить, не надо ли подежурить...

Инженер выразил свое согласие молчаливым кивком и приготовился выслушать инструкции.

Спустя десять минут Дрейк и Томми неторопливо шествовали вдоль освещенного периметра станции, сжимая в руках заряженные дробовики. Из темноты вынырнул большой черный пес и пристроился к ним, приветливо виляя хвостом. Патрулируя, они останавливались у каждого здания и осматривали все подходы к нему, обращая особое внимание на двери и окна. Сделав дюжину кругов, они вернулись в комнату отдыха, а Холлистер с инженером сменили их. Так продолжалось до рассвета. Черный пес давно устал и уснул на ступеньках крыльца, рассудив, видимо, что эти двуногие и без него отлично справятся.

Никто ничего не заметил. Собственно говоря, Дрейк иного и не ожидал, но все же испытывал некоторое разочарование и досаду, в который раз уже серьезно сомневаясь в собственном здравомыслии и обоснованности своих поступков.

Как только окончательно рассвело, все четверо прекратили патрулирование и собрались на совет. Они успели немного отдохнуть и вздремнуть при смене патрулей, но у каждого остались навязчивые сомнения и неуверенность в целесообразности затеянных мер, которые тревожили и начальника. Они выпили по чашечке кофе, сваренного заспаным коком, после чего Дрейк вынужден был признать, что по-прежнему не может ни отказаться от своих опасений, ни подкрепить их конкретными фактами.

— После завтрака я отправляюсь на охоту, — сообщил он наконец. — Любая живая тварь, способная прикончить девять взрослых мужчин, непременно должна иметь соответствующие габариты и оставлять следы. Возможно также, что она куда-то уволокла пропавшее тело пилота. В этом случае опять-таки должен проявиться какой-то след. Организуем две поисковые партии, захватим с собой собак, — может, и отыщем что-нибудь интересное.

Обсуждение деталей предстоящей экспедиции отняло у них все оставшееся до завтрака время. К этому часу островитяне начали потихоньку просыпаться и выползать на свет божий. Дрейк лично подждал в столовой каждого входившего и проводил с ним подробный инструктаж. Замысел его был прост: нужно обследовать остров двумя группами одновременно. Первая партия начнет поиск в той части Гоу-Айленда, где сосредоточены горячие источники. Им не стоит завидовать: сотня акров заболоченной местности, перемежающейся мелкими озерцами и гейзерами, изрыгающими струи пахнущей тухлыми яйцами горячей воды. Сотня акров грязи, покрытой разноцветными разводами минеральных окислов и противно чавкающей под ногами. Вторую партию ожидало поручение полегче: осмотреть гнездовья на противоположном конце острова, там морские птицы в дневное время тучами кружат над морем, порой заслоня крыльями солнце, а по ночам молча сидят на гнездах, распушив перья.

Если допустить, что таинственный убийца обладает плотоядными наклонностями, шум и запах птичьего базара вполне могли привлечь его внимание. Десятки тысяч птиц были практически неистощимым источником питания. Кроме того, горячие источники на острове могли напомнить пришельцу о родном антарктическом оазисе и побудить его искать убежище именно там.

Впрочем, не исключалась и третья возможность. Сожрав труп Брауна, тварь могла залечь где-нибудь в укромном месте на неопределенный срок и переваривать пищу до тех пор, пока голод не выгонит ее на поиски новой жертвы. Такой вариант был самым страшным. Эти рассуждения и заставили Дрейка вновь и вновь мысленно перебирать все известные ему факты в поисках рационального объяснения случившегося. Но ответ не находился. Оставалось только молить Небо о том, чтобы неизвестный монстр оказался игрой воображения, а предполагаемая угроза — не более чем вымыслом, порожденным нездоровой психикой.

Одно было ясно начальнику базы: при снаряжении обеих партий он не имел права пренебречь ни одной мыслимой предосторожностью. Поэтому он даже решил изменить свой первоначальный план. Теперь каждая группа должна взять с собой по собаке, сначала прочесать с двух сторон побережье острова, соединиться на подходах к горячим ключам, совместно обследовать этот район, а затем осмотреть птичий базар.

На собак Дрейк возлагал немалые надежды. Запах чудовища был для них незнаком и мог вызвать бурную реакцию, заставив насторожиться и сопровождающих псов людей. Хотя нюх и охотничьи качества этих дворняг вызывали у него определенные сомнения, их неподдельное желание сопровождать кучу народу в дальний конец Гоу-Айленда все же вселял некоторый оптимизм.

Наконец все было готово, и обе партии тронулись в путь. В каждую входило по четыре человека. Все мужчины. Еще семеро остались в поселке — охранять девушек и заниматься текущими делами, которым служебные обязанности не позволяли отлучаться надолго: радист, и главный электрик, и, ко всеобщему удивлению, Сполдинг. Он с торжествующей физиономией все утро вертелся около поисковых групп, но желания отправиться добровольцем почему-то не изъявил.

Возглавляемый Дрейком отряд следовал по направлению к горячим источникам. Туда же направлялась вторая группа, двигаясь параллельно первой на расстоянии мили. Счастливые собаки, свесив языки, восторженно носились вокруг, то убегая далеко вперед, то рыская по кустам вдоль тропы. На подветренном берегу Гоу-Айленда, по которому пролегал маршрут партии Дрейка, высилась скалистая гряда, правда значительно уступающая в высоте великанам-утесам на западном побережье. Но почва здесь была сплошь покрыта камнями и обломками гранита. Попадались на пути и заболоченные участки, перемежающиеся с проплешинами базальтовых обнажений. Эта часть острова обильно поросла «лесом», в котором взрослые деревья едва возвышались над землей на четыре фута, а редкие экземпляры, достигшие девяностидесяти футов, выглядели на их фоне настоящими гигантами. Вокруг них росли различные виды мхов и папоротников, характерные для субантарктических широт. На прогалинах встречались дикорастущие лютики и маргаритки, а «девичьи волосы», древовидные папоротники, и другие не столь привлекательные разновидности предпочитали более влажные и затененные места.

Нечего было и надеяться отыскать следы на каменистом грунте — если только собаки что-то почуют. Но тот пес, который бежал с группой Дрейка, оказался никудышным следопытом. Он рьяно носился по зарослям, то и дело надолго исчезая из виду, потом объявлялся вновь, но лишь для того, чтобы убедиться, что не отстал от людей. А им приходилось внимательно исследовать края заболоченных низин, хотя результат можно было предсказать заранее — никакой фауны, кроме птиц, на Гоу-Айленде не существовало.

Впереди показался накрытый клубящейся, колышущейся шапкой испарений участок подземной вулканической активности. Прежде чем вторгаться в его пределы, Дрейк настоял на тщательном осмотре пограничной зоны. Сначала этим занялись он сам и члены его отряда, а чуть позже к ним присоединились подтянувшиеся участники второй группы. Особенно поражал контраст «нормального» грунта и поверхностного слоя почвы близ термальных источников. По одну сторону невидимой границы спокойно росли клумбовидные скопления кергеленской капусты и тянулись широкие полосы шелковистых темно-зеленых мхов. По другую, в каких-нибудь двадцати — тридцати ярдах от них, над рыхлой, ядовито-желтого оттенка глиной поднимались струйки пара, а чуть поодаль бурлила и булькала красновато-бурого цвета лужа, распространяя отвратительный запах сероводорода. Уже в сотне ярдов от границы ничего нельзя было разглядеть из-за обильных испарений, незначительных по краям, но сгущающихся до плотности грозовых туч в центральной части. Порывы ветра то и дело отрывали крупные клочья от облачной массы, унося их в сторону океана или швыряя на прибрежные скалы.

Дрейк мужественно пересек из конца в конец этот малопривлекательный участок, хотя ему и пришлось не раз зажимать нос пальцами и сдерживать приступы подкатывающей к горлу тошноты. По пути встречались лужицы и маленькие озерца, наполненные кипящей жидкостью всех цветов радуги — от красного до фиолетового. В одном месте Дрейк обнаружил ряд миниатюрных террас, по которым струился горячий ручеек со сравнительно прозрачной, но невообразимо дурно пахнущей водой. Потом он наткнулся на небольшой гейзер, который периодически бурно хлопотал и взрывался, выбрасывая в воздух слабенькую для таких потуг струйку смешанной с паром и грязью воды. Затем гейзер надолго замолкал и погружался в спячку до следующего выброса. Еще дальше шумел окутанный облаками пара довольно бурный

поток, срывающийся водопадом со скалы, искрящейся вкраплениями кристаллических друз. А в промежутках между «достопримечательностями» была грязь. Красная грязь. Голубая грязь. Зеленая грязь. И просто грязно-серая жижа неопределенного состава, не похожая ни на глину, ни на торфяной перегной.

На противоположном конце окутанной паром долины гейзеров Дрейка встретили остальные участники экспедиции, двигавшиеся по периметру, но достигшие места свидания раньше предводителя, вынужденного постоянно выбираться из чавкающего грязевого плена. Ни он, ни обе группы не обнаружили никаких следов, да и вряд ли можно было рассчитывать найти их здесь, где любые отпечатки на грунте мгновенно затягивались слоем жирной, липкой грязи.

— Если какая-нибудь зверюга, достаточно крупная, чтобы скинуть со стеллажей дюжину тяжелых ящиков, забралась в эту гнусную клоаку, — мрачно заявил Дрейк, выбравшись на сухой пригорок, — я только обрадуюсь: здесь ей самое место! Ладно, парни, пошли дальше. Пора навестить птичек.

Они снова разделились, чтобы дать собакам побольше простора для поиска. От гнездовой их отделяло около двух миль, причем почти весь путь пролегал по бесплодной, каменистой почве. Шум птичьего базара люди слышали задолго до того, как приблизились к нему. Небо над мысом было усеяно черными и белыми пятнышками парящих в нем пернатых. Даже на расстоянии в нос ударил резкий запах.

— Нитраты, — сморщив нос, заметил идущий рядом с предводителем биолог.

— И прочая дрянь, которая образуется при разложении перьев и других отходов жизнедеятельности. Запашок еще тот, скажу я вам! Наше счастье, что ветер в спину. Было бы наоборот, без противогазов не обойтись.

Дрейк почти не обращал внимания на разглагольствования Бичема. Он был озабочен тем, чтобы не пропустить явных или косвенных свидетельств посещения птичьего базара незваным гостем. Раз уж эта тварь запросто управляет с людьми, что ей стоит прикончить дюжину-другую чаек или бакланов? Гнезда попадались на каждом шагу. В углублениях у подножия скал, в трещинах, на карнизах, в нагромождениях валунов и каменной крошки, — одним словом, везде, где только может найтись опора для пары цепких птичьих лапок.

Появление людей вызвало небывалый переполох среди обитателей гнездовой. Одни испуганно взмывали ввысь, оглашая окрестности громкими, негодующими криками, другие суматошно носились над головами, пытаясь отвлечь внимание пришельцев от своих яиц или птенцов, а третьи оставались на кладке и только укоризненно взирали на двуногих великанов своими глазами-бусинками, когда те проходили слишком близко. Дрейк и его спутники старались, естественно, соблюдать осторожность, но гнезд было так много, а места между ними так мало, что порой приходилось двигаться напролом.

Перед глазами мельтешили беспорядочно кружащиеся птицы, в ушах звенело от оглушительных взмахов тысяч крыльев. С каждым шагом все новые и новые стаи поднимались в воздух, добавляя свою долю криков во всеобщий шум и гам. Обе партии дважды пересекли гнездовье вдоль и поперек. Каждый квадратный дюйм пригодной для постройки гнезда поверхности был оккупирован пернатыми. Никто не заметил ни пустых гнезд, ни сравнительно свежих птичьих трупикиков. Если монстр сюда и забредал, то вел он себя исключительно поджентльменски, во что было довольно трудно поверить.

Прежде чем экспедиция тронулась в обратный путь, Бичем привлек всеобщее внимание, указав на широкий каменный карниз, расположенный с подветренной стороны у самой границы птичьего базара. Гладкая скальная поверхность, которой по всем законам природы суждено было вечно оставаться безжизненной, неожиданно пестрела обилием самой разнообразной растительности, являя собой миниатюрный оазис приполярной тундры. Площадку целиком

покрывали различные мхи и лишайники самых экстравагантных расцветок: от белого до бурого и от желтого до зеленого. И все они росли на голых камнях, из которых при всем желании невозможно было извлечь ни одного миллиграмма питательных веществ.

— Это нитрофилы, — со счастливой улыбкой пояснил биолог. — Очень редкие и деликатные растения. Они питаются нитратной пылью, образующейся при высыхании птичьего гуано, продуктов гниения перьев, рыбьих костей и других отбросов. В цивилизованных условиях нитрофилы не выживают. В тех же городах воздух тоже загрязнен, но не теми веществами. И только здесь, где нормальному человеку нечем дышать, они чувствуют себя превосходно. Удивительно, не правда ли, друзья мои?!

Полюбовавшись редкостным зрелищем, участники экспедиции направились обратно в поселок. Дрейк шагал молча, погруженный в невеселые мысли. Лишь однажды он повернулся к биологу и с горечью произнес:

— Хоть вы мне скажите, Бичем, действительно на острове происходит нечто ужасное или мы все просто с ума посходили? Я уже даже начинаю сомневаться, что на взлетной дорожке стоит разбитый самолет, из которого бесследно исчезли девять человек, а десятый, совершив аварийную посадку, тут же застрелился!

Биолог, растерянно моргая, озабоченно уставился на начальника, а затем, вместо прямого ответа, пустился в пространные рассуждения по поводу того, что ему удалось обнаружить, исследуя под микроскопом срезы коры и древесины обломанной веточки дерева из оазиса Горячих озер. По его словам, биологическое строение этих образцов в корне отличалось от практически всех известных растений, произраставших на Земле на протяжении позднейших геологических периодов. По существу, образцы представляли собой живую окаменелость, не имеющую аналогов ни с одним из известных науке видов. Клетки целлюлозы были невероятно длинными и пространственно ориентированными, наподобие льняных волокон, из которых изготавливают постельное белье и салфетки. Кроме того, внутри и между клетками наблюдались нейронообразные структуры, подобных которым не было отмечено за всю историю существования ботанической науки. Пока было ясно, что речь идет, как минимум, о новом, неизвестном роде, а может быть, даже о целом семействе.

Бичем продолжал с азартом рассказывать о своих потрясающих открытиях, поведав, между прочим, что уже подобрал подходящее местечко в долине с горячими источниками, где можно будет высадить часть находящихся на складе стволов. Не в центре, конечно, где, кроме грязи, ничего нет, а ближе к границе. Там посуше и достаточно тепло от подземной вулканической деятельности, чтобы обеспечить саженцам условия, сходные с их природной средой произрастания. Вначале Дрейк еще прислушивался к его сообщениям, потом махнул рукой и пошел вперед.

Итак, сегодняшняя утренняя вылазка, на которую возлагалось столько надежд, закончилась безрезультатно. Когда впереди показались крыши складов и жилых бараков поселка, перед Дрейком вновь встала животрепещущая дилемма руководителя среднего звена, который в кризисной ситуации подвергается невероятному давлению как снизу, так и сверху. Буквально все, а в первую очередь высокое начальство, требуют от него фактов и объяснений, которые он не в состоянии дать. Самое же обидное для такого руководителя — это невозможность сослаться на объективные причины и трудности, поскольку изначально предполагается, что он по должности обязан предпринять все, дабы в дальнейшем не иметь ни малейшего повода для оправданий.

Нора выбежала им навстречу, будто все утро только и ждала возвращения экспедиции. Приблизившись к ней вплотную, Дрейк заметил легкий румянец на щеках девушки. В руках она держала стандартный бланк желтого цвета с текстом официальной радиограммы.

— Послание с базы в бухте Гиссела, сэр, — сообщила она. — Оттуда на рассвете вылетел самолет с комиссией, чтобы разобраться на месте. Они надеются, что к моменту посадки взлетная полоса будет свободной.

— Черт с ними, пускай надеются, — сердито пробурчал Дрейк. — Когда они сами увидят посреди дорожки покореженный транспортник на брюхе, тогда, может быть, сообразят наконец, что мы не чокнутые и не вводим их в заблуждение. Только бы им горючего хватило на обратный путь!

Он мягко вынул бланк из руки Норы. Пальцы их на мгновение соприкоснулись. Девушка сделала вид, что ничего не заметила. Дрейк прочел текст и взглянул на часы.

— Связь с самолетом есть? — спросил он. — Когда их ждать?

— Ждем с минуты на минуту. Спаркс на связи. Он уже измучился, пытаюсь втолковать им, что к чему. А они только поддакивают и говорят, чтобы он успокоился.

Дрейк сунул бумажку в карман и зашагал дальше. Помрачневшие спутники потянулись за ним. На порог радиорубки выскочил человек, отчаянно размахивая руками.

— Надо полагать, самолет только что появился на экране радара, — философски заметил начальник базы. — Вот будет номер, если и с ним случится то же самое! Правда, я в это не верю...

Он прибавил шагу и вошел в радиорубку первым. На самом краешке экрана монитора методично мигала желтая точка, постепенно приближаясь к центру, а значит, и к острову. Радист поднес к губам микрофон и произнес усталым, охрипшим голосом:

— Босс только что вернулся. Желаете с ним побеседовать?

Динамик прямой связи ожил, и чей-то до приторности бодренький голос с неискренней горячностью воскликнул:

— Конечно! Безусловно! Это вы, Дрейк?

— Дрейк на связи, — сухо буркнул тот, забирая микрофон у вздохнувшего с облегчением Спаркса. — Сразу предупреждаю, что у вас могут возникнуть большие проблемы с посадкой. Как вам известно, наша взлетно-посадочная полоса не очень длинная и не слишком широкая, а прямо посреди нее валяется на брюхе потерпевший аварию транспортник.

— Ни о чем не беспокойтесь, мистер Дрейк, у нас все схвачено! — с неестественной веселостью ответил тот же голос. — Все будет в полном порядке, не сомневайтесь!

— Был бы рад разделить вашу уверенность, — процедил собеседник. — Метеоданные о силе и направлении ветра вам сообщили?

— Что? Ах да, разумеется! Все сообщили, благодарю вас.

— Тогда до связи, — отрезал Дрейк, сунул, не глядя, микрофон опешившему радисту, даже выскочил на улицу и чуть не столкнулся с Норой. — Знаешь, мне даже хочется, чтобы с этими идиотами тоже что-нибудь стряслось! — выдохнул он, сжимая кулаки от негодования и обиды. — Это им докажет, по крайней мере, что мы тут еще не окончательно свихнулись! А без реальных фактов — если не принимать в расчет ночного хулиганства на складе, в которое все равно никто не поверит, — нас примут за сборище истерических невротиков. Хуже того, мы сами себя скоро начнем такими считать! У меня предчувствие, что нас всех отсюда эвакуируют в срочном порядке, разделят поодиночке и подвергнут массированному психоанализу, чтобы выяснить, как это мы всем скопом могли поверить в ту невообразимую чушь, которую несем.

— Не надо так переживать, шеф, — успокаивала девушка. — Мы-то знаем, что говорим правду.

— Ты в этом убеждена? — скептически прищурился Дрейк.

Громкие крики за спиной прервали их диалог. Как и накануне, наружу выбежало все население Гоу-Айленда. Все внимательно следили за небом, где над горизонтом уже появилась

маленькая черная точка. Она росла по мере приближения, постепенно приобретая очертания большого грузового самолета — почти точной копии того, другого, сейчас беспомощно застывшего посреди заблокированной посадочной полосы.

Здрав головы, люди молча наблюдали, как он достиг западной оконечности острова, снизился, сделал круг, затем второй, третий... Обожая театральные эффекты Сполдинг выбрал именно этот момент, чтобы появиться на сцене.

— Смотрите, что я соорудил! — громогласно заявил он, пыхая от важности. — «Коктейль Молотова», вот что это такое. Все очень просто. Обыкновенная бутылка с горючим. Чиркаешь спичкой, поджигаешь запал и швыряешь подальше. Бутылка разбивается, горючее вспыхивает, и получается классное горячее блюдо, которое любому людоеду поперек глотки встанет!

— Ничуть не сомневаюсь, что ваше изобретение вызовет всеобщее восхищение, — заметил Дрейк иронично. — Особенно в том случае, если этот самолет все-таки ухитрится сесть.

Внутри у него все кипело от бессильной злости, охватывающей человека в те минуты, когда он полностью дискредитирован и не может ничего этому противопоставить. Одного этого кретина Спеллинга вполне достаточно, чтобы стать в глазах комиссии свидетельством эпидемии всеобщего помешательства среди персонала.

Натужно ревя двигателями, самолет пронесся над головами, сделал разворот, снова пролетел над поселком, ушел вверх и лег на заданный курс. Из радиорубки высунулся Спаркс.

— Они хотят еще раз поговорить с вами, сэр, — крикнул он. — Жалуются, что не могут приземлиться.

Дрейк молча направился в рубку. Нора, помедлив секунду, последовала за ним. Из динамика прямой связи доносился знакомый голос, в котором уже отсутствовала былая наигранная веселость, зато отчетливо слышались нотки разочарования и обиды.

— У вас на взлетной полосе аварийный самолет! — негодуя констатировал говоривший. — По следам на дорожке видно, что он заходил на посадку при попутном ветре и садился на брюхо! Как вы могли такое допустить и что, черт побери, у вас тут происходит?!

— Полагаю, вы читали мой рапорт? — осведомился Дрейк, изо всех сил стараясь говорить ровным, бесстрастным тоном. — В таком случае уверяю вас, что мне больше нечего ни прибавить, ни убавить.

— Да, но... но этого же не может быть! — протестующе завопил собеседник.

Наступила пауза. Слышны были лишь отдаленный гул моторов кружащего над Гоу-Айлендом самолета да надсадное гудение генератора в соседней пристройке.

— Раз мы не можем сесть, — раздался растерянный голос в динамике, — нам остается только вернуться в бухту Гиссела. Обещаю лично доложить обо всем по инстанции. Вероятно, они направят к вам корабль с группой экспертов для выяснения обстоятельств. Боюсь только, что дожидаться его придется не меньше недели.

— Пожалуй, — согласился Дрейк.

— Пока же на вас возлагается обязанность сохранять спокойствие среди служащих базы. — Говоривший обрел характерную начальственную интонацию. — Разбитый самолет ни в коем случае не трогать! Это работа для правительственной комиссии и квалифицированных экспертов.

— Но мы его уже разгрузили, — кротко сообщил Дрейк.

— Напрасно, напрасно, — пожурил его собеседник. — Полагаю, вы допустили ошибку. Очень жаль, что мы не можем приземлиться! Мне кажется, ситуация выходит из-под контроля. Кстати, вы не нуждаетесь в... э-э... транквилизаторах для... э-э... так сказать, части персонала?

— Этого добра у нас на складе хватает, — сухо ответил начальник базы. — Вы, может быть, не в курсе, но это мы снабжаем медикаментами все полярные станции, включая бухту

Гиссела.

Затянулась пауза. Атмосферные помехи. Потом динамик снова ожил.

— Очень хорошо. Держитесь. Я на вас надеюсь, Дрейк. Постараемся не затягивать с отправкой корабля. Конец связи.

Самолет прекратил наконец описывать над островом бесконечные круги. Он лег на крыло, заложил крутой вираж и взял курс на юг. Он удалялся от Гоу-Айленда, понемногу уменьшаясь в размерах и превращаясь из пятнышка в черную точку над горизонтом. А затем и вовсе исчез из вида наблюдателей, хотя еще некоторое время продолжал оставаться на экране радара.

Многим в эти минуты показалось, будто шум приборя стал громче и свирепее. У многих на душе возникло щемящее чувство тоски и одиночества, которое испытывает, наверное, потерявшийся или выброшенный щенок. Только что у них над головами летал самолет, собиравшийся приземлиться, но так и не сумевший этого сделать. На борту находились люди — специалисты и эксперты, — в чьи обязанности входил опрос островитян и выяснение причины катастрофы. Гоу-Айленд всегда был унылым и малопривлекательным местом; теперь же, когда самолет улетел, остров сразу стал совершенно невыносимым. К чувствующим себя обманутыми и обездоленными людям вдруг вернулись все прежние сомнения и неврозы, и между ними вновь возникла атмосфера натянутости и недоверия. Помочь островитянам мог только Дрейк.

На первый взгляд вроде бы не произошло ничего такого, чем можно было объяснить столь отрицательную реакцию, за исключением растаявших вместе с самолетом надежд на скорое разрешение кризиса. Но ведь еще утром никто из живущих на острове даже не подозревал о его прилете и не рассчитывал на постороннюю помощь в борьбе с неведомым врагом. Казалось бы, ничто не изменилось с тех пор, но на самом деле изменилось очень многое.

Пока все провожали улетающий самолет затуманенными тоской и унынием взглядами, совсем рядом произошло событие, которое могло бы еще больше омрачить их настроение, окажись кто-нибудь его свидетелем и догадайся он о возможных последствиях. Но свидетелей не нашлось, да и эпизод этот выглядел со стороны настолько незначительным и непримечательным, что вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову соотнести его с недавними потрясениями. Единственным связующим звеном между случившимся и трагедией в транспортнике была, пожалуй, полная абсурдность и необъяснимость происходящего.

Одна из дворняг, сопровождавших поисковую партию во время экспедиции, вдруг начала принюхиваться, почуяв в траве незнакомый запах. Что-то неторопливо ползло по земле. Оно было маленьким, совсем крошечным и, уж конечно, не могло внушить никаких опасений крупному, здоровому псу. Тот и представить себе не мог, что такая мелкая тварь может оказаться смертельно опасной. Хуже того, об этом не подозревал пока ни один из обитателей острова, потому что никто из живущих на Земле людей еще ни разу ни с чем подобным не сталкивался.

Пес негромко залаял и игриво отпрыгнул в сторону. Существо замерло, потом снова поползло вперед. Собака протянула лапу и тронула его когтями. Оно резко отмахнулось хвостом, состоящим из трех миниатюрных отростков, напоминающих побеги терновника с шипами. Длина существа не превышала четырех дюймов. Хвост скользнул по густой шерсти собаки и не причинил ей никакого вреда. Заливисто лая, она принялась носиться вокруг. Существо в траве сложило отростки хвоста и стало медленно, с усилием, втискиваться в узкую щель между двумя камнями.

Это было очень необычное существо, по всем законам природы не имевшее права на существование. И все-таки оно было.

Солнце клонилось к закату. Дрейк, стоя на пороге, заметил, что автоматически пересчитывает людей, нестройной толпой возвращающихся из долины горячих ключей. Там они высаживали в грунт привезенные из Антарктиды деревья. Посадка проводилась, разумеется, под пристальным и неусыпным присмотром Бичема, который вообще очень переживал из-за этого и каждый раз прибегал советоваться к начальнику базы. К вечеру, слава богу, работа была в основном завершена. Содержимое одного целого тюка и одного распотрошенного, состоящее из толстых шестифутовых стволов, было рассажено, со всеми предписанными наукой предосторожностями. Тщательно выбранная площадка была сухой и вместе с тем достаточно теплой от подземных вулканических процессов почвой. Но для биолога это был только предварительный этап. Ему еще долго предстояло нервничать и терзаться сомнениями, смогут ли укорениться и прижиться на острове загадочные образцы растительности из оазиса, затерянного во льдах южного континента.

Дрейка в настоящий момент проблемы непоседливого Бичема занимали мало. Он наблюдал за возвращающимися в поселок островитянами. Те брели поодиночке и парами, устало передвигая ноги по усеянной камнями земле и время от времени пропадая из поля зрения из-за неровностей почвы или за редкими купами низкорослых, искривленных деревьев.

— Вроде бы все на месте, — сказал Дрейк, закончив подсчет и повернувшись к Норе. — Знаешь, что меня сильнее всего бесит? Если в дальнейшем больше ничего не произойдет, ко мне навсегда прилипнет ярлык фантазера и лунатика, который не в состоянии объяснить, что же такое случилось. А если произойдет, всех собак все равно повесят на меня: почему, мол, не предотвратил? Завидная у меня должность, правда?

Они находились на крыльце деревянного домика, под крышей которого соседствовали клуб с комнатой отдыха и административные службы базы Гоу-Айленда. В одном из сборных металлических ангаров близ посадочной полосы что-то гудело, жужжало и лязгало. Это механики под руководством Холлистера монтировали какое-то хитрое приспособление, с помощью которого рассчитывали приподнять самолет и высвободить шасси. С наветренной стороны прибрежных утесов доносился грохот прибоя. Над птичьим базаром на южной оконечности острова зависло крапчато-белое, с размытыми очертаниями облако. В крытой пристройке к радиорубке ритмично стучал генератор. Том Белден размахнулся и кинул бейсбольный мячик в подручного кока. Тот ловко поймал его и метнул обратно. Они продолжали перебрасываться, но по ленивым, неточным броскам игроков видно было, что играют они не для развлечения, а просто так — лишь бы время убить.

За весь день не было отмечено ни малейшего отклонения от нормы и привычной рутины. Не было зафиксировано ни одного происшествия, из-за которого возник хотя бы косвенный повод для дальнейшего беспокойства. Дрейка эта томительная неопределенность буквально сводила с ума, потому что он не знал, что делать: то ли принимать дополнительные меры безопасности, то ли расслабиться и оставить все как есть. Вчерашние события побуждали его закрутить гайки. Все-таки из десяти человек на борту транспортника выжил только один, да и тот застрелился сразу после посадки. А потом этот непонятный, бессмысленный погром на складе и исчезновение тела пилота... И ни единой зацепки, ни одной разумной догадки! Сильнее всего действовало на нервы то, что цепочка этих загадочных происшествий прервалась столь же внезапно, как началась. Во всяком случае, пока не найдется приемлемого объяснения, расслабляться не стоит. Враг мог затаиться, чтобы нанести новый удар в самый неожиданный момент.

— Мне кажется, — задумчиво сказала Нора, — что многие из нас стараются убедить самих себя в том, что ничего страшного не случилось. Когда человек сильно напуган, но не понимает, чем именно и как с этим бороться, он легко заикливается. Мысли его движутся по замкнутому кругу, а это ведет к депрессии и душевному расстройству. Самый простой способ решения проблемы

— прекратить думать. Но такой выход имеет свои минусы, потому что когда человек прекращает думать, ему становится не по себе.

— Дорого бы я дал, — мрачно проворчал Дрейк, — чтобы один наш общий знакомый, по имени Сполдинг, либо заиклился окончательно, либо перестал думать! Только вряд ли он преподнесет мне такой подарок.

Сполдинг и раньше многим действовал на нервы, а в последние дни окончательно всех достал. Еще до катастрофы он числился первым кандидатом на отправку домой, но это не помешало ему навязчиво ухаживать за Норой. Дрейк, правда, очень сомневался в искренности его чувств и в искусственном увлечении рок-н-роллом. Конечно, трудно было отрицать, что жизнь обитателей Гоу-Айленда во многом напоминала тюремное заключение. А главное, они были лишены ощущения причастности к славному делу освоения Антарктиды. Ведь трудно считать героизмом такую будничную работу, как заправка и загрузка раз в неделю очередного транспортника, хотя именно для этого и была построена база на острове и наняты работники. Естественно, что для человека, обладающего темпераментом Спеллинга, жизнь, в которой нет места подвигу, быстро утрачивала смысл и становилась совершенно невыносимой. Положение усугублялось его непомерно раздутым самомнением и постоянной раздражительностью. И с Дрейком он спорил с пеной у рта с единственной целью: доказать всем, что он умнее начальника; и с бутылками своими дурацкими носился как с писаной торбой, чтобы потом, если они все-таки пригодятся, иметь лишний повод козырнуть своей предусмотрительностью и проницательностью.

Да и сейчас Сполдинг был занят лихорадочным изобретением новых гипотез, планов и методов обороны. И с достойным лучшим применением рвением старался тут же донести их до сведения окружающих, дабы те незамедлительно занялись претворением в жизнь его гениальных замыслов. Учитывая всеобщую нервозность и неуверенность, Дрейк не мог себе позволить просто послать его ко всем чертям. Это не улучшило бы моральное состояние подчиненных. Но и поощрять бредовые идеи он тоже не собирался. Нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь расслабился и утратил осторожность. Как ни крути, а какая-то неведомая тварь расправилась с девятью здоровыми мужчинами в самолете, а потом еще слопала труп несчастного Брауна! Немудрено, что Дрейку вовсе не улыбалось доводить дело до сокращения вверенного ему персонала. Но и нельзя было допустить возникновения паники, вызванной искусственно раздутыми страхами перед неизвестной и пока неопределенной опасностью. Тем более что за последние двадцать четыре часа не наблюдалось никаких признаков нависшей над людьми угрозы. Но Спеллингу на это было наплевать, и он старался всю, очень настойчиво и убедительно пугая людей тем, о чем сам имел весьма неопределенное представление. Нет, от Сполдинга необходимо избавиться или, по крайней мере, как-то нейтрализовать его подрывную деятельность!

— Сюда идет Бичем, — заметила Нора. — По-моему, он чем-то озабочен.

— Ну, с ним-то все ясно, — усмехнулся Дрейк. — Биолог волнуется за свои драгоценные деревья. Понимаешь, если они у нас приживутся, никто не рискнет их сразу же снова выкапывать и увозить, потому что они могут не перенести повторного шока и погибнуть. В этом случае наш уважаемый ученый получает их в свое полное распоряжение как минимум на полгода и сможет изучать, препарировать и облизывать саженцы в свое удовольствие. Более

того, в течение этого срока он узнает об этих деревьях больше, чем любой другой из его коллег на всем белом свете, что, несомненно, сделает его счастливейшим из ученых. Так что голова у него занята сейчас только одним

— для других переживаний в ней просто не найдется места.

Бичем шел один, шустро семена по каменистому грунту, ставшему грязно-серым в приближающихся сумерках. Кое-кто из вернувшихся после посадок задерживался ненадолго возле лениво играющих мячом, а потом шел дальше по своим делам. Одни направлялись в мастерские, другие — сразу в жилые бараки — принять душ и переодеться. Кто-то сунулся в дверь столовой

— узнать, скоро ли будет ужин. В ангаре, где трудились Холлистер и его команда, заканчивали сборку импровизированного домкрата с супердлинным рычагом. Для приведения его в действие предполагалось, в случае необходимости, воспользоваться лебедкой.

Биолог шел опустив голову и не замечая ничего вокруг.

— Мистер Бичем! — окликнул его Дрейк. — А ну-ка не вешать носа! Если ваши саженцы даже не примутся, никто не посмеет обвинить в этом вас.

Ученый остановился, поднял голову и грустно посмотрел на стоявшую на крыльце парочку.

— Господи, чего бы я только не отдал за кислотно-щелочной анализ почвы, в которой они росли раньше! — воскликнул он жалобно. — И хорошо бы иметь график годового температурного режима. А еще лучше, если бы я сам там побывал и посмотрел, как они росли, прежде чем их выкопали. — А потом сказал озадаченно: — И мне очень хотелось бы знать, какие виды живых организмов паразитируют на этих деревьях?!

— Что такое? — встрепнулся Дрейк. — Почему вас это вдруг заинтересовало, доктор?

— Видите ли, когда мы высаживали образцы в грунт, — стал объяснять Бичем, — я обратил внимание, что концы некоторых веток обломаны. Я допускаю, что в районе Горячих озер случаются шквалистые порывы ветра или даже ураганы, которым под силу сломать сук или целое дерево. Но они всегда ломаются в том месте, где площадь сопротивления давлению воздуха наиболее велика. Самый сильный шторм никогда не оторвет самый тонкий кончик ветви! По статистике, максимальное удаление места облома не превышает трети расстояния от ствола.

— Следы обломов свежие? — заинтересовался Дрейк.

— большей частью старые, уже начинающие зарастать. Но попадаются и совсем свеженькие. А главное — выглядят они так, словно не отломаны, а откушены! Не могу только представить, кем или чем? Может, мне следует для безопасности обнести их мелкоячеистой проволочной сеткой, как вы считаете? Если существуют паразиты, питающиеся именно этим видом древесины, и одного или нескольких из них занесло на остров...

Он в отчаянии покачал головой, так и не закончив фразу, смысл которой, впрочем, был достаточно прозрачен, обреченно махнул рукой и пошел дальше. Нора задумчиво посмотрела ему вслед. Дрейк нервно пригладил рукой растрепавшиеся на ветру волосы.

— Сегодня утром я отправил в бухту Гиссела запрос, — признался он, — в котором интересовался возможностью проникновения на борт самолета живых организмов типа паразитов или чего-нибудь в том же роде, о которых сейчас говорил Бичем. Меня официально заверили, что ничего подобного в природе не существует. В оазисе Горячих озер не было обнаружено никакой фауны, даже пауков и клещей, не говоря уже о более крупных животных. У меня нет оснований сомневаться в правдивости ответа.

— Но ведь вы сами слышали, как кто-то или что-то передвигается по складу и роняет вещи со стеллажей, — возразила девушка.

— У меня могло быть временное помрачение рассудка, — пожал плечами Дрейк. — В

конце концов, кроме меня, никто ничего не слышал, верно? Тома не стоит брать в свидетели. Он еще мальчишка, и ему все равно никто не поверит. Но если Бичем прав и на остров попали какие-то твари, питающиеся его обожаемыми деревьями, рано или поздно они найдут посадку и примутся их объедать. Если это произойдет, можно попробовать отловить несколько экземпляров, используя для приманки оставшиеся на складе образцы.

— Шеф, да вы же сами в это не верите! — укоризненно воскликнула Нора.

— Не верю, — печально вздохнул Дрейк.

Сумерки стремительно сгущались. Серая пелена облачности, весь день висевшая над островом, заволокла небо от края до края, лишив островитян удовольствия полюбоваться закатом. Небо на востоке потемнело, и тьма вскоре закрыла всю центральную часть небосвода. Прошло еще несколько минут, и освещенной осталась лишь бледная узенькая полоска на западе.

Игра на площадке прекратилась, как только в темноте стало невозможно разглядеть летящий мяч. Том Белден отправился в комнату отдыха, чтобы там провести время до ужина, а его партнер вернулся на камбуз.

— Почти все уже собрались, — вполголоса заметил Дрейк, — да и остальные, наверное, скоро подтянутся.

Глаза потихоньку привыкали к наступающей ночной тьме. Дрейк все еще видел контуры застывшего на взлетной полосе самолета, но детали уже терялись во мраке. Неподалеку лежали сложенные рядышком несколько стволов антарктических деревьев. Их вытащили сегодня со склада, но последнюю партию так и не успели отвезти к границе термальной зоны. Ведь транспортировать саженцы приходилось на ручной тачке, а это отнимало массу усилий и времени. Пристройку к радиорубке окутывала полупрозрачная дымка, образующаяся при соприкосновении горячих выхлопных газов от работающего движка генератора с прохладным ночным воздухом. Радист покинул рабочее место и о чем-то разговаривал с невидимым в темноте собеседником. Дрейк огляделся по сторонам и нетерпеливо зашептал на ухо девушке:

— Мы в тени, и нас никто не видит. Вот только Спаркс сейчас уйдет обратно к себе...

Плечо Норы скользнуло по рукаву его куртки. Когда она заговорила, в ее голосе прозвучали нежность и желание.

— Ой, я, наверное, совсем бесстыжая, да? Потому что тоже жду, когда он уйдет, чтобы ты мог меня поцеловать. Ты ведь этого хочешь, правда?

Руки их соединились, пальцы переплелись. Даже если бы радист бросил сейчас взгляд в их сторону, он все равно не смог бы заметить ничего компрометирующего. Скрытые от нескромных глаз под навесом крыльца Дрейк и Нора, держась за руки и прижавшись друг к другу, с нетерпением ждали, когда Спаркс вернется к себе в рубку или отправится куда-нибудь еще.

И тут вспыхнул свет. Слепящие огни прожекторов и сияние сотен лампочек в протянутых между строениями гирляндах в мгновение ока превратили ночь в день. В перекрестье лучей высветился черный пес. Он сидел чуть в стороне от крыльца и с блаженством чесал за ухом задней лапой. В ремонтном ангаре с лязгом захлопнулись металлические ворота, а закончившие работу Холлистер и его напарники, оживленно переговариваясь, двинулись к мужскому бараку. Из генераторной вышел главный электрик и остановился у двери, вертя головой и откровенно любуясь делом своих рук. Все вокруг изменилось как по мановению волшебной палочки. Дрейку даже показалось на миг, будто сложенные рядом со взлетной полосой стволы лежат как-то по-другому, не так, как раньше.

Нора негромко рассмеялась. И хотя в этот момент для веселья не было причин, чуткое ухо ее кавалера уловило не только удрученность, но и скрытую в интонации девушки ласку.

— С судьбой не поспоришь, милый, — прошептала она с очаровательной улыбкой, не

преминув, однако, быстро отодвинуться от кавалера и мягко высвободить свои пальцы из его ладони. — Пойду-ка я в холл. Постараюсь выглядеть образцовой секретаршей, чтобы никто не догадался, как сильно я разочарована.

Она скрылась за дверью, оставив Дрейка скрежетать зубами в бессильной ярости. Он ощущал себя полным кретином. Чтобы хоть как-то отвлечься, он сбежал с крыльца и направился к Холлистеру, решив узнать о его планах относительно самолета. Будучи начальником колонии, Дрейк не мог позволить себе появиться в клубе одновременно с секретаршей. Чтобы сохранить свой авторитет среди персонала базы, людей перевозбужденных и находящихся на грани нервного срыва, он должен был играть роль бесстрастного монстра с рыбьей кровью и нулевыми эмоциями.

Сидящий рядом с крылечком пес внезапно прекратил чесаться и застыл в забавной позе с вытянутой в воздухе задней лапой. Видимо, он учуял что-то интересное, потому что наострил уши и поднял морду, подозрительно принюхиваясь. Потом вскочил с места и неторопливо потрусил в сторону отчетливо выделявшейся на земле границы между светом и тенью.

— Завтра попробуем, — ответил на вопрос Дрейка Холлистер, с сомнением почесав в затылке. — Только сначала надо закончить одну штуку, которую мы присобачим к хвостовой секции и попытаемся ее поднять. Можно было бы и быстрее справиться, но приходится все самим конструировать из подручного материала, так сказать. А подымать эту махину нужно на целых восемь футов, иначе колеса нам не высвободить. И все оттого, что в мастерских самого необходимого оборудования не хватает! Сколько раз я требования отправлял — все напрасно!

— А если завтра все получится, можете вы рассчитывать освободить дорожку за один день? — спросил Дрейк.

— Через пару дней, не раньше! — решительно ответил механик. — Хотя сама машина не так уж сильно пострадала, как я уже вам докладывал, сэр. Браун был отличным летчиком и посадил ее прямо ювелирно, если так можно выразиться об аварийной посадке. Так что дела обстоят намного лучше, чем я ожидал. Помогло, конечно, что груза было немного, да и топливо пилот успел слить. Фюзеляж и крылья, правда, тоже немало весят, но Брауну удалось облегчить машину, как ни крути.

Из темноты донесся громкий собачий лай. Дрейк продолжал неторопливо шагать рядом с Холлистером и двумя механиками. Пес продолжал лаять. К сожалению, это не привлекло внимания людей. Ведь это был самый обыкновенный лай, безо всяких признаков истерики, удивления или испуга. Так собаки обычно предвеляют знакомство или дружескую потасовку.

— Сегодня утром я получил от начальства нагоняй и настоятельную рекомендацию не трогать самолет до прибытия...

Дрейк не успел закончить фразу, в этот момент тишину прорезал пронзительный, жалобный, скулящий вопль такой силы, что трудно было представить, что его издала собака. Доносился он из небольшой рощицы карликовых деревьев, расположенной сразу за освещенной зоной. В этом жутком, леденящем звуке слились боль и отчаяние, смертельный ужас и невыносимое страдание...

Все четверо островитян, как по команде, одновременно повернулись на крик. Взволнованные люди хотели немедленно ринуться вперед, но сохранивший присутствие духа Дрейк остановил их порыв.

— Всем оставаться на месте! — приказал он, повысив голос. — Прежде всего, нам нужен свет! Свет и оружие! За мной, парни!

Он бросился бегом к клубу, где рядом с комнатой отдыха был его кабинет. Остальные побежали следом. Дверь распахнулась, и на пороге Дрейка встретила Нора с побелевшим от испуга лицом.

— Внутри, живо! — рявкнул он, плечом оттесняя девушку в коридор. — Нам срочно требуются оружие и фонари!

Нора прижалась к стене, пропуская мужчин. Спустя несколько секунд Дрейк снова проскочил мимо нее, сжимая в одной руке мощный фонарик, а в другой заряженный дробовик. Она попыталась остановить его, схватив за рукав, но тот даже не заметил ее движения. Через мгновение он уже спешил к рощице, из которой донесся вопль. Решительные действия начальника базы сыграли роль своеобразного катализатора, подстегнув колеблющихся и заставив их присоединиться к лидеру. Мужчины хватали ружья, ракетницы, фонари и выбегали на улицу. И даже Сполдинг, захваченный всеобщим порывом, бросился к ящику, в котором лежали изготовленные им бутылки с горючей смесью. После ужина он собирался провести лекцию и инструктаж по правилам их использования, заранее предвкушая триумфальный успех. Трудно сказать, решил бы он последовать за остальными, если бы не Нора. Пока изобретатель раздумывал, девушка подскочила к нему и закричала:

— Скорее! Что ты тут встал как бревно! Им нужен свет, как можно больше света, а у них только фонари! Придумай же что-нибудь, ну пожалуйста!

Сполдинг заколебался, но она торопила его.

— Быстрее! — вскричала она полным отчаяния голосом. — Помоги им, прошу тебя! Ты можешь, я знаю!

Обескураженный ее натиском, он схватил в охапку полдюжины бутылок и важно зашагал к выходу. Со стороны рощицы донесся звук выстрела. Узкие лучи фонарей беспорядочно прорезали тьму, выхватывая из мрака узловатые, искривленные стволы деревьев. Когда Сполдинг присоединился к общей группе, Дрейк внезапно метнулся вперед, возбужденно крича:

— Там что-то есть! Я видел, как оно шевельнулось!

Луч его фонаря заскользил между стволами и причудливыми суковатыми ветками. К нему тут же подключились другие, шаря то по земле, то по корням деревьев. Но их кряжистые, уродливые комли, покрытые у основания мхом и лишайниками, казались вырубленными из гранита неподвижными изваяниями, да и в подлеске, состоящем в основном из низкорослых древовидных папоротников, также не было заметно ни малейшего движения.

— Я мог бы помочь с освещением, — нерешительно предложил Сполдинг. — Тут у меня несколько бутылок с газOLIном...

— Отлично! — перебил его Дрейк. — Разбей-ка одну, а то с этими треклятыми фонарями ни черта не видно!

Парень сунул палец в петельку и потянул за нее, одновременно подбросив бутылку вверх. Приложенная к горлышку спичка чиркнула о шершавую полоску наждачной бумаги и загорелась. Падая, бутылка ударилась о камень и разлетелась вдребезги. Горючее мгновенно вспыхнуло, и языки пламени взметнулись футов на десять, а то и выше. Площадь основания импровизированного факела, в диаметре не более ярда вначале, быстро увеличивалась: растекался газOLIн по грунту.

— Вторую давай! — одобрительно гаркнул Дрейк. — Направо бросай. И сразу третью — в другой конец!

Сполдинг повиновался, но благоразумно не отошел от толпы, предпочитая метать зажигательные снаряды под прикрытием тел и ружей соседей. При этом он несколько проигрывал в точности, зато наверняка выигрывал в безопасности. Оранжевое пламя разлилось вокруг рощицы, окружив ее по периметру почти сплошным огненным кольцом и высветив как на ладони все пространство между деревьями. Но нигде не было никакого движения, кроме колышущихся от ветра ветвей и листвы.

— Но ведь там точно было что-то! — горячился Дрейк. — Я сам видел, как шевелились ветки, и все слышали какую-то шумную возню. Было там что-то живое, голову даю на отсечение!

Том Белден, стоя немного в сторонке, продолжал шарить по земле лучом фонарика. Внезапно он воскликнул дрожащим голосом:

— Эй, посмотрите-ка сюда!

Небольшой участок сравнительно мягкого грунта покрывали глубокие борозды и царапины. Именно такие может оставить крупная, сильная собака, упираясь своими задними лапами, если потащить пса куда-то против его воли. Найденные следы объясняли, по крайней мере, причину предсмертного вопля несчастного пса, но по-прежнему не давали ни малейшей подсказки об облике и повадках напавшего на собаку существа.

Дрейк перевел взор от испещренного следами борьбы грунта и с ненавистью стал смотреть на озаренную языками газолинового пламени рощицу. Бичем повел себя по-другому. Он низко нагнулся и приблизил свой фонарь почти вплотную к земле, отслеживая каждую вмятину и бороздку на ней. Картина вырисовывалась предельно ясная. Собаку кто-то тащил, она отчаянно сопротивлялась, упираясь лапами и цепляясь когтями за все, что попадалось. С корней близлежащего дерева был содран целый пласт мха, а на покрытой трещинами коре отчетливо белели свежие царапины.

Следы определенно вели в глубь рощи, но в ней никого не было. Никого и ничего! Расхрабренный Сполдинг вышел вперед и эффектно разбил еще одну бутылку с горючим, случайно или намеренно сделав это прямо на опушке, всего в нескольких ярдах от растущих на ее краю живых деревьев. Теперь рощица просвечивалась насквозь, как в рентгеновских лучах.

Дрейк выругался.

— Я иду туда, — объявил он. — Освещайте меня фонарями, но если вздумаете палить, цельтесь получше!

Было невероятно трудно и просто страшно заставить себя сделать первый шаг. Но сейчас роща была освещена как днем, к тому же Сполдинг поджег пятую и шестую бутылки и побежал за новыми. Дрейк крепко сжимал дробовик внезапно вспотевшей ладонью. По спине побежали мурашки и заструился холодный пот, но он упрямо продвигался к центру рощи, больше терзаясь по поводу собственного малодушия, чем страшась возможных в будущем обвинений в неумелом руководстве. Как бы то ни было, а вся ответственность за происходящее на острове лежала на нем, значит, с него потом и спросится.

Мелкие сучья и ветки цеплялись за одежду, мешая идти. Липкие, холодные щупальца страха заставляли желудок спазматически сжиматься, а сердце колотилось так, будто оно готово выпрыгнуть из груди. Было ужасно, отвратительно, невыносимо и очень стыдно. К счастью, вся рощица протянулась на полсотни футов в одном направлении и не более чем на шестьдесят в другом. Деревья росли как придется, то прижимаясь едва ли не вплотную друг к другу, то разбегаясь в разные стороны. Там, где они теснились, приходилось либо идти в обход, либо протискиваться между стволами. Но все это время Дрейк не забывал обшаривать каждый дюйм поверхности, каждый открытый участок коры, черпая силы и сосредоточенность в охватившей его ледяной ярости.

Что-то громко хрустнуло за спиной, заставив его резко, в прыжке, развернуться и вскинуть ружье. Но это оказался всего лишь Томми Белден с фонарем в одной руке и ракетницей в другой. Юноша то и дело спотыкался, лицо его было бледным и мокрым от пота, ему наверняка было страшно — и все же он нашел в себе силы и мужество последовать за начальником.

— Я... я подумал, — объяснил Том, запинаясь и стуча зубами, — что вдвоем нам будет... будет проще освещать дорогу.

Дрейк кивнул. В причудливом переплетении света и теней, отбрасываемых стволами и сучьями деревьев, действительно было сложно толком разглядеть что-либо.

— Смотри в оба, особенно себе под ноги, — строго предупредил он. — Не исключено, что эта тварь выпустила собаку, когда мы появились.

Продолжая дрожать и стучать зубами, Белден направил луч фонаря на землю прямо перед собой. В широком овальном пятне мелькали то деликатные побеги «девичьих волос», то более жесткая и грубая поросль орляка. Дрейк без разбору давил ногами все подряд, нетерпеливо озираясь вокруг, но не находя взглядом того, что искал. Том сопровождал его, стараясь не отставать ни на шаг. Они несколько раз пересекли рощу из конца в конец, освещая фонарями все подряд: деревья от корней до крон, цепляющийся за землю стланик, заросли папоротника и шелковистые вкрапления мха. Расположившиеся по периметру люди стояли наготове с заряженными ружьями, не спуская глаз с прочесывающих рощу и следя за каждым их движением.

Дрейк с Белденом уже неоднократно обыскали рощицу вдоль и поперек, но так и не нашли не только тела собаки, но и ни единого клочка шерсти. Не обнаружили они и никаких признаков неведомого агрессора. Единственной живностью, попавшейся им на глаза, было какое-то ночное насекомое. Еще в одном месте они наткнулись на широкую паутину, натянутую между двумя ветвями и влажно поблескивающую в отсветах бушующего вокруг пламени. На поверхности тоже ничего подозрительного не нашлось — только папоротники, мхи да торчащие из земли узловатые корни.

Окончательно убедившись, что в роще нет никого страшнее пауков и ночных бражников, Дрейк прекратил поиски и вернулся к основной группе. Газолиновые лужи к тому времени выгорели, но давали еще достаточно света, чтобы уверенно ориентироваться.

— Я на все сто убежден, что там кто-то был! — заявил он, в бешенстве топнув ногой. — Мы все видели кольшущиеся ветви и слышали громкую возню. Но сейчас там пусто. Кто бы там ни был, он успел улизнуть через дальний конец, пока мы тут на ближнем толклись с фонарями. Одно можно сказать наверняка: свет ему точно не по душе! Не сомневаюсь, что его прогнал именно свет.

— Вот уж не было печали! — сердито прогудел Холлистер. — Пока не завезли собак, на острове вообще никаких животных отродясь не водилось. Птицы — да, а больше никого. Птицы собаку утащить не могут, да и незачем — они рыбу жрут. Так кто же тогда зацапал бедного песика?

— Знаете, друзья, — нерешительно заговорил Бичем, — судя по царапинам и бороздам на грунте, у меня сложилось впечатление, будто собаку старались оторвать от земли и утащить куда-то вверх!

Слабо помигивая, на земле догорали последние капли горячего из разбитых бутылок. Усталым голосом Дрейк скомандовал возвращаться по домам. Люди разочарованно потянулись в сторону поселка.

— Стоп! — неожиданно воскликнул начальник базы, вспомнив реплику механика. — Скажите, доктор Бичем, может среди птиц на гнездовье случайно затесаться какой-нибудь хищник? Орел, кондор, крупный стервятник?

— Вы забыли еще упомянуть гигантских полярных сов, — добавил биолог. — Увы, вынужден вас разочаровать. Во-первых, мы ни разу ничего подобного на острове не видели, а во-вторых, хищным пернатым здесь попросту нечем питаться. Нет ни кроликов, ни крыс, ни мышей. Кроме того, утащить крупного взрослого пса не под силу ни одному из вышеперечисленных видов. Это научный факт.

— Но мы же видели и слышали, как кто-то копошился в ветвях! — возразил Дрейк, не

желавший так легко сдать позиции.

— Ни одна крупная птица с размахом крыльев в несколько футов ни за что не рискнет сунуться в чашу, где близко расположенные деревья и переплетенные кроны не позволят ей ни опуститься на землю, ни взлететь, — авторитетно заявил Бичем. — Как я уже говорил, это абсолютно исключено. Учтите также, что собаки невероятно живучи, особенно дворняги. Никакая хищная птица не в состоянии прикончить такого здорового пса в считанные минуты, даже если, чисто теоретически, допустить, что у нее хватит сил унести его мертвое тело. Полагаю, у вас нет сомнений в том, что собака погибла?

— Какие уж тут сомнения! — хмуро буркнул Дрейк. — Или вы не слышали, как она визжала?

Чем ближе они подходили к строениям базы, тем светлей становилось вокруг. Не только фигуры возвращающихся людей, но и мельчайшие детали их одежды и снаряжения отчетливо выделялись в ярком сиянии десятков прожекторных лучей и сотен лампочек. А в самом центре поселка было светлее, чем солнечным днем, — так, во всяком случае, показалось уставшим, расстроенным людям. Возле административного здания Дрейк остановил отряд и заговорил спокойным, бесстрастным голосом:

— Никто из нас, к несчастью, не успел заметить тварь, убившую и утащившую одну из наших собак. Это очень плохо, но теперь мы знаем о ней немного больше. Можно считать доказанным, что она боится света. Мы были рядом с ней, но никто не подвергся нападению. Полагаю, ее остановил свет наших фонарей. Мое утверждение подкрепляет и тот факт, что в дневное время никаких признаков активности с ее стороны не наблюдалось. Схватка с пассажирами в самолете также не может служить опровержением, потому что в грузовом отсеке во время полета достаточно темно. Так же темно вчера было на складе. Пока внутри не горел свет, там что-то двигалось. Как только я включил рубильник, оно либо сбежало, либо спряталось. Следовательно, свет

— это главная и основная гарантия нашей безопасности. Отныне всем категорически запрещается выходить по ночам за пределы освещенной зоны без моего персонального разрешения, которое я могу дать лишь в том случае, если сочту причину важной и убедительной. Всем понятно?

Толпа одобрительно зашумела, и только у Кейси, одного из складских рабочих, нашлись возражения.

— Послушайте, мистер Дрейк, — обиженно сказал он. — Я вовсе не утверждаю, что такой уж смельчак, но когда мне приказывают бояться темноты, не могу сказать, что мне такое по нраву.

— Поверьте, друзья, я и сам не в восторге, что вынужден отдать этот приказ, — примирительным тоном сказал начальник базы. — Но пока мы не узнаем больше, придется его выполнять. Всем, без исключения. Слишком много людей уже поплатилось жизнью, чтобы игнорировать опасность!

На пороге появился Сполдинг.

— Поймали кого-нибудь? — простодушно осведомился он.

Дрейк сердито зарычал, взбежал на крыльцо и направился в свой кабинет. Только сейчас он сообразил, что из пятнадцати мужчин, находящихся у него в подчинении, восемь были с ним в рощице, из которой донесся предсмертный крик собаки. И только семеро остались в поселке, чтобы охранять женщин. Он обругал себя и мысленно поклялся, что не допустит в будущем такой промашки.

Войдя в офис, Дрейк отодвинул ногой кресло и с размаху плюхнулся в него. Трагическая гибель ни в чем не повинного пса и безрезультатные поиски ночного убийцы привели

начальника базы в состояние сильнейшего раздражения. Его не радовал даже тот факт, что теперь можно было считать окончательно доказанным присутствие на острове некоего существа, безусловно опасного для людей и животных. Но доказательство это, строго говоря, носило довольно сомнительный характер. До аварии транспортника существо вообще никак не проявляло себя, а после того ни разу не показалось на глаза, хотя уже минимум дважды выказало свою агрессивность. Похоже, оно действительно предпочитало ночной образ жизни, поэтому никто до сих пор не мог не только его описать, но и представить. А теперь ему, Дрейку, предстоит докладывать начальству о новом событии и связанных с ним подробностях, которые правительственные чиновники, сидящие в своих уютных кабинетах, неизбежно сочтут невероятными и фантастическими. Большие шишки, неодобрительно покачивая головами, несомненно, заявят, что исчезновение какой-то дворняги не такое уж серьезное дело, чтобы ломать из-за этого копья. Оно может быть объяснено тысячью правдоподобных причин, не имеющих никакого отношения к предполагаемому присутствию на острове некоего существа, больше похожего на продукт необузданной фантазии шизофреника, нежели на реально существующий объект.

В кабинет без стука ворвалась разъяренная Нора.

— Зачем вы один полезли в эту чашу?! — закричала она звенящим от гнева голосом. — Зачем вам понадобилось самому рисковать жизнью? И это после того, как умоляли меня соблюдать осторожность! Вы бы хоть обо мне подумали!

Дрейк устало поднял голову.

— Я должен был доказать, что не сошел с ума, — бесстрастно произнес он.

— И я должен был встретиться с ним лицом к лицу, чтобы перестать наконец сомневаться в собственном здравии! Теперь я, слава богу, в этом уверен, зато испытываю серьезные опасения разумности принятых мер. Хорошо хоть мы убедились, что эта погань, прикончившая собаку, определенно боится света. Так что, если не хочешь нарваться на неприятности, не забредай в темные уголки по ночам! Да и днем я бы не советовал.

Девушка в отчаянии всплеснула руками. Дверь за ее спиной была открыта, из нее доносились возбужденные голоса собравшихся в комнате отдыха островитян. Закрывать ее сейчас было рискованно, так как могло вызвать нежелательные подозрения.

— Зато я знаю, как теперь называть это существо, — сообщил Дрейк несколько повеселевшим тоном. — Пусть маленький, но все же прогресс!

— О чем вы говорите? — в недоумении посмотрела на него Нора, которая никак не могла унять дрожь. Ее охватил трепет, когда кто-то рассказал, как бесстрашно начальник базы с ружьем наперевес один полез в рощу, куда кто-то большой и страшный, сотрясая деревья, утащил несчастного пса.

— Это снарк, — сказал Дрейк, выдержав паузу и словно не замечая, в каком состоянии находится его симпатия. — Помнишь «Охоту на снарка»? Как все его долго ловили, а потом выяснилось, что снарк — это игра воображения?

Но ни шутка, ни ободряющая улыбка Дрейка не помогли поднять настроение девушки. В кабинет уверенно вошел Сполдинг. Вид у него был деловитый, физиономия удовлетворенно сияла.

— Считаю абсолютно доказанным, — заявил он, победоносно улыбаясь, — что бутылки с горючей смесью оказались самым надежным и действенным средством обороны против монстра!

— Примите мои поздравления, мистер Сполдинг, — равнодушно сказал Дрейк.

— Если не сочтете за труд составить докладную записку на этот счет, я завтра же распоряжусь, чтобы Спарк передал ее в Вашингтон. Не сомневаюсь, что ваши выдающиеся

заслуги будут должным образом оценены и отмечены. Если только нас всех прежде не упакуют в смиренные рубашки, — добавил он после непродолжительной паузы.

— Я говорил с людьми, которые были с вами с самого начала, — продолжал Сполдинг, пропустив иронию мимо ушей. — С теми, кто своими глазами видел, как колыхались ветви деревьев в лучах фонарей. Так вот, в их показаниях я отметил совершенно поразительную деталь!

— Я весь внимание, — поощрительно кивнул начальник базы, сознательно прекратив попытки сразить сарказмом этого самовлюбленного идиота. Его наглость привела Дрейка в отчаяние еще и потому, что мешала немедленно, сию минуту, утешить Нору, застывшую у стола с дрожащими губами и мертвенно-бледным лицом.

— Все свидетели говорят о том, — уверенно продолжил Сполдинг, — что их фонари были направлены на раскачивающиеся ветви одного или нескольких стволов. Каждый из них отчетливо видел движение, но ни один — заметьте, ни один! — не видел того, кто эти ветви раскачивал! Люди находились на расстоянии всего тридцати футов и были просто обязаны заметить хоть что-нибудь! Но никто ничего не видел. Вы отдаете себе отчет, какие выводы следуют из этих фактов? Ну же, мистер Дрейк! Пораскиньте мозгами!

— В данный момент я усиленно стараюсь воздержаться от напряженной умственной деятельности, мистер Сполдинг, — расслабленно произнес Дрейк. — По всей видимости, мои мозги не обладают должными качествами, чтобы справиться с волнующей вас проблемой.

— Но вы можете представить себе живое существо, — не отставал настырный завскладом, — забравшееся в глубь чащи, раскачивающее ветки деревьев, не тревожа при этом самих стволов, и невидимое на расстоянии тридцати футов в направленных лучах полудюжины фонарей?

— Нет, не могу, — честно признался начальник базы, — хотя не стану отрицать, что именно так все и происходило.

Сполдинг многозначительно хмыкнул и выпятил грудь.

— Возможно, — важно объявил он, — моя версия покажется вам малоубедительной, но в морях и океанах живет множество видов прозрачных существ. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении фактов, я готов взять на себя смелость утверждать, что мы имеем дело с одним из таких живых организмов. Он прозрачен и потому невидим! Могу привести...

Дрейк поднялся из кресла и выпрямился во весь рост.

— Ну вот что, Сполдинг! — прогремел он. — Я проявил массу терпения, выслушивая ваши бредни, но будь я проклят, если соглашусь проглотить еще и это! Да будь эта ваша тварь целиком прозрачной, как стекло или пластик, она все равно отражала бы направленные на нее лучи! Даже мыльный пузырь, оболочка которого не толще доли микрона, заметен в отраженных лучах. А раз мы видим стекло, пластик и мыльные пузыри, то разглядели бы и прозрачное живое существо. Если только коэффициент преломления его тела не совпадает с коэффициентом преломления воздуха, что в принципе невозможно!

Завскладом снисходительно усмехнулся и укоризненно посмотрел на разъяренного начальника.

— А по-моему, вы просто завидуете тому, что не вы, а кто-то другой первым докопался до истины.

Терпение Дрейка окончательно лопнуло.

— Каждое природное явление имеет причину, — заговорил он дрожащим от ярости голосом. — Иногда мы этих причин действительно не знаем, но в данном случае ваш номер не проходит! Скажите, на кой черт невидимость живому существу, обитающему в Антарктиде? От кого ему прятаться, если оно достаточно велико и сильно, чтобы справиться с десятком

здоровых мужчин, сбрасывать со стеллажей здоровенные коробки, утащить куда-то труп и растерзать большую взрослую собаку? Вы не находите, что подобные качества делают это существо самым опасным и смертоносным на всем ледовом континенте? Притом что следующий за ним по гибельности — королевский пингвин! У монстра же нет природных врагов! Это другим от него нужно прятаться, а не наоборот. Ни пингины, ни другие морские птицы не в состоянии причинить ему вреда. Разве что секачи на лежбищах котиков и морских леопардов... Но они от кромки прибоа дальше чем на десять ярдов не удаляются, так что и в этом варианте невидимость не дает никакого преимущества.

— Я не собираюсь обсуждать с вами причины, — вызывающе заявил Сполдинг, упрямо выпятив подбородок. — Я пришел сообщить факты. А факты свидетельствуют о том, что чудовище невидимо!

— Если человек не может чего-то увидеть прямо у себя под носом, — рявкнул выведенный из себя Дрейк, — это означает только, что он не туда смотрит! Проваливайте отсюда, Сполдинг! Пишите свою докладную и не забудьте обвинить меня в потере рассудка, потому что я отказываюсь верить в прозрачных и невидимых монстров. Я ее с удовольствием завизирую! Только сейчас, пожалуйста, уберите с глаз моих! — Он на мгновение умолк, растерянно покрутил головой, стиснул зубы и продолжил, но уже на полтона ниже: — Прошу прощения, я не должен был этого говорить. И нам нет никакого резона ссориться. Вы придумали очень полезную штуку — я имею в виду ваши зажигательные бутылки. Не будь их под рукой, не исключено, что всех нас сейчас уже не было бы в живых. Я рекомендовал бы вам подобрать парочку добровольцев и показать им, как изготавливать эти «молотовские коктейли». Пусть у нас будет на всякий случай солидный запас. Если, не дай бог, дойдет до худшего, бутылки смогут помочь нам выжить.

Сполдинг расплылся в торжествующей улыбке.

— Ага! Наконец-то вы признали, что я тоже кое-что соображаю! Очень хорошо. Уверяю вас, что и в дальнейшем не намерен держать свои способности в секрете. А Нора подтвердит, если понадобится, что я предупреждал вас о невидимости чудовища. Что ж, пойду заниматься обеспечением безопасности, раз больше некому.

Выпустив последнюю шпильку на прощание, он величаво удалился. Его лицо выражало и оскорбленное достоинство, и триумфальную усмешку признанного гения. Дрейк проводил его усталым взглядом и беспомощно развел руками.

— У меня такое ощущение, — признался он со вздохом, — что мне строго противопоказано руководить людьми. Вообще. Не говоря уже об экстремальных обстоятельствах. Только знаешь что. Нора...

Она смотрела на него в упор, нервно похрустывая костяшками пальцев.

— Постарайся взять себя в руки, девочка, — мягко, с нежностью произнес Дрейк. — К счастью, все слишком возбуждены и заняты собственными проблемами, но не думаю, что стоит заострять чье-либо внимание на твоих переживаниях по поводу моей скромной персоны. — Он немного помолчал. — Знаешь, Нора, в самый разгар нашей дурацкой перепалки со Спеллингом я вдруг сообразил, что все же заметил в той роце одну необычную вещь. Собственно говоря, я даже не знаю, что именно заметил, но что-то отложилось в сознании. Со временем я восстановлю в памяти последовательность событий и вспомню все в подробностях, но и сейчас мне почему-то кажется, что я видел нечто очень важное, только не придал этому значения.

— Ты больше никогда туда не пойдешь! — свирепо прошептала девушка, сверкая глазами, как разъяренная львица. — Я тебя ни за что не отпущу! Только... Если только вместе со мной!

— Да что на тебя нашло, дорогая?! — удивился Дрейк. — Откуда эти собственнические замашки? Ты уж дождись хотя бы, пока мы поженимся. И не волнуйся так — сегодня ночью я

туда точно больше не собираюсь. А утром, если пожелаешь, сходим вместе. Мне нужно обязательно еще раз все осмотреть.

Нора вняла здравому совету и попыталась взять себя в руки. Сначала у нее это плохо получалось, но появление нового посетителя, перед которым она не хотела выглядеть взволнованной, придало ей сил и энергии. В комнату вошел Холлистер. Он без приглашения опустился на стул, а девушка, окончательно овладев собой, коротко извинилась и вышла из кабинета. Дрейк подавил зевок и приготовился выслушать очередную порцию досужих вымыслов.

Против ожидания, соображения механика оказались вполне резонными. Он напомнил о вчерашней ночи, когда они вчетвером добровольно несли до рассвета патрульную службу, меняясь парами через определенные промежутки времени. Тогда никаких чрезвычайных происшествий не произошло. Но сегодня тревога один раз уже прозвучала, хотя поймать или хотя бы рассмотреть нарушителя спокойствия так никому и не удалось. Правда, все окончательно убедились, что свет монстру не по нраву, но Холлистер и сейчас чувствовал себя не в своей тарелке. Его опасения разделяли еще несколько парней, которые могли спокойно лечь спать, зная о том, что снаружи всю ночь кто-то постоянно дежурит. Да и о безопасности девушек стоило позаботиться.

— Мы уже лишились одного мертвеца и одного живого пса, — согласился с доводами механика Дрейк. — Не хотелось бы больше никого терять, даже если это будет пингвин. Полагаю, нам ни в коем случае не помешает выставить ночные посты. Поговорите пока с людьми, мистер Холлистер, а потом доложите мне.

Механик ушел, а Дрейк остался ломать голову над тем, что же такое необычное заметил он в озаренной газолиновым пламенем рожице? В тот момент увиденное не показалось ему особенно важным, но не было оно и чем-то уж совсем обычным, иначе как объяснить тот факт, что воспоминание об этом мимолетном эпизоде занозой не засело бы в мозгу? В какой-то момент ему показалось, что он вот-вот ухватится за кончик ниточки и вытащит наружу ускользающий ответ, но тут снова ввалился Холлистер. Поэтому пришлось вместе с ним составлять списки, расставлять людей и определять маршруты патрулирования.

Со стороны радиорубки послышался возбужденный крик. Дрейк вышел на крыльцо.

— Радар зафиксировал какое-то движение в районе птичьего базара, сэр! — прокричал радист Спаркс.

Дрейк кинулся в радиорубку. Несколько островитян поторопились туда же. На первый взгляд экран радара выглядел как обычно, если не считать расплывчатого туманного пятна в углу. Это была южная оконечность Гоу-Айленда, на которой устроили десятки тысяч морских птиц свои гнездовья.

— Вот здесь, видите? — Радист осторожно указал пальцем на экран. — Вообще-то птичий базар всегда так отражается, но только в дневное время. Ничего конкретного, просто туманное облачко. Днем над гнездовьями с утра до вечера собираются огромные стаи: одни улетают далеко в море за добычей, другие возвращаются с охоты. Поэтому в светлое время суток контуры облака постоянно меняются. Сейчас оно стабильно. Это означает, что птицы просто всем скопом поднялись в воздух и кружатся над своими гнездами. Что-то их очень сильно напугало, потому что раньше они ночью никогда ничего подобного не делали.

Дрейк нахмурился.

— Проклятье! Быстро же она бежит, если, конечно, это та самая тварь, что утащила собаку! Выходит, пока мы тут суетились с фонарями и ружьями, она прямиком рванула туда. Ну и скорость! Да и размеры соответствующие: за такой короткий промежуток до птичьего базара разве что на лошади доскачешь.

— Но если она сейчас там, ее не может быть здесь, сэр! — быстренько сообразил Кейси. — Наверное, эта гадина проголодалась и после нашего песика решила побаловаться дичью. Лично я не стал бы ей мешать и уж тем более соваться к ней ночью с одними фонариками и дробовыми пукалками. Пускай себе набивает брюхо до рассвета, а там видно будет.

Дрейк согласно кивнул.

— Но патрулирование территории мы будем продолжать, как задумано, — предупредил он. — Береженого Бог бережет!

Возражений не последовало. Мысль о том, что по Гоу-Айленду свободно разгуливает неизвестный монстр, полчаса назад прикончивший одну из собак, а затем со скоростью курьерского поезда устремившийся в противоположный конец острова, чтобы и там поживиться свежатинкой, не вызвала положительных ассоциаций. Наоборот, в воображении каждого представало нечто столь первобытно свирепое и необузданное, что хотелось поскорее забиться в укромный уголок и забаррикадироваться чем-нибудь тяжелым. С другой стороны, в распоряжении чудовища были десятки тысяч птиц и тысячи гнезд с птенцами и высиживаемыми яйцами. То есть такое количество легкодоступной пищи, которого с избытком хватило бы для утоления аппетита не только самого большого и кровожадного хищника на свете, но и целой стаи его собратьев. Далеко не все пернатые взмывали в воздух при приближении опасности — многие предпочитали оставаться на месте, вжимаясь в землю и надеясь, что смерть пронесется стороной.

— Разумеется, мы будем держать ухо востро, — сказал Кейси, — только мне, парни, как-то спокойней на душе, когда я знаю, что оно сейчас занимается птичками, а не рыщет поблизости, чтобы подловить кого-то из нас!

Как и в прошлую ночь, Дрейк оставил в радиорубке двух вахтенных, приказав им не спускать глаз с экрана радара и незамедлительно докладывать обо всех изменениях, сам же вместе с остальными вернулся в административный корпус. Среди островитян, не знавших о том, что монстр бесчинствует на птичьем базаре, эта новость вызвала легкий шок, но в то же время несколько разрядила обстановку — до поры до времени.

Естественно, никому и в голову не приходило ложиться спать. Даже девицы демонстрировали неожиданную готовность бодрствовать хоть до самого утра. В связи с этим к многочисленным заботам Дрейка прибавилась еще одна: уговорить разойтись по комнатам и немного отдохнуть, по крайней мере, тех, кто не был включен в списки ночных патрульных.

Вахтенные в радиорубке периодически докладывали, что радар продолжает фиксировать зависшее над птичьим базаром облако, состоящее из тысяч птиц, согнанных со своих гнезд неведомой угрозой. Прошел уже час, а несчастные пернатые все еще кружили во мраке над покинутыми гнездовьями. Ведущие дневной образ жизни птицы, как правило, очень плохо видят в темноте, и к подкарауливающей их внизу опасности быть съеденными живо добавлялся риск пораниться или разбиться насмерть, возвращаясь на землю. Миновал второй час, потом третий. Кто-то по-прежнему удерживал бесчисленные стаи в воздухе. По всем расчетам выходило, что это могла быть только та самая тварь, которая устроила переполох в роще и уволокла бедную псину.

Четверо мужчин тщательно обыскали все жилые и спальные помещения — на тот случай, если кто-то пожелает лечь спать. Пассия главного электрика, которую звали Элизой, сидела в углу, глядя на окружающих круглыми, выгаращенными от страха глазищами. Ее кавалер не выпускал девушку из виду, поглядывая во все стороны, и был готов вступить в смертельную схватку с любым чудовищем, осмелившимся посягнуть на ее жизнь. Он был весь обвешан оружием, как рождественская елка игрушками, и это выглядело довольно забавно. Дрейк обратил внимание, что Том Белден незаметно и как бы случайно старается находиться рядом с

ним, куда бы он ни пошел. Необычное поведение юноши напомнило начальнику базы о недавнем эпизоде, когда Томми, единственный из всех, последовал за ним в рощицу. Вспомнил он и о том, как у него самого в тот момент по коже бегали мурашки, а по спине струился холодный пот. Улучив момент, Дрейк отозвал парнишку в сторону.

— Кстати, Том, — заговорил он, — я ведь так и не поблагодарил тебя за то, что ты пошел за мной в заросли. Спасибо тебе. Одному мне было бы гораздо тоскливей.

— Не стоит благодарности, мистер Дрейк, — поспешно сказал Белден, избегая смотреть ему в глаза. — Я всегда готов вам помочь.

— В самом деле? — прищурился начальник базы. — А почему? Я полез туда, считая это своим долгом, хотя отлично сознавал, что подвергаюсь огромной опасности. Но тебя-то что заставило столь опрометчиво рисковать своей шкурой?

Том мучительно покраснел и не сразу нашел слова для ответа.

— Понимаете, мистер Дрейк, — начал он, слегка запинаясь, — мисс Холл... короче, она к вам очень хорошо относится, сэр. А я очень уважаю мисс Нору и вас. Я знаю, что она намного старше меня, и ни на что не претендую... Ей ведь уже целых двадцать три, сэр... Вы о ней все время беспокоитесь, и она тоже за вас страшно переживает. Если с вами что-то случится... Одним словом, сэр, я прикинул, что ей будет спокойней, если я буду все время держаться поближе к вам. — Внезапно в глазах юноши мелькнул неподдельный ужас. — Вы ведь не скажете ей, сэр?! — воскликнул он умоляющим тоном.

Дрейк надолго задумался, потом веско сказал:

— Полагаю, будет лучше, если ты станешь незаметно охранять не меня, а непосредственно мисс Холл. Между прочим, кроме тебя, больше никто не считает, что она чрезмерно озабочена моей безопасностью?

Том виновато шмыгнул носом.

— Не думаю, сэр. Просто я часто смотрю на нее украдкой, когда знаю, что она меня не видит. Потому и заметил.

Подпрыгивающей походкой в холл вошел Сполдинг.

— Я наладил конвейер по производству бутылок с горючей смесью! — громко похвастался он, чем привлек, как и надеялся, всеобщее внимание. — Какие будут распоряжения?

— Не забудьте включить это в вашу докладную записку, — буркнул начальник и отвернулся.

Было как-то непривычно иметь персонального телохранителя в лице Томми Белдена, которому совсем недавно стукнуло девятнадцать. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, Дрейк прекратил разговор и послал услужливого молодого человека на улицу, в помощь патрульным.

Прошло уже четыре часа после захода солнца. Девушки удалились наконец на покой — правда, только после недвусмысленного намека Дрейка. Из окна были видны пара патрульных, прохаживающихся туда и обратно по периметру залитого светом прожекторов пространства. Несмотря на принятые меры безопасности, люди находились в постоянном нервном напряжении. И вывести их из этого состояния не могли даже регулярные доклады наблюдателей в радиорубке, согласно которым монстр все еще продолжает активно сокращать поголовье обитателей птичьего базара.

Ружейный выстрел разорвал царящую за окном тишину. И сразу раздался пронзительный собачий визг, сменившийся жалобным воем. Дрейк первым выскочил наружу и сразу увидел одного из патрульных, застывшего в напряженной позе близ освещенной границы между ремонтным ангаром и радиорубкой. Он только что разрядил свой дробовик, а теперь замер в оцепенении, всматриваясь в темноту.

Футах в двадцати от радиорубки, жалобно скуля и повизгивая, катался по земле пес. Он то раздирал с ожесточением когтями свою мохнатую морду, то вновь начинал вертеться в пыли, оглашая окрестности жалобным воем. На ярко освещенном грунте в радиусе десяти ярдов не просматривалось ровным счетом ничего, что могло бы явиться причиной столь странного поведения собаки. Дверь за спиной Дрейка распахнулась, и на улицу выскочило все бодрствующее мужское население Гоу-Айленда. Даже Сполдинг на этот раз не отстал от других и тоже вышел наружу, воинственно размахивая прихваченными бутылками с газOLIном.

— Что случилось?! — закричал Дрейк, трясая за плечи окаменевшего от ужаса часового. — Где Кейси?

— Т-т-там он, — с трудом выдавил патрульный, дрожащей рукой указывая в темноту. — Его кто-то душил! Я сам слышал, как он задыхайся!

Сполдинг испуганно вскрикнул при виде крутящегося в исступлении пса, но нотки страха в его голосе быстро сменились торжествующими:

— Я говорил! Я говорил! — завопил он, приплясывая на месте. — Оно невидимо! Теперь все видят, что оно невидимо!

Неожиданно он размахнулся и метнул одну из бутылок с «коктейлем Молотова». Та разбилась, но содержимое почему-то не загорелось — должно быть, не сработал запал.

— Где Кейси?! — рывкнул Дрейк в самое ухо все еще находящегося в шоке часового. — Куда он пошел?

Тот только всхлипывал и шмыгал носом, тяжело дыша и нервно вздрагивая. Толку от него не было никакого. За спиной Дрейка что-то ухнуло и загудело. Это Сполдинг швырнул еще одну бутылку. Вторая попытка оказалась более удачной: горючее вспыхнуло, и языки пламени взметнулись на несколько футов ввысь. Спустя мгновение загорелся и газOLIн первой бутылки. К несчастью, заведующий складом немного не рассчитал в горячке направление броска. ГазOLIн быстро растекался по земле, и его горящие ручейки стремительно подбирались к деревянной будке радиостанции. Увы, никто вовремя не обратил на это внимания, потому что все были заняты исчезновением Кейси.

Дрейк продолжал ожесточенно трясти его напарника.

— Туда он пошел, — выдавил тот сквозь судорожные всхлипывания. — Вроде бы услышал что-то и пошел проверить. А потом... потом...

Дрожащий палец часового указывал на глухой торец ремонтного ангара, освещенный прыгающим пламенем. Оставив патрульного, Дрейк бросился в указанном направлении. Света было более чем достаточно, и в первую же минуту он обнаружил сначала валяющийся в траве фонарик Кейси, а затем и его дробовик. Вот только его самого нигде не было.

Соседние строения отбрасывали в сторону ангара длинные пляшущие тени, сливающиеся с границей тьмы и света на его противоположном конце. Избегающее яркого освещения существо, скорее всего, попыталось бы найти убежище именно там. Дрейк пробежал вдоль стены ангара, освещая все стороны подобранным фонарем Кейси. Пусто! Тогда он решил обойти весь ангар, чувствуя, как его с каждым шагом все сильнее охватывает озноб.

С того места, где вертелся в конвульсиях пострадавший пес, прозвучал резкий хлопок ружейного выстрела. Потом тишина, мгновение спустя огласившаяся громкими криками людей. Дрейк обогнул последний угол и застыл, потрясенный открывшейся взору картиной.

Радиорубка пылала, охваченная с двух сторон быстро разгорающимся пламенем. Струйки горючего из брошенных Сполдингом бутылок быстро подбирались к деревянному строению. Сухие доски занялись мгновенно. Пожар уже перекинулся на соседнюю пристройку, в которой продолжал мерно стучать генератор. Загорелась кровля. Внутри дизельной что-то лопнуло — вероятно, бочка с соляжкой, — и получившее неожиданную подкормку пламя с веселым ревом

вырвалось наружу сквозь растрескавшиеся от жара оконные стекла.

Когда удалось наконец подсоединить к гидранту рукав пожарного шланга, было уже поздно. Внутри генераторной температура повысилась настолько, что продолжающий работать дизель начал чихать, сбиваться с ритма и захлебываться, напоминая чахоточного больного. Каждый сбой сопровождался изменением напряжения, из-за этого наружное освещение то мигало и тускнело, то вновь становилось ярким. Но всему приходит конец. Раскалившийся выше всех мыслимых пределов дизель, надсадно взыв в последний раз, замолчал. В ту же секунду погасли все огни в строениях и подсобных помещениях, а также на территории базы. Поселок окутал сплошной мрак, лишь местами мигали лучи фонарей и догорающие угли пожара. Одновременно иссякла вода в пожарном рукаве, поскольку прекратил работу качающий ее электрический движок.

Глубокая ночь накрыла поселок и живущих в нем людей. Низкие, тяжелые облака заволокли все небо, скрывая сияние давно взошедшей луны и равнодушных звезд. Лишь догорающие головешки продолжали тлеть в темноте, изредка выбрасывая быстро угасающие язычки пламени.

Дрейк не успел еще до конца осознать тяжесть свалившейся на островитян катастрофы, но основные проблемы требовали от него немедленных действий. Прежде всего он постарался навести относительный порядок и создать подобие оборонительного рубежа вокруг погрузившихся во мрак строений. Нельзя было ни на минуту забывать, что по острову бродит смертельно опасный хищник, натворивший уже немало бед. Дрейк расслабился, когда присутствие монстра было зафиксировано радаром на птичьем базаре, в четырех Милях от поселка, но сейчас у него возникли серьезные сомнения в правдивости этой версии. Если тварь продолжала охотиться за птицами, то кто же тогда схватил и задушил беднягу Кейси, чей труп бесследно исчез, как и тело капитана Брауна? И кто нагнал страха на второго пса и так с ним расправился, что его пришлось пристрелить, чтобы избавиться от невыносимых мучений?

Внимание Бичема, стоявшего чуть в стороне от основной массы собравшихся вокруг пожара людей, привлек странный скребущий звук на земле, раздававшийся рядом с его правым ботинком. Биолог в недоумении нагнулся и направил свой фонарь на источник шума. Он увидел миниатюрное и совершенно невероятное создание, с достойным похвалы усердием стремящееся втиснуться в маленькую норку в грунте. Бичем изумленно наблюдал за его телодвижениями добрых полминуты, никак, впрочем, не связывая свое открытие со случившимися трагедиями. Между ними и в самом деле не было почти ничего общего, если не считать полнейшей, совершенно фантастической абсурдности.

Пока биолог созерцал копошащееся у его ног поразительное существо, забыв обо всем и не замечая ни сторевших радиорубки и генераторной, ни отдаваемых приказов Дрейка, вездесущий Сполдинг визгливым голосом пугал окружающих, которым и без него было тошно.

— Оно невидимо, говорю я вам! Невидимо! А теперь у нас больше нет света, и оно всех нас уничтожит! Всех, одного за другим!

Паникера необходимо было немедленно остановить. Дрейк легонько коснулся плеча Тома Белдена и коротко сказал:

— А ну-ка врежь ему разочек, чтоб заткнулся!

Юноша размахнулся, послышался глухой удар — и истерические выкрики Сполдинга оборвались на полуслове. Дрейк как ни в чем не бывало продолжал отдавать распоряжения, хотя внутри у него притаился тяжелый, холодный ком, вызывающий спазм в желудке при каждом воспоминании о постигшей Кейси страшной участи. Он постарался взять себя в руки и с удвоенной энергией стал наводить порядок в, казалось бы, совершенно безнадежной ситуации.

Нора Холл стояла у окна в темной комнате отдыха, освещенной лишь багровыми

отблесками догорающих развалин радиорубки. Остальные три девушки тоже находились рядом под охраной нескольких вооруженных мужчин. Среди них был и главный электрик, который суетился больше всех и поминутно подбегал удостовериться, на месте ли его ненаглядная Элиза. Нора еще ничего не знала об исчезновении Кейси и поэтому не особенно тревожилась, но внимательно наблюдала сквозь стекло за энергичной деятельностью Дрейка. Ее возлюбленный успевал везде, обязав одних копать ямы по периметру, а других выкатывать из ворот складского ангара тяжелые бочки с горючим. Замысел его был достаточно разумным: создать подобие огненного кольца, в пределах которого островитяне смогут в сравнительной безопасности находиться до утра.

Подружка главного электрика Элиза тихонько всхлипнула, а сидящая рядом с ней девица вдруг начала истерически хихикать. Это было так неуместно, что вызывало у присутствующих ощущение ирреальности происходящего, хотя все понимали, что у девушки самый обыкновенный нервный срыв.

Нора по-прежнему не спускала глаз с Дрейка, следя за каждым его движением, и не обращала внимания на то, что творится у нее за спиной. Она испытывала необыкновенное чувство гордости за его организаторские способности и в то же время нечто похожее на разочарование. Умом она понимала, что он обязан прежде всего заботиться о благополучии всего коллектива и не может сейчас уделять ей внимание, но глупое сердце отчего-то не желало прислушиваться к доводам рассудка.

Оставшиеся до восхода часы будто растянулись на годы. Когда на востоке все же забрезжило, этот первый проблеск был едва отличим от затянувшей горизонт серой хмари. Но рассвет неумолимо приближался, и вот уже серость начала постепенно отступать, смещаясь все выше к зениту, пока наконец большая часть небосвода не очистилась от пелены предрассветных сумерек. Стал виден сплошной покров из низко зависших, клубящихся облаков грязновато-бурого оттенка. Западное побережье острова, как всегда, сотрясало от обрушивающихся на скалы валов. В их триумфальном реве слышались злобное удовлетворение и насмешка над населяющими этот клочок суши жалкими двуногими, оказавшимися на грани истребления. Казалось, весь окружающий мир ополчился на горстку обитателей Гоу-Айленда, наблюдая за их незавидной участью с циничной, недоброжелательной издевкой.

Да и чем, кроме злой насмешки судьбы, можно было объяснить постигшее островитян бедствие? Они лишились не только электричества, но и связи, оказавшись отрезанными от остального мира на неопределенный срок. Об этом напоминал пронизывающий ледяной ветер, швыряющий в лица пригоршни соленой водяной пыли, забирающийся под одежду и немилосердно треплющий выцветший от времени и непогоды красный колпак флюгера у взлетной полосы. Об этом напоминала сама природа: каждый куст, каждая травинка, каждый клочок бесплодной, каменистой земли словно создавали невидимую угрозу, многократно усиливаемую необузданной яростью прибоа.

Как только утро окончательно вступило в свои права и небо над островом немного прояснилось, люди начали потихоньку выбираться из забаррикадированных дверей жилых помещений. В покидаемых ими комнатах были темные от копоти потолки и стены и держался резкий запах сгоревших нефтепродуктов. Снаружи такая же противная вонь распространялась от дымящихся углублений в земле, спешно выкопанных ночью и расположенных через определенный интервал друг от друга. На месте бывшей радиорубки и пристройки к ней, в которой стояли оба дизельных генератора, осталась лишь подернутая золой и пеплом куча головешек. Из нее торчали обгоревшие и оплавленные останки аппаратуры и другого оборудования. Люди потерянно бродили по территории, словно надеясь найти неизвестно что. Но сначала они все-таки устроили перекличку и убедились, что за ночь никто больше не исчез.

От Кейси не осталось никаких следов, не считая фонарика и ружья, которые либо он сам обронил, либо их вырвал из его рук неведомый противник. Дрейк еще раз тщательно осмотрел место вокруг ангара, к которому, по словам напарника, пошел Кейси, но не обнаружил на земле никаких следов, по которым можно было хотя бы приблизительно объяснить причины разыгравшейся трагедии.

Холлистер вышел из столовой, на ходу вытирая рот ладонью. Оба его помощника появились спустя несколько секунд. Все трое направились в мастерскую, чтобы продолжить работу над начатым вчера приспособлением для подъема фюзеляжа четырехмоторного транспортника. Вышедший следом радист остановился на пороге и беспомощно огляделся по сторонам. Лишившись сгоревшей рубки, бедняга Спаркс потерял любимую работу и теперь ощущал себя одиноким, несчастным, осиротевшим и никому не нужным куда более остро, чем любой другой из островитян.

Том Белден незаметно возник рядом с Дрейком и вполголоса поинтересовался, не найдется ли для него какого-нибудь специального задания? Тот отрицательно покачал головой и вернулся к прерванному занятию. Грунт на месте исчезновения или гибели Кейси был твердым, каменистым, кое-где попадались отдельные участки, покрытые пожухлой травой, мхом или

коростой лишайника. Найти здесь след существа, напавшего на патрульного, нечего было и надеяться. И все же, тщательно обследовав пространство за дальним торцом ангара, Дрейк наткнулся на несколько небольших камешков, вывернутых кем-то из почвы. Впрочем, эта находка еще ни о чем не говорила — он сам мог случайно зацепить их минувшей ночью, когда так неосторожно бросился в темноту на подмогу бесследно испарившемуся Кейси, которого, по словам напарника, кто-то душил.

— Здесь ничего нет, мистер Дрейк, — констатировал Белден, все это время следовавший за ним и с интересом наблюдавший за криминалистическими наклонностями начальника базы.

— Нет, — согласился тот, потирая заломившую поясницу. — Скажи-ка мне одну вещь, Том, — неожиданно спросил он после короткой паузы. — Когда мы с тобой вчера ночью рыскали в роще, ты ничего необычного не заметил? Может быть, не сразу бросающееся в глаза, но что-то такое, чему там вовсе не место? Ты понимаешь, что я имею в виду?

Юноша отрицательно покачал головой.

— Я смотрел только на вас, сэр, — смущенно ответил он. — Я ведь как рассуждал: что искать, это вам виднее, а мое дело за вами приглядывать и вроде как тыл охранять. Нет, ничего такого я не заметил, сэр.

Дрейк сердито фыркнул, смерил парня уничтожающим взглядом, но тут же смягчился и сказал, как бы рассуждая вслух:

— А я вот заметил. Жаль только, не знаю, что именно... В голове у меня засело и не отпускает, словно я на самом деле увидел нечто очень важное. Но почему это важно и что это такое — хоть убей, никак не могу вспомнить!

— Почему бы нам не пойти туда вместе и еще разок все осмотреть, сэр? — высказал здравую мысль Томми. — Сейчас уже день, и нам нечего бояться.

Дрейк поудобнее перехватил ружье и решительно зашагал к группе причудливо скрюченных карликовых деревьев, ветви которых вчера ночью колыхались от перемещения чего-то или кого-то большого и сильного, но невидимого. Впрочем, сам он до сих пор отказывался верить в существование такого живого существа, способного с легкостью расправиться с человеком или собакой. В реальном мире все подчиняется определенным законам природы, и ничто не может происходить вопреки им. А если невозможное все-таки случается, это означает лишь, что данному явлению просто не удалось пока подобрать рационального объяснения, но нельзя утверждать, что такового вовсе не существует. Опять же, в реальном мире все взаимосвязано. Каждое событие имеет причину и следствие. Другое дело, как оно может быть истолковано. И здесь уже все зависит от позиции наблюдателя и достоверности зафиксированной им информации. Короче говоря, можно с уверенностью утверждать только одно: любой реальный факт имеет рациональное объяснение. Все случившееся на Гоу-Айленде за последние двое суток — реальные факты. Остается самая малость: найти и выделить в каждом из них рациональное зерно и связать воедино.

Вторичное посещение рощи вызвало в памяти Дрейка живые воспоминания о бурных событиях минувшей ночи. Вот глубокие борозды на земле и содранные пласты мха, оставленные когтями пойманного, но до конца сопротивлявшегося пса. Вот черные проплешины выжженной земли, где пылал разлившийся газолин. А вот следы человеческих ног, оставленные ими, когда они продирались сквозь заросли папоротниковых листьев.

Прошлой ночью Дрейка охватил панический страх. Сейчас, в дневное время, воспоминание о том первобытном ужасе у него вызывало лишь жгучий стыд за собственную трусость. Конечно, основания для страха были: монстр определенно здесь побывал. И еще Дрейк заметил кое-что, о чем не давал забыть упрямо засевший в мозгу туманный обрывок мимолетного наблюдения. Но значение этого он тогда не успел оценить.

Сейчас они снова прочесали чащу вдоль и поперек и снова ничего не обнаружили. Вдруг Дрейк резко остановился и сказал:

— А ну-ка простучи почву прикладом, Томми, дружище! Я вот что думаю: если это было нечто вроде пчелиного роя, оно могло укрыться в подземных пустотах. Ищи места, где грунт либо мягкий и рыхлый, либо после удара возникнет эхо.

У Белдена даже дыхание перехватило. Бросив на начальника восхищенный взгляд, он принялся усердно стучать по земле прикладом дробовика, притопывая для верности еще и сапогами.

Увы, изящная гипотеза Дрейка приказала долго жить, едва успев появиться на свет. Ни рыхлого грунта, ни подземных полостей, несмотря на все старания Тома, обнаружить не удалось. Пока Белден с детской непосредственностью искал подземные тайники, Дрейк просто бродил между деревьями, рассеянно скользя взглядом по траве и корням в надежде вспомнить, что же он вчера ночью заметил. Но желание не хотело претворяться в жизнь: эпизод выпал из его памяти.

Отказавшись от бесплодного прочесывания местности, Дрейк решил возвращаться. У административного корпуса его перехватил чем-то очень взволнованный и обеспокоенный доктор Бичем. Когда накануне Сполдинг увидел визжащего, катающегося по земле пса, ему почудилось, что на животное напало невидимое чудовище. Пса кто-то пристрелил, избавив от мучений. Труп собаки — это улика. Было решено его вскрыть, исследовать и попытаться понять, что же послужило причиной необъяснимого поведения пса. Поскольку на острове был всего один специалист, имеющий хотя бы отдаленное отношение к патологоанатомии, вскрытие и сопутствующие анализы были поручены биологу.

— Я так и не смог выяснить, какая муха укусила собаку, — виновато сообщил начальнику Бичем. — Вся морда изодрана в клочья, до мяса, но чья это работа — самого пса или кого-то еще — с имеющимися в моем распоряжении средствами я ответить не в состоянии.

— Если передать ваш отчет на «большую землю», — не подумав, заметил Дрейк, — их эксперты, полагаю, сумели бы разобраться. По крайней мере, вы могли бы с ними переговорить и получить инструкции. Но связи больше нет. Наша рация сгорела, а та, что в самолете, безнадежно разбита.

— Вы помните, как радар до последнего момента фиксировал метавшуюся над гнездовьем стаю птиц? — неожиданно спросил ученый. — И как все мы пришли к поспешному заключению, что монстр находится там? Похоже, мы ошибались, иначе я не понимаю, чем объяснить исчезновение Кейси. Но все равно было бы неплохо навестить птичий базар и там поискать следы.

— Сейчас светло, следовательно, безопасно, — кивнул Дрейк. — Вы это имели в виду, доктор?

— Совершенно верно, — подтвердил тот, помедлил немного и нехотя добавил: — Я тут нашел кое-что любопытное, но еще не закончил исследования. Вообще-то, боюсь даже говорить, что именно, а то вы еще подумаете, будто я не совсем...

Он сконфуженно замолчал.

— Мне никогда не придет в голову подозревать, что у вас расстройство рассудка, доктор Бичем, — с легкой иронией произнес Дрейк. — Вне зависимости от проводимых вами исследований. Если вы подумали о Сполдинге, то он пострадал лишь по той причине, что упорно не желает анализировать свои бредовые гипотезы, прежде чем использовать их практически. В отличие от вас, доктор, его вполне устраивает роль генератора идей. А детали он готов великодушно оставить потомкам. Исследуйте на здоровье все, что хотите, только занимайтесь этим в дневное время. С наступлением темноты нам придется ограничить свободу

передвижения. Ведь по острову бродит злобная, прожорливая тварь то ли из Антарктиды, то ли из другого измерения, то ли вообще из преисподней. И очень вас прошу вести себя поосторожней!

— Это я обещаю, — кивнул биолог.

Расставшись с немного успокоенным ученым, Дрейк начал подумывать об экспедиции на птичий базар, но в этот момент к нему подбежала запыхавшаяся Нора.

— Бичем только что подкинул мне ценную мыслишку прогуляться к гнездовьям и взглянуть, что там натворил наш приятель, — небрежно сообщил Дрейк. — А у тебя что стряслось? И не отпирайся — я по глазам вижу!

— Это Сполдинг! — призналась девушка и негодуя затараторила: — Сначала он заявил, что ты меня к нему ревнуешь, а потом стал жаловаться на то, что он тебя неоднократно предупреждал об опасности, но ты не слушал, и в результате погибли Кейси и две собаки! А еще ему меня жаль из-за того, что я вынуждена подчиняться такому мужлану и выполнять всякую нудную и тяжелую работу, которой тебе лень заниматься самому. Хоть ты и похвалил его за бутылки с зажигательной смесью, он все равно считает, что ты ему страшно завидуешь. Потому что это он про них первым вспомнил, а не ты! И он говорит, что твоя ревность до добра не доведет, так как затуманит тебе рассудок, заставит совершать ошибки и может дорого обойтись всем нам! И после всего этого он надеется, что я буду восхищена его откровенностью и принципиальностью!

— Ну и как? — заинтересованно поднял бровь ее поклонник. — Ты была восхищена?

— Я была возмущена! — обиженно воскликнула Нора. — Нет, я вела себя вежливо и тактично, потому что знаю, как тебе не хочется скандала. Только знаешь, любимый...

Дрейк весело рассмеялся:

— Нора, девочка моя, спасибо тебе! Спасибо за все, а главное за то, что ты есть! Хотя, честно признаться, я отдал бы все на свете, лишь бы ты сейчас оказалась в каком-нибудь другом месте, скажем, за десять тысяч миль от этого проклятого острова.

— А я не желаю ни в какое другое место, где не будет тебя! — сверкнув глазами, запальчиво возразила девушка. — И вообще, когда я слышу, как тебя кто-то критикует, я готова его убить или на кусочки разорвать!

Дрейк скорчил жуткую гримасу.

— Ну все! — сделав вид, что разозлился, грозно сказал он. — Спеллингу придется ответить за то, что он посмел огорчить такую красивую девушку! Я еще не решил, как с ним поступить, но ему это в любом случае не понравится.

Проводив Нору в кабинет, начальник базы собрал в комнате отдыха всех, кого наметил отправить в район гнездовий.

— Я намерен поручить руководство отрядом Сполдингу, — объявил он. — Как вы знаете, у него имеются свои соображения о природе нависшей над нами угрозы. Не исключено, что ему удастся собрать доказательства правомерности выдвинутой им теории. Если он сумеет добыть информацию, позволяющую предугадать действия нашего монстра-вампира-фантома, мы сможем заманить чудовище в ловушку и навсегда от него избавиться.

Сделав это вступление, он послал за Сполдингом и подробно проинструктировал его в присутствии четырех человек, включенных в состав поисковой партии. По инструкции руководителю группы предоставлялась абсолютная свобода действий с единственным условием: вернуться назад до наступления темноты. Основная цель отряда — выяснить причины и последствия ночного переполоха на птичьем базаре, Сполдинг при этом мог проводить любые самостоятельные расследования, которые он сочтет необходимыми. В качестве допустимой была предложена следующая версия: посетивший гнездовья монстр не нашел там пищи в

нужном количестве из-за того, что было темно, переполошившиеся птицы поднялись в воздух, и потому голодное чудовище вернулось в поселок, где расправилось с несчастным Кейси.

Сполдинг буквально раздулся от важности, хотя его бегающие глазки выдавали, что идея самой экспедиции не очень привлекала трусливого эгоиста. Но отказываться было поздно, к тому же и роль начальника с неограниченными полномочиями весьма прельщала самовлюбленного парня. Надув щеки и выпятив грудь, он окинул подчиненных суровым взглядом и скомандовал визгливым голосом:

— Всем слушать мой приказ!

Дрейку на мгновение даже стало жаль этого эгоистичного болвана. Но ситуация требовала от него пресечь сплетни и критические высказывания в его адрес, только сделать это надо было так, чтобы одновременно и Спеллинга поставить на место, и направить его энергию в нужное русло.

— Только не надо ничего приказывать, мистер Сполдинг, — мягко заметил Дрейк. — Всем известно, что у вас светлая голова и масса ценных идей. Вы спокойно сможете поделиться вашими соображениями с остальными по дороге. Времени у вас для этого будет предостаточно, только постарайтесь вернуться домой до захода солнца.

Он проводил взглядом пять удаляющихся к южной оконечности острова фигур. Открывающаяся взору панорама в который уже раз поразила Дрейка своей унылостью и отчужденностью, ее словно перенесли сюда с какой-то другой планеты. Это была пустыня, усеянная валунами и обломками скал, необитаемая и негостеприимная. Здесь ничего не росло, ничто не радовало глаз. Только серая, бесплодная, каменистая земля и такое же мрачное, затянутое свинцовыми тучами небо. Лишь с трудом различимые вдали стайки пернатых, суматошно вьющиеся над своими гнездами, чуть оживляли этот нереальный, безжизненный вид.

Дрейк отвернулся и пошел назад. Спеллинг относился к тому типу людей, которые получают моральное удовлетворение, всячески умаляя заслуги тех, кто добился успеха, и выставляя напоказ и преувеличивая собственные достижения, даже если те не стоят и выеденного яйца. Возложив на него задание, не сулящее лавров победителя, Дрейк одним выстрелом разделался с двумя зайцами: во-первых, поддержал самолюбивого Сполдинга, а во-вторых, отправил его, чтобы он не мешался под ногами и перестал вставлять палки в колеса.

До сумерек предстояло сделать еще очень многое. Вначале надо подумать об освещении. Импровизированные светильники, использовавшиеся минувшей ночью, — это обычные плоские или пустые консервные банки с соляжкой, в которой вместо фитиля плавал свернутый жгутом клочок материи. Эти светильники безбожно коптели и воняли, и конструкция их, безусловно, нуждалась в доработке. Еще нужно было вырыть вдоль периметра с полдюжины больших ям и несколько десятков поменьше, чтобы перекрыть все подходы к поселку и добавить освещения. В районах нефтепромыслов в качестве маркеров часто используют наполненные сырой нефтью фитильные лампы. Они тоже достаточно коптят и дымят, но назначению соответствуют и обходятся дешевле, чем электрические. Таких ламп требовалось много, в первую очередь для обозначения взлетной полосы. Отсутствие связи с Гоу-Айлендом могло побудить начальство на материке отправить еще один самолет — хотя бы для рекогносцировки с воздуха. Если к тому времени поврежденный транспортник удастся убрать, присланная из бухты Гиссела машина сможет совершить посадку в любое время, даже ночью. Это помогло бы решить множество насущных проблем: восстановить связь, доставить новые генераторы и эвакуировать с острова, по крайней мере, женщин. Дрейк не мог не думать об отправке девушек. Он по-прежнему был убежден, что Норе здесь не место.

Ему вдруг вспомнилась их последняя встреча. Что он ей тогда сказал? «Спасибо, что ты есть», кажется. Что ж, он действительно был благодарен судьбе за ее существование и до сих

пор не переставал удивляться тому, что в мире может быть такое чудо, как Нора. Даже если бы она выбрала другого, а не его, Дрейка, — об этом ему не хотелось думать, — все равно он радовался бы уже одному тому, что она жива и счастлива. Для него она всегда была и будет неотъемлемой частью всего самого лучшего и доброго во Вселенной, которая, правда, в настоящий момент доставляла им много огорчений.

В ремонтной мастерской, расположенной в крайнем ангаре, что-то непрерывно гремело, жужжало, гудело и лязгало. Дрейк решил заглянуть туда. Холлистер в закрывающей лицо сварочной маске был занят филигранной и кропотливой работой: прорезал пазы в массивной стальной балке автогеном. Заметив вошедшего, он выключил аппарат и поднял щиток маски.

— Часть подъемного механизма, — пояснил механик, критически оглядывая балку. — Мы задумали собрать что-то наподобие той штуки, с помощью которой наши предки корчевали пни задолго до появления легированной стали, точных инструментов и прочих достижений цивилизации. Используется тот же принцип домкрата, только наоборот. Мы будем поднимать машину не снизу, а сверху, используя систему талей и рычагов в двадцать футов длиной. Каждое движение рукояти даст четверть дюйма вертикали — во всяком случае, по расчетам выходит так. А вот эта хреновина — часть подъемной платформы. Раму мы сварим из полудюймового стального проката и для верности укрепим диагональными балками. Когда все будет готово, я ее закреплю на забитых на метр в землю стальных сваях. Такая конструкция должна выдержать практически любую нагрузку, хотя транспортный самолет тоже не пушинка.

Дрейк с любопытством посмотрел на уже готовые к сборке детали.

— Сначала я думаю приподнять хвост и неподвижно зафиксировать его, — продолжал Холлистер. — Потом займусь правой плоскостью. Ее мы поднимем где-то на фут, не выше, чтобы не повредить другую. Также зафиксируем и перейдем к левой. Затем снова возьмемся за правую. Если повезет и конструкция выдержит, к концу дня я надеюсь поднять чертову машину достаточно высоко, чтобы освободить колеса шасси.

Начальник базы одобрительно кивнул. Холлистер зажег сигарету и с наслаждением затянулся.

— Слыхали последнюю заморочку Сполдинга?

Дрейк ничего не ответил, он решил выслушать механика.

— Этот малый когда-нибудь точно нарвется, — осуждающе покачав головой, проворчал тот. — Твердит всем, у кого хватает терпения его выслушать, что, судя по поведению нашего ночного гостя, у него есть мозги. Человеческие мозги. Нет, не совсем такие, но не хуже. Или даже лучше. Утверждает, будто монстр заранее все придумал и специально напал на Кейси, чтобы лишить нас генераторов, оставить в темноте и потом переловить всех поодиночке.

Дрейк выругался. Холлистер бросил на него взгляд исподлобья.

— Вы с ним не согласны?

— Нет, конечно, это же полный бред! — возмутился начальник базы. — Я сомневаюсь, что и сам Спеллинг всерьез верит в эту чушь. Но люди часто прислушиваются к подобным байкам, не давая себе труда задуматься над простейшими вещами. Видите ли, в чем дело, мистер Холлистер. Человеку нужны мозги, потому что он лишен клыков и когтей. Но зачем мозги существу, которое шутя расправилось с девятью здоровыми мужчинами, да еще под градом пуль сорок пятого калибра? Чтобы добывать пищу и обороняться от врагов? Но для первого обычно хватает инстинкта, а интеллект при защите нападения действителен лишь в том случае, если врагом является человек. Но у человека в природе не осталось соперников, если не считать его собственных собратьев.

Холлистер погасил сигарету.

— Я понял, куда вы гнете. Хотите сказать, что такой твари в природе не существует?

— Я хочу сказать, что ее не может, не должно существовать! — возразил Дрейк. — Потому что в противном случае это существо являлось бы естественным врагом человека, как, например, кошка является естественным врагом мышки. Но можно ли представить себе мышинное племя, расселившееся по всей земле, но не имеющее понятия о существовании кошек?

— Все верно, сэр, — согласился механик, — только Сполдинг говорит, что эта гадина попала к нам из Антарктиды.

— Где за пять миллионов лет выработала квазичеловеческое мышление в ожидании того благословенного момента, когда к ней в логово сама забредет разумная двуногая закуска, так, что ли? — с иронией спросил Дрейк.

— Примерно так он и рассуждал. Я только не понимаю, почему бы вам не заткнуть ему глотку?

— Потому что он напуган гораздо сильнее остальных. А его безумные идеи — всего лишь защитная реакция организма. И не все из них бредовые. Хоть он и спалил радиостанцию с генераторной, его зажигательные бутылки нам здорово помогли. Может, еще что-нибудь полезное выдумает. Но главное даже не в этом, а в том, что, глядя на него и видя, как он с ума сходит от страха, другие начинают бояться меньше — хотя бы из чувства стыда за людей, подобных Спеллингу.

Холлистер растерянно заморгал, обдумывая сказанное.

— М-да, пожалуй. Я-то уж точно не желаю иметь ничего общего с этим придурком. Ха! Лихо вы завернули, сэр. А мне казалось, что это я просто сам по себе такой храбрый! Ладно, вернемся к делу. Хвост, я думаю, мы успеем поднять до темноты, а вот выпустить колеса и выкатить старушку с полосы раньше завтрашнего вечера вряд ли получится.

Дрейк вышел из ангара. Он был доволен и не стал даже торопить механика. В этом, на его взгляд, не было необходимости. Если раньше он волновался, считая, что утратил авторитет среди подчиненных, то визит в мастерскую существенно рассеял его сомнения. Люди никогда не станут бунтовать, если их руководитель чем-то озадачен. Они начинают подумывать о мятеже только в том случае, если он круглый дурак.

Грузчики одну за другой выкатывали из ворот складского ангара пустые бочки из-под горючего, а инженер быстренько переоборудовал емкости в стационарные осветительные установки, способные при необходимости давать столб пламени высотой от десяти до двадцати футов. Возникшая проблема дозаправки топливом была решена в рабочем порядке с помощью нехитрого приспособления. Еще проще оказалось наладить поточное производство бутылок с горючей смесью и светильников-маркеров для обозначения в сумерках посадочной дорожки. Первые дюжины готовой продукции уже сошли с конвейера и были готовы к применению. Со склада принесли все паяльные лампы. Один из рабочих занимался тем, что заправлял и проверял их в работе. По замыслу инженера, они могли использоваться как оружие ближнего боя, если дойдет до рукопашной. В качестве дополнительного источника освещения Дрейк приказал собрать четыре гигантские кучи хвороста и облить их бензином. В случае нужды, каждую из них можно было поджечь одной спичкой или выстрелом из ракетницы. Вспыхнув одновременно, эти костры достаточное время будут давать не меньше света, чем десяток мощных прожекторов.

Хотя Дрейк сделал все возможное, чтобы занять делом всех и каждого, нервозность и постоянное напряжение островитян сохранялись. Одна из девушек — заурядная толстушка по имени Гортензия — зашла в свою спальню и открыла платяной шкаф. Порывом сквозняка всколыхнуло висевший там халат. Гортензия безумно испугалась и истерически завопила. Прибежавшая на крик Элиза тоже перепугалась и присоединилась к подруге. Бросившийся на выручку с ружьем наперевес главный электрик, готовый погибнуть, защищая любимую, был,

должно быть, разочарован представшей его взору картиной. Дурацкий эпизод немного развеселил трудившихся островитян, но ненадолго. Улыбки вскоре исчезли, и лица снова стали хмурыми. Люди вкалывали, словно муравьи, плохо понимая, ради чего и против кого предпринимаются столь основательные меры предосторожности. Они бы давно уже начали роптать, но у каждого в голове засело напоминание о таинственном ночном исчезновении. Кейси дежурил не один, а с напарником, был вооружен и находился в ярко освещенном квадрате. Но стоило ему на несколько секунд пересечь границу света и тьмы, как на него кто-то набросился и стал душиить, если верить рассказу до сих пор не опомнившегося от шока напарника. Воспоминание об этом никому не доставляло удовольствия, тем более в такой унылый и безрадостный денек, когда сквозь сплошь затянувшие небо серые облака даже днем проникало не больше света, чем в сумерки.

Ближе к полудню вернулась посланная на птичий базар поисковая группа. Их заметили еще издали. Сполдинг шел один, в стороне от остальных. Отправляясь к гнездовьям, он был полон великих планов и готов к потрясающим открытиям. Судя по его недовольной физиономии, ему не удалось убедить других участников партии в научной ценности сделанных ими находок. Поэтому сам он докладывать Дрейку не стал, а отправил Тома Белдена.

— Кто-то там побывал, сэр, — начал свой рассказ молодой человек. — На каждом шагу разоренные гнезда и раздавленные яйца. Вся земля усеяна свежим пухом и перьями. Полно мертвых птиц, разбившихся о скалы в темноте при попытке сесть на гнезда. Много хромых, с подбитыми крыльями. На большом участке, где еще вчера все было сплошь покрыто гнездами, теперь только каша из яичной скорлупы, желтков, птичьих перьев и трухи раздавленных гнезд.

— А следы видели?

Том покачал головой.

— Ни единого, сэр. — Он вдруг вытянул шею и уставился куда-то через плечо Дрейка. — Прошу прощения, сэр, чем это там доктор Бичем занимается?

— Он снова прищурил глаза. — Помните, мы с вами утром искали рыхлый грунт и пустоты под землей? По-моему, он тоже ищет нечто подобное. Неужели он думает, что кто-то подкапывается под наши дома?

Дрейк обернулся. Биолог с энтузиазмом орудовал заступом, раскапывая землю между сгоревшей радиорубкой и ремонтным ангаром, близ которого исчез Кейси. Раскопки велись очень близко к тому месту, где вчера корчился в агонии несчастный пес. Хотя об этом пока никто, кроме самого ученого, еще не знал, именно здесь Бичем увидел вчера очень странное насекомоподобное существо с пучком гибких отростков на хвосте, которое пыталось втиснуться в маленькую норку. Каждый раз, выбрасывая лопатой землю из ямки, он наклонялся и внимательно рассматривал ее.

— Понятия не имею, что взбрело ему в голову, — пожал плечами Дрейк. — Но вернемся к нашим баранам, то бишь птичкам. Какой процент площади гнездовой пострадал прошлой ночью?

— Не меньше четверти, — ответил Том, прикинув в уме. — И никаких следов! С другой стороны, почти все гнезда построены прямо на голой скале, где, кроме сухого дерьма и перьев, ничего нет, и следы-то не на чем оставить. Во всяком случае, мы не нашли ни одного отчетливо выраженного отпечатка, это точно.

В полусотне ярдов от них Бичем высыпал очередную лопату, нагнулся и тут же схватил лежащий рядом маленький сачок для ловли бабочек. Аккуратно, затаив дыхание, выверенными, точными движениями, он подводил его все ближе и ближе к куче вынутого из ямы грунта. Вот он резко взмахнул и опустил сачок на осыпающийся конус. Очевидно, в ловушку кто-то попался, потому что ученый немедленно извлек откуда-то стеклянную банку и очень осторожно

пересадила в нее добытый экземпляр. Быстро закрыв банку притертой стеклянной крышкой, биолог огляделся, заметил Дрейка и поманил к себе.

— Я кое-что нашел, — объявил он дрожащим от волнения голосом. — И мне кажется, именно в этом таится причина смерти собаки, которую мне пришлось вскрывать. Смотрите!

Он поднял банку на свет. Внутри насыпалось немало земли и песка вперемешку с какими-то мокрыми корешками. Все это шевелилось и вздрагивало, словно кто-то пытался выбраться. Дрейк пригляделся, но ничего рассмотреть не смог.

— Вы это искали? — с интересом спросил он. — И что же это такое?

— Не знаю, — неохотно сказал ученый. — Пройшей ночью, когда загорелась радиорубка, я стоял здесь и услышал какой-то шорох. Нагнулся посмотреть и увидел это или очень похожее существо, уползающее в дырку в земле. Подозреваю, это оно ужалило или укусило пса, которого Сполдинг пытался спасти, разбрасывая свои дурацкие зажигалки.

Дрейк снова обратил внимание на шевеление в банке. Какая-то мелкая живность там определенно сидела, но ничего более конкретного он пока сказать не мог.

— Вы считаете, эта штука может оказаться ядовитой? — Он бросил на ученого недоверчивый взгляд. — Насколько мне известно, перед постройкой станции на Гоу-Айленде побывала группа экспертов, которые пришли к выводу, что на острове нет ни змей, ни ядовитых насекомых, за исключением обычных лесных паучков.

— Я знаю, знаю, — поспешно согласился Бичем, — просто не думаю, что мы имеем дело с одним из местных видов. Полагаю, этот экземпляр мог попасть сюда вместе с... с той тварью в самолете. Притаился в одном из тюков с биологическими образцами, а при разгрузке выбрался или выпал через люк. Но я не это имел в виду. Понимаете, это существо... Оно невероятно, невозможно!

— У меня такое ощущение, что невозможное в последнее время происходит у нас на острове слишком часто, — саркастически заметил Дрейк. — Вопрос только в том... Нет, не сходится. Такая мелочь никак не могла стать причиной исчезновения пассажиров транспортника и первой собаки. Готов допустить, что ваша находка действительно цапнула второго пса, но никогда не поверю, что она уволокла куда-то тело Брауна и задушила Кейси!

— Вы правы, разумеется, — нехотя согласился ученый, которого логические выводы оппонента, казалось, не очень устраивали. — Но можно предположить...

— Не стоит, — решительно возразил Дрейк. — Кто-то побывал ночью на птичьем базаре. Он разорил и растоптал четверть всех гнезд. Я не знаю, кто это был, но на мелюзгу, которая сидит у вас в банке, грешить не собираюсь. Уверен, что к нашей проблеме она отношения не имеет.

— Может быть, — с сомнением сказал биолог. — А вы уверены, что эта мелюзга, как вы изволили выразиться, не представляет собой еще одну проблему? Я ведь сам о ней ничего не могу сказать, пока не проведу всестороннего обследования.

— Вам что, проблем мало, доктор? — Дрейк попытался улыбнуться, но получилась у него кислая ухмылка. Усталый мозг был переутомлен из-за непрерывного анализа уже известных фактов, которые упрямо отказывались образовать логическую цепочку. Он раздраженно взмахнул рукой. — А-а, делайте, что хотите, Бичем!

— Д-да, конечно, — растерянно пробормотал ученый и удалился в лабораторию, крепко прижимая к телу банку с драгоценным экземпляром слабо копошащегося в ней «невозможного» существа.

Возле мастерских наметилось какое-то движение. Холлистер с подручными выкатили из ворот ангара ручную тележку с громоздящимся на платформе агрегатом и покатали ее к хвосту застывшего посреди посадочной полосы самолета.

Дрейк решил посмотреть. Были и другие текущие дела, требовавшие присмотра, но то, чем сейчас занимались механики, имело первостепенную важность. Начальнику базы с его аналитическим складом ума вообще было свойственно вычленять и отделять главное от второстепенного во всех его начинаниях. К сожалению, он отчетливо видел, что совместные усилия персонала, включая работы по освобождению взлетной полосы, изготовление светильников, бутылок с горючей смесью, маркеров и прочего, были, безусловно, полезны и необходимы, но ни на шаг не приближали к решению основной задачи: полному и окончательному избавлению от нависшей над островом угрозы всех, и в первую очередь Норы.

Дрейк остановился около самолета, там Холлистер и двое его помощников, кряхтя и ругаясь, сгружали с тележки тяжеленную махину подъемного приспособления.

— Вот уж не ожидал увидеть вас здесь, мисс Холл, — с наигранным безразличием заметил Дрейк.

Нора с тревогой взглянула на него.

— Больше ничего не случилось, шеф? — спросила она, беспокоясь.

— Пока нет, насколько мне известно, — нарочито бодро ответил он. — Бичем откопал при мне то ли жука, то ли червяка неизвестного вида. Возможно, ядовитого. Что-то он мне сегодня не нравится. Весь дерганый какой-то. Впрочем, я его могу понять. У него, наверное, как у меня, тоже вторые сутки мозги набекрень.

— Господи, если бы я могла хоть что-нибудь сделать! — в сердцах воскликнула Нора.

— Я бы тоже не против, — согласился Дрейк.

— Да я не об этом! Я о тебе говорю. Посмотри, на тебе же лица нет!

Он задумчиво кивнул и внимательно посмотрел на девушку.

— Сожалею, мисс, но не могу вернуть комплимент. С вашим личиком все в порядке. Вы, на мой взгляд, все так же прекрасны, очаровательны и желанны. Но в данный момент я предпочел бы воздержаться от комментариев на эту тему. Как бы мне ни хотелось... — Дрейк замолчал и без перехода заговорил о другом: — Похоже, я настолько заикнулся, возомнив себя всеобщим спасителем, что чуть не проглядел возможные и очень неприятные осложнения. Ступай-ка ты, девочка, к Бичему и расспроси его как следует, что представляет собой этот жучок-паучок, которого он сегодня нашел. Если он опасен, надо будет предупредить всех, чтобы получше смотрели под ноги. Но не стоит паниковать раньше времени, пугая людей воображаемыми ужасами. У них и с реальными монстрами забот выше крыши.

Что-то громко лязгнуло. Это Холлистер начал сборку своего металлического уroda. Сваренная из полудюймового стального проката платформа покоилась на земле, а один из подручных главного механика озабоченно вертелся вокруг хвостовой части машины, выискивая подходящее место, где можно будет установить крепления. Сам Холлистер и второй помощник устанавливали на платформе громоздкие детали механизма.

Работенка им предстояла еще та! Сначала следовало подвести под хвост стальной брус и обычным домкратом приподнять его так, чтобы можно было пустить в дело основной агрегат с его длинным рычагом. Как уже упоминал Холлистер, одно движение рукояти позволяло поднять хвост всего на четверть дюйма, причем каждый раз достигнутую высоту необходимо было фиксировать с помощью системы блоков. Сама машина имела длину около сотни футов и весила соответственно, так что скорых и эффективных результатов ожидать не приходилось.

Предварительная подготовка завершилась только к трем часам дня. Дальше дело пошло быстрее, и уже через час была покорена немислимая высота в два фута. Так продолжалось до самых сумерек. Время от времени уставшие механики просили сменить их у рычага, так что к концу дня в операции по подъему успело принять участие все мужское население острова.

Дрейк собирался уже дать команду зажечь бочки с горючим и расставленные вдоль

посадочной дорожки лампы, потому что стало угрожающе быстро темнеть. Но в этот момент что-то заскрипело, залязгало — и освобожденное хвостовое колесо с глухим стуком ударилось о землю, слегка подпрыгнуло и застыло в зафиксированном положении.

Продолжать работу в темноте было нецелесообразно. К тому же подоспело время ужина. Островитяне съели его при желтом, пляшущем свете горящих нефтепродуктов. После ужина практически весь персонал базы собрался в комнате отдыха. Царившую там атмосферу никто не рискнул бы назвать неомраченной. Освещения тусклым, коптящим пламенем для чтения явно не хватало, и даже карточные игры не пользовались успехом в полумраке. От чада и вони нечем было дышать, что тоже отнюдь не способствовало поднятию настроения. И нечем было развеять всеобщее уныние и отчаяние, вызванные присутствием на острове неведомого врага, с которым никто не знал как бороться.

Дрейк совсем уже было отчаялся растормошить угрюмо оцепеневших людей, которые сегодня были лишены даже удовольствия поставить одну из заигранных пластинок или включить радио. В этот момент в помещение вошел Бичем и направился прямо к нему.

— Я провел предварительное исследование обнаруженного утром биологического экземпляра неизвестного вида, сэр, — сообщил он ровным, деловым тоном. — Признаться, мне еще ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с чем-то подобным!

— И что же это оказалась за тварь? — спросил начальник базы без особого интереса.

— Чтобы ответить на данный вопрос, мне пришлось бы сначала подвергнуть образец препарированию, — важно ответил биолог. — Очень жаль, что в моем распоряжении оказался только один экземпляр. В связи с этим хотелось бы узнать у присутствующих, не попадались ли кому-нибудь аналогичные особи?

Дрейк пожал плечами. Сейчас он готов был приветствовать любое предложение, лишь бы немного рассеять тягостную, похоронную атмосферу. Приняв его жест за знак согласия, ученый вышел и через пару минут вернулся, неся в руках стеклянную банку много больше размером, чем та, в которую он поймал неизвестное существо. Сейчас в банке не было больше земли, песка и прочего мусора. Только какая-то тварь.

— Хочу спросить вас, леди и джентльмены, — обратился он к присутствующим, подняв банку на уровень лица, — не встречал ли кто-нибудь из вас на острове что-либо похожее? Это очень необычное существо, как мне кажется, большую часть времени оно проводит под землей. Честно говоря, я даже затрудняюсь его квалифицировать.

Он водрузил банку на стол в центре зала и поставил рядом коптящий светильник с самодельным фитилем. Нора первой подошла посмотреть, бросила на существо всего один взгляд и резко отпрянула с нескрываемым отвращением. А вот Том Белден у стола задержался надолго. Вскоре к нему присоединился инженер, за ним главный электрик и Элиза, которая весь вечер просидела молча, крепко вцепившись в рукав своего защитника. Гортензия, как только глянула, сразу взвизгнула и попятилась назад. Кто-то из грузчиков отпустил на ее счет незамысловатую шутку, за что чуть не заработал оплеуху от обидчивой девицы. За ними потянулись остальные. Даже кок явился из камбуза взглянуть на диковинку и привел двух своих помощников.

На самом деле смотреть было особенно не на что. Длина образца составляла около четырех дюймов, включая плотно сложенный хвост зеленого цвета, состоящий из крошечных продолговатых отростков, покрытых миниатюрными шипами. С первого взгляда существо вызывало определенно растительные ассоциации, но при более пристальном изучении стало понятно, что это просто ярко выраженный пример мимикрии — вроде притворяющихся сухими сучками гусениц или бабочек, неотличимых от древесного листа. Поразительное сходство с растением усиливали также корневидные лапки на туловище и спутанная масса зеленых

волокон на голове, похожих одновременно на мех и на придаточные корни, которые образуются у проросшей луковицы. Глаз не наблюдалось. За все время осмотра существо ни разу не пошевелилось, однако и в неподвижном состоянии оно внушало отвращение.

— Что-то я не пойму, из-за чего сыр-бор? — недовольно пробурчал кок.

— А по-моему, это просто корешок какой-то, — поддержал его один из складских рабочих.

— Точно, корешок! — крикнул кто-то. — Эй, док, зачем вы нам сюда корешок приперли?

Бичем выпрямился и повернулся к говорящему.

— Этот «корешок», как вы изволили выразиться, любезнейший, — заявил он с апломбом профессора, севшего на любимого конька, — умеет передвигаться! Обратите, пожалуйста, внимание на хвост. Сейчас он находится в сложенном виде, но по строению удивительно схож с цветком некоторых хищных растений, типа росянки и некоторых других насекомоядных видов. Их отличительной особенностью является повышенная чувствительность к раздражению и способность к передвижению. Но если данный экземпляр находится в родстве с семейством мимозовых и такими насекомоядными, как Венера-мухоловка и прочие, мы имеем перед собой пример наивысшего развития вышеупомянутой способности. Известные нам виды могут перемещаться на незначительное расстояние в течение достаточно продолжительного времени. А этот умеет ползать, причем весьма резво, уверяю вас! Если же он принадлежит не к растительному, а к животному миру, тогда перед нами самый фантастический и невероятный случай мимикрии за всю историю биологии. Наука пока не знает ни одного вида псевдофлоры с листочками на месте хвоста.

— Доктор, вы же ученый! — удивился главный электрик. — Неужели даже вам не по зубам отличить растение от животного?

— У меня имеется только одна-единственная особь, — пояснил Бичем. — Вот эта. Я не могу позволить себе подвергнуть ее вскрытию. Поэтому ко всем вам огромная просьба: если кто-нибудь увидит второй экземпляр, немедленно известите меня. Только не пытайтесь ловить сами! Не исключено, что существо ядовито. Вы меня поняли, друзья? Не трогать, а немедленно сообщить мне.

Холлистер вдруг встrepенулcя и пробасил:

— Послушайте, доктор, если это животное, оно ведь должно чем-то питаться, так?

— По всей видимости, — согласился биолог. — Правда, этого я еще не успел выяснить.

— Так в чем же дело? Попробуйте его накормить.

— Даже если получится, это все равно не показатель, — с сомнением в голосе заметил Бичем. — Многие растения питаются животной пищей. Та же Венера-мухоловка, к примеру. Муха садится внутрь цветка, задевает нервные окончания, и лепестки тут же захлопываются. Когда добыча переварена, они открываются снова. Но идея неплохая. Можно попытаться, вреда от этого не будет.

— Пойдемте, я вам отрежу кусочек мяса, — предложил кок.

В окно было видно, как биолог с поваром пересекли залитое желтоватым светом от горящих бочек пространство и скрылись в соседнем бараке. Там размещалась столовая и кухня с холодильной камерой. Вспомнив о холодильной камере, Дрейк недовольно поморщился. Из-за отсутствия электричества весь запас свежемороженых продуктов оказался под угрозой. Еще несколько дней — и их придется выбрасывать на свалку. Голод островитянам, конечно, не грозит, но некоторое время придется питаться консервами.

Обступившие стол люди, удовлетворив свое любопытство, вернулись на свои места. Нора, улучив момент, приблизилась к Дрейку и негромко спросила:

— Вы собираетесь обойти территорию перед сном, шеф?

Тот энергично кивнул. Холодильные установки мигом вылетели у него из головы, тем

более что этой проблемой можно будет заняться и завтра. Но тут вернулись Бичем и кок, захватив с собой тонкую полоску сырого мяса.

— Приступаем к кормлению животных? — шутливо осведомился кто-то.

— Приступаем, — согласился ученый. — Если только это животное, а не что-нибудь еще.

Он стал осторожно отвинчивать крышку банки. Островитяне, с внезапно вспыхнувшим интересом, опять подошли и стояли вокруг стола в три ряда. Совсем открывать горлышко Бичем не решился и приподнял крышку ровно настолько, чтобы пропихнуть мясо в образовавшуюся щель.

Узенький обрезок сырой говядины не успел даже упасть на дно стеклянной банки. Неподвижный прежде «корешок» проявил вдруг поразительную прыть. Он метнулся в молниеносном прыжке, словно бросающаяся на жертву кобра, и ухватил мясо раньше, чем разжались пальцы биолога.

Свалившись вместе с добычей на дно, существо широко растопырило шипы на хвосте и начало усиленно проталкивать ими полоску мяса внутрь туловища, обволакивая ее всем корпусом, как это делают некоторые виды кишечнополостных. Процесс поглощения выглядел особенно омерзительно и отталкивающе, потому что проходил в мертвой тишине и завершился в считанные мгновения. Едва ли кто мог представить такую невероятную свирепость и прожорливость в столь крошечном и безобидном на вид тельце.

Элиза, девушка главного электрика, не вынесла этого отвратительного зрелища и упала в обморок.

Как ни странно, но следующим утром Дрейк пробудился ото сна, чувствуя себя удивительно бодрым и свежим. И в голове тоже порядком прояснилось. Вообще известно, что функционирование человеческого мозга зачастую находится в прямой зависимости от физического состояния организма. Известно, например, такое специфическое явление, как «второе дыхание». Человек в хорошей физической форме, подвергая себя большим нагрузкам (в спорте или иной сфере), достигает иногда предела выносливости, за которым любой другой на его месте просто потерял бы сознание. Так обладатель закаленного, хорошо тренированного тела может заставить себя усилием воли продолжать нагрузку «через не могу», и спустя какое-то время он снова начинает легко и свободно дышать, а налитые тяжестью мышцы становятся упругими. Наука пока затрудняется дать точное обоснование этого явления, но не отрицает многочисленных свидетельств и наблюдений, подтверждающих данный факт. То же самое может произойти и с умственной деятельностью.

Дрейк проснулся с рассветом, несколько не удивившись неожиданному приливу энергии. Голова работала четко и быстро, как компьютер. Уже сегодня к вечеру механики обещали поставить самолет на колеса и вытащить со взлетной полосы. Если завтра со станции бухты Гиссела пришлют еще одну машину — а там наверняка встревожены внезапным обрывом связи, — она сможет беспрепятственно совершить посадку на острове. Тогда Дрейк первым делом отправит на материк Нору и остальных девушек и сможет наконец свободно вздохнуть. Потом закажет новое радиооборудование и генераторы, которые придут через несколько дней. На самолете прилетят компетентные эксперты, свежий взгляд, несомненно, поможет прояснить ситуацию. Положение на Гоу-Айленде сложилось, конечно, весьма и весьма тяжелое, но, по оценке Дрейка, отнюдь не безнадежное.

Вездесущий грохот прибоя, терзающего прибрежные скалы на западном побережье, проникал сквозь наглухо закрытые окна спальни, но сегодня начальник базы его даже не замечал. Наскоро одевшись, он вышел наружу. Напоенный запахом моря свежий воздух, разительно отличающийся от застоявшегося в помещениях, наполнил легкие и еще больше поднял настроение. В течение ночи, разумеется, никто не рискнул бы отворять окна и двери, хотя все пространство вокруг жилых бараков было освещено в достаточной степени, чтобы отпугнуть незваных гостей. Поэтому было жарко, душно и удушающе воняло гарью и нефтью. Неудивительно, что первый же глоток свежего воздуха показался Дрейку слаще нектара.

Из камбуза, расположенного в дальнем крыле административного здания, уже доносились звуки оживленной деятельности. Кок и его подручные, обычно просыпающиеся на пару часов раньше остальных, занимались приготовлением завтрака. Один из двух оставшихся на острове псов при виде Дрейка поднялся с крыльца и лениво потянулся всем телом.

Предельная ясность в голове и оптимистический настрой на будущее свидетельствовали о том, что пришедшее к нему во сне «второе дыхание» пока не торопится покидать Дрейка. Выйдя из дома, он прихватил с собой дробовик, но с удивлением обнаружил, что ландшафт больше не кажется ему унылым и враждебным, а редкая субантарктическая растительность выглядит не жалкой карликовой порослью, а, наоборот, внушает уважение своей стойкостью. Даже облака над головой, по-прежнему закрывая почти весь небосвод, словно умылись и просветлели, очистившись от угнетающих темных оттенков.

Он почему-то вспомнил о пингвинах. В бухте Гиссела на злополучный транспортник погрузили пять экземпляров. На Гоу-Айленд прибыло четыре. От пятого осталась только сломанная клетка. Внезапно озаботившись судьбой птиц, Дрейк направился посмотреть на них,

хотя за последние двое суток мысль о пингвинах ни разу не пришла ему в голову. Хватало других проблем.

Клетки были пусты. Открытые дверцы доказывали, что их обитателей кто-то выпустил. Скорее всего, это сделал Бичем. Возможно даже, он сам разрешил биологу отпустить птиц на волю. Разговор с ним об этом велся, но подробностей Дрейк, как ни старался, припомнить не мог. Да и вообще этим утром, оценивая свои мысли и поступки за истекшие дни, он поразился их однобокости, сумбурности и непродуманности. С позиций своего сегодняшнего просветленного сознания он объяснял это тем, что катастрофа самолета и связанные с нею события заставили его работать в постоянном напряжении. И настолько затуманили мозг, что можно только удивляться, как он ухитрился не допустить грубых ошибок и не наворочать глупостей! Как и прочие обитатели Гоу-Айленда, он позволил себе заикнуться на черед невероятных происшествий, потрясших персонал базы. Хуже того, Дрейк с маниакальным упорством одержимого подчинил все свои помыслы и действия одной цели: защите людей и станции от нападения неизвестного монстра, которого никто не видел, и он запросто мог оказаться не более чем игрой воображения.

Рассуждая, Дрейк без труда вычислил свою главную ошибку. Он поверил сам и заставил поверить других, что чудовище представляет собой постоянную угрозу. Исходя из этого, он, по сути, ввел в поселке осадное положение. Но никакую осаду монстр на самом деле не вел! Он появился ночью и утащил собаку. Потом отправился на птичий базар разорять гнезда. Снова вернулся в поселок и прикончил Кейси, сдуру сунувшегося в темноту. Во всех этих действиях не прослеживалось ни взаимосвязи, ни ярко выраженных побуждений, не говоря уже о полном отсутствии логики, свойственной развитому интеллекту. Взять хотя бы первый день, когда никто еще понятия не имел, что по острову рыскает смертельно опасная тварь. Зачем ей понадобилось забираться на склад и шарить по заставленным несъедобными предметами полкам, когда можно было легко атаковать не ожидающих нападения островитян и учинить кровавый разгром? Стоп! Этот вариант не проходит. Монстра отпугивает свет. Днем он вообще не нападает, а сразу после происшествия на складе были задействованы все прожектора и лампы, и территория базы стала для него недоступной.

Но даже если отвергнуть последний пример, все равно приходишь к выводу, что чудовище в своих действиях руководствуется скорее инстинктом дикого зверя, чем разумом. А люди — и сам Дрейк в том числе — восприняли его как какое-нибудь кошмарное создание из третьеразрядного фильма ужасов, наделенное коварством, сообразительностью и одержимое патологической ненавистью ко всему человеческому роду. Данная посылка была ошибочной и потому вредной. В основе поведения монстра лежит инстинкт, и только инстинкт! Соответственно относиться к нему нужно, как к любому нормальному хищнику вроде тигра-людоеда. В сущности, он ничем от обычного дикого зверя не отличается. Так же охотится по ночам, так же избегает огня, света и открытых мест. Плохо только, что он людей совсем не боится. Не научился, паразит, в своей Антарктиде!

Дрейк неторопливо обошел вокруг самолета. Хвост машины был задран высоко вверх и покоился на выпущенном вчера вечером колесе, а вот нос, наоборот, самым неприглядным образом уткнулся в землю. Видимых повреждений снаружи заметно не было. Холлистер, очевидно, знал, когда уверял его, что сможет отремонтировать самолет своими силами. В воздух им его, разумеется, не поднять (прав пилота не было ни у Дрейка, ни у главного механика), но освободить полосу для посадки других машин сегодня уже реальность. Дрейк был бы рад приветствовать на острове любую комиссию, как бы скептически ни были настроены ее члены. Главное — уберечь Нору, а все прочее как-нибудь образуется. По его прикидкам выходило, что

ожидать повторного визита можно уже сегодня, в крайнем случае — завтра.

После завтрака начальник базы решил посадить Спаркса в кабину самолета к уцелевшей приемной бортовой радиации. Пусть передатчик выведен из строя, но если с островом попытаются связаться, они хотя бы будут в курсе событий. Кроме того, кое-какую информацию можно также узнать из радиопереговоров между Вальпараисо и антарктическими научными станциями. Возможно, удастся выяснить, какие у начальства планы относительно смены персонала на Гоу-Айленде.

Проходя мимо складского ангара, Дрейк сразу вспомнил ту ночь, когда он трясся от страха у двери, а на складе бушевал монстр, сбрасывая со стеллажей ящики и контейнеры. Повинуясь внезапному импульсу, он раскрыл тяжелые створки ворот и заглянул внутрь. Там уже успели навести порядок. Последний тюк с биологическими образцами из оазиса Горячих озер, так и оставшийся нераспакованным, мирно покоился близ входа в ожидании отправки на «большую землю». Плотную упаковочную ткань крепко стягивали прочные веревки, гарантируя, что ценный груз не растрясет и не повредит воздушная болтанка над океаном.

Покидая ангар, Дрейк вдруг замер у двери. Мелькнувшая в голове мысль показалась настолько простой и очевидной, что можно было только удивляться, как он раньше до нее не додумался. В своем стремлении поскорее избавиться от возникшей проблемы он совершенно упустил из виду наиболее разумный и само собой напрашивающийся подход к ее решению.

Когда человеческое существование протекает нормально и в установленных рамках, отдельно взятый индивидуум, как правило, обращает внимание только на то, что его непосредственно касается и находится у него под носом. Жизнь идет своим чередом. Ничего из ряда вон выходящего не случается. Законы природы и общественного развития функционируют, как им положено. Окружающие большей частью склонны говорить правду и решаются обмануть только в случае крайней необходимости. Никто не лезет в дела соседей и не проявляет повышенного интереса к чужому грязному белью. Но стоит случиться чему-то непредвиденному, как весь этот устойчивый, размеренный распорядок начинает трещать по швам.

Взять, к примеру, жертву преступления. Потрясение бывает порой настолько ужасным, что навсегда выбивает человека из колеи и даже может подтолкнуть к самоубийству. Тут существует множество вариантов, потому что преступник, выступая против общества, нарушает не только уголовный кодекс, но и другие законы. Иначе говоря, причинно-следственные связи зачастую имеют тенденцию проявляться самым неожиданным образом. Вор, удачно ограбивший кассу бензоколонки, нарушает правила дорожного движения и попадает в полицию, потому что ему в принципе наплевать на всяческие правила. Взломщик, блестяще вскрывший сейф в банке, оказывается задержанным, потому что поехал не в том направлении по улице с односторонним движением. Скрывающегося от правосудия беглеца чаще всего ловят не от избытка бдительности, а потому, что тот невольно нервничает и всячески старается не привлекать внимания. Все эти примеры элементарны и общеизвестны, только вот никому из обитателей Гоу-Айленда, к сожалению, не пришло в голову о них вспомнить.

Над головой Дрейка с пронзительным криком пронеслась чайка. Где-то поблизости хлопнула дверь. Он развернулся и зашагал назад, перебирая в уме возможные приложения своей новой идеи. Прежде всего — трезвый подход и здравый смысл. Без этого любые усилия обречены на провал, а персоналу базы во главе с начальником предстоит малопривлекательная перспектива всем вместе очутиться в психушке.

Смысл нового подхода заключался в том, чтобы отследить и проанализировать все необычные происшествия, с первого взгляда никак не связанные с нависшей над жизнью людей угрозой. По крайней мере, одно такое происшествие было известно. Позапрошлой ночью кто-то

основательно потрудился над разорением птичьих гнезд на южной оконечности Гоу-Айленда. Сам факт такого вторжения нес определенную дозу информации. Но монстр наверняка побывал и в других местах, где оставил если не прямые, то хотя бы косвенные свидетельства своего пребывания, которые могут дать дополнительные сведения о его природе и повадках. Взять хотя бы антарктические деревья из района Горячих озер. Чудовище появилось на острове одновременно с ними. Если это совпадение, то уж очень подозрительное. Если же нет, то высаженные в долине гейзеров образцы могут подвергнуться такому же нападению, как пассажиры самолета, люди в поселке и пернатые обитатели птичьего базара.

Бичем, помнится, высадил их в грунт на самой границе района вулканической активности, выбрав это место как наиболее близкое по условиям их родной среде произрастания. В качестве саженцев было использовано содержимое одного целого тюка и одного разорванного. Третий оставили на складе в неприкосновенности. Его хотели отправить в ботанический сад при Академии наук, если пересаженные деревья так и не смогут прижиться в непривычной обстановке. Дрейк твердо решил, что при первой возможности осмотрит посадку и лично проверит, не случилось ли там каких-нибудь неприятностей.

Были и другие зацепки, в первую очередь жуткая маленькая тварь, посаженная Бичемом в стеклянную банку. Между ней, деревьями и монстром также не прослеживалось прямой связи, но их одновременное появление на острове по меньшей мере настораживало. Нужно будет направить людей на поиск этих прожорливых плотоядных «корешков», а заодно проинструктировать островитян обращать внимание на любые бросающиеся в глаза отклонения от нормы и немедленно сообщать о каждом необычном явлении ему или биологу. В чем-то такой метод походил на расследование убийства или другого тяжкого преступления, в ходе которого приходится допрашивать десятки людей и у каждого проверять алиби и выяснять возможные мотивы. В подобного рода делах никогда не знаешь заранее, какой вопрос из тысячи приведет в конечном счете к установлению истины, уверен только, что какой-то из них обязательно окажется верным.

Увязавшийся за Дрейком пес внезапно застыл как вкопанный. В его глазах отразилось недоумение. Он принюхался, отпрыгнул в сторону, снова принюхался и глухо зарычал. Что-то зашевелилось в траве. Собака залаяла и сунулась носом под кочку. В голове у Дрейка как будто сработало тревожное реле. Словно со стороны, он услышал собственный голос:

— Фу! Нельзя! Назад! Ко мне, песик, ко мне!

Тот повернул голову и удивленно вильнул хвостом. Дрейк нагнулся и крепко ухватил его за ошейник. Пес недовольно заворчал и попытался освободиться. Удерживая одной рукой рвущуюся собаку, другой Дрейк осторожно раздвинул жесткие стебли травы. Из-под пестрого лишайника, облепившего подножие кочки, торчали три сложенные миниатюрные веточки, покрытые шипами. Он отшвырнул пса в сторону и наступил на них каблуком. Когда поднял ногу, хвост твари все еще подергивался, но даже в агонии она, казалось, испускала агрессивность и угрозу. Дрожа от омерзения, Дрейк продолжал топтать ее, пока движение не прекратилось.

Пес, возбужденно лая, носился вокруг. Вряд ли он сознавал, что избежал смертельной опасности, — скорее решил, что двуногий хозяин заигрывает с ним таким необычным способом. Тут внимание собаки вновь привлекла кочка и странное раздавленное насекомое. Дрейку пришлось прикрикнуть на пса, чтобы отогнать прочь. Затем он порылся в карманах и достал сложенные листки бумаги с так и незаконченными «показаниями очевидца». Он разложил развернутый лист на земле, а другим осторожно перенес на него останки четырехдвоймового существа — точной копии пойманного Бичемом экземпляра. Оно было мертвым, но Дрейк так и не смог заставить себя прикоснуться к нему пальцами.

С завернутым в бумагу трофеем он направился в лабораторию. Биолог был осунувшимся и уставшим, как будто не спал всю ночь. Впрочем, сегодня примерно так же выглядело большинство островитян.

— Вы вчера высказывали пожелание получить второй экземпляр, доктор, — сказал начальник базы. — Забирайте. К несчастью, мне пришлось его раздавить, чтобы эта дрянь не укусила собаку. Надеюсь, вы сумеете извлечь из него что-то полезное.

Бичем принял пакет с благодарностью.

— Сумею, сумею, можете не беспокоиться, — заверил он, суетливо развернув бумагу и переместив сплюснутый образец на предметное стекло. — Я займусь им прямо сейчас! Кстати, первый экземпляр по-прежнему жив и не страдает отсутствием аппетита. Жрет все подряд и в любых количествах!

— Я собираюсь сегодня днем прогуляться к горячим источникам и взглянуть на ваши посадки, — вспомнил Дрейк, уже взявшись за ручку двери.

— Да-да, конечно, — рассеянно пробормотал биолог, не сводя глаз с растоптанного тельца на столе. Начальнику базы на мгновение померещилось, что биолог чем-то напуган. — Большое вам спасибо за помощь, мистер Дрейк.

Когда он вошел в столовую, Нора уже завтракала. За столиком она сидела одна, но Дрейку дойти до нее не дали. Холлистер с набитым ртом окликнул его, так что пришлось изменить маршрут и сесть за стол рядом с механиком.

— Я могу гарантировать, что поставлю самолет на все три колеса еще сегодня, но мне понадобится помощь, — без обиняков заявил тот. — Фюзеляж и носовая часть гораздо тяжелее хвоста, поэтому было бы желательно иметь под рукой побольше народу. Вы уж сегодня никого далеко не отправляйте, ладно?

— Хорошо, — пообещал Дрейк. — Весь мужской контингент в вашем полном распоряжении, мистер Холлистер.

Сполдинг тоже сидел один. Лицо его было недовольным и угрюмым. Дрейк остановился у его столика и немедленно удостоился злобного, подозрительного взгляда.

— Чего надо? — хмуро проворчал Сполдинг, первым отведя глаза.

— Позволю себе напомнить, — с отменной вежливостью проговорил начальник, словно не замечая вызывающей грубости парня, — что так и не успел выслушать ваши соображения по поводу ущерба, нанесенного району. Том Белден сообщил мне, что он значителен, но хотелось бы услышать и ваше мнение. Кстати, может быть, вы вспомните, так сказать задним числом, не заметили ли чего-нибудь необычного, ненормального, выходящего за рамки? Между прочим, Том утверждает, что не видел ни единого следа. Вы согласны с его мнением, мистер Сполдинг?

У того задергалось веко. Следовало признать, что чиновник по кадрам в свое время допустил ошибку, направив его в столь изолированное и малонаселенное местечко, как Гоу-Айленд. Некоторые люди постоянно нуждаются в одобрении или даже восхищении окружающих. Сполдинг тоже принадлежал к их числу, но в данный момент он чувствовал себя скверно, не без оснований полагая, что лишился внимания коллег. Это из-за него начался пожар, в результате которого островитяне остались без связи и электроэнергии. С тех пор он так и не сумел совершить или придумать ничего такого, что позволило бы ему восстановить свое доброе имя. Поход к гнездовьям закончился полным провалом. Командирские замашки Сполдинга вызывали у других участников глухое раздражение и привели к закономерному финалу: домой он возвращался один, потому что никто не захотел идти с ним рядом. Если учесть, что он и до трагических событий находился на грани срыва, то сейчас ему можно было только посочувствовать.

— Мне нечего добавить к словам вашего прихвостня! — грубо огрызнулся парень и

неожиданно взорвался, закричав: — Да! Да, я заметил! Только что толку, если мне все равно никто не поверит?!

— Ну что вы, — успокаивающе произнес Дрейк, — зачем же так плохо думать о друзьях. Я вам верю и готов внимательно выслушать.

— И вы поверите, если я вам скажу, что на птичьем базаре побывал не один монстр, а два или больше? — недоверчиво прищурился Сполдинг. Не дождавшись ответа, он продолжил, но уже более спокойным тоном: — Почти все разоренные гнезда сосредоточены на одном участке, но к нему ведут сравнительно узкие подходы, где также все раздавлено и разбросано. И этих подходов *несколько*! Вы понимаете, что это означает? Два или три чудовища одновременно атаковали гнездовья сразу по нескольким направлениям, в то время как еще одно бродило вокруг поселка, даже не думая никуда убежать. И пока его собраты охотились на птиц, оно подстерегло и утащило Кейси. Вы можете сказать, что оно все-таки было одно, просто рыскало туда-сюда, то уходя, то возвращаясь, но я там был и все видел собственными глазами. Во-первых, зачем дорвавшемуся до добычи хищнику уходить от кормушки, а потом возвращаться с противоположной стороны? А во-вторых, тропы, которые отчетливо видны, если взглянуть сверху, были проложены по прямой и вели от границы строго в центр гнездовья. Но самое главное даже не в этом. Их было слишком много! Я говорил, что чудовищ двое или трое, но думаю, их на самом деле шесть или семь, если не целая дюжина!

Услыхав последнее утверждение, Дрейк слегка растерялся. Очевидно, колебания как-то отразились на его лице, потому что он тут же наткнулся на яростный, ненавидящий взгляд собеседника. Увы, никого так не раздражают чужие сомнения, как человека, который сам далеко не уверен в собственной правоте.

— Я так и знал, что вы мне не поверите! — с каким-то безнадежным надрывом в голосе решил Сполдинг.

Дрейк осторожно откашлялся.

— Я этого не сказал. Просто мне требуется время, чтобы привыкнуть к вашей новой версии. И успокойтесь, пожалуйста, я вовсе не собираюсь ее опровергать. Более того, согласен признать, что с ней согласуются некоторые факты, прежде казавшиеся несопоставимыми. Я имею в виду убийство собаки, исчезновение Кейси и одновременную фиксацию радаром постороннего объекта на птичьем базаре. Я еще тогда, помнится, удивился, как быстро эта тварь бежит. Если же допустить, что их больше одной, тогда все становится понятным. Непонятно другое, как это вообще может быть? Мы себе головы сломали, пытаясь понять, каким образом одному такому существу удалось пробраться в самолет незамеченным, а уж чтобы сразу несколькими... Или у вас и на этот счет имеются свежие мысли?

— Хватит надо мной издеваться! — оскорбленно взвился Сполдинг. — Не хотите верить, не надо! Но вы об этом еще пожалеете! Все пожалеете!

Он уткнулся в тарелку, не обращая больше внимания на собеседника. Вилка в его руке заметно подрагивала. Дрейк добрался наконец до стола Норы и, хмурясь, опустил на свободный стул.

— Неприятности? — с участием спросила девушка.

— Да нет, пожалуй. Скорее, наоборот. Знаешь, я решил изменить тактику. Прекратить концентрироваться только на уже известных фактах и начать уделять больше внимания неизвестным или оставшимся незамеченными. Помнишь, как Бичем переживал, приживутся ли его саженцы? Он еще тогда сетовал, что у некоторых экземпляров кончики ветвей то ли обломаны, то ли откушены. А заодно высказал гипотезу, что в антарктическом оазисе обитает животное, которое питается побегами этих деревьев. Если это животное и есть тот самый монстр, спасаясь от которого мы за две ночи сожгли четверть запасов горючего, тогда... — Он

сделал паузу и уверенно закончил: — Тогда есть шанс, что его потянуло к привычной пище. Я хочу пойти взглянуть на посадки. После завтрака вряд ли получится — Холлистер просил, чтобы все мужчины остались в поселке и помогли ему поднять самолет, — а вот после обеда попробую выкроить часок-другой.

На столе перед ним появились тарелка с закуской и большая чашка кофе. Дрейк поблагодарил и отхлебнул глоток ароматной жидкости. В устремленных на него глазах Норы светилось такое откровенное обожание, что он чуть не поперхнулся.

— А ну-ка прекрати сейчас же! — прошептал он. — Кто вчера вечером предлагал пойти проверить освещение? Забыла? А потом пришлось одному проверять, и никому не было дела, что мне очень обидно и одиноко.

— Прощу прощения, мистер Дрейк, — скромно потупив глазки, пролепетала Нора, но не выдержала и прыснула, успев, правда, прикрыться ладошкой.

Тот притворно зарычал и сделал вид, что всецело поглощен содержимым стоящей перед ним тарелки. Думая о любимой и поглядывая на нее украдкой, он постепенно сумел вернуться к просветленному, вдохновенному состоянию гармонии, в котором проснулся сегодня поутру. Поговорить толком во время завтрака не удалось. Вокруг было слишком много посторонних ушей, поэтому их диалог носил отвлеченный характер и затрагивал темы, обычные в деловом общении начальника и его секретарши. Но Дрейк был счастлив, что мог спокойно любоваться ее лицом, фигурой, глазами, манерами и еще тысячью милых черт и черточек. Когда они вместе покидали столовую, он задержался на пороге и сказал:

— Ты обещала мне вести себя осторожно. А теперь пообещай, что станешь еще и под ноги смотреть. Полчаса назад я нашел в траве такую же гадину, какую доктор Бичем показывал вчера в клубе. Я ее раздавил и отнес к нему в лабораторию, но могут попасться и другие.

Нора молча кивнула, огляделась, быстро чмокнула его в щеку и упорхнула в офис.

Холлистер и его команда уже приступили к подъему носовой части аварийного корабля. Им удалось сравнительно легко подсунуть массивный стальной брус под левое крыло. Но когда нужно было привести в действие двадцатифутовый рычаг подъемного устройства, понадобились усилия четырех человек, чтобы сдвинуть его с мертвой точки. Ничего удивительного, поскольку именно там находился центр тяжести транспортника. Дрейк тоже ухватился за рукоятку, присоединив свой вес к остальным. Корпус машины едва заметно вздрогнул и качнулся вверх. Понемногу вокруг стали собираться люди — кто помочь, кто просто поглазеть. Заметив в толпе Спаркса, он отправил его в кабину слушать эфир. Заодно поинтересовался судьбой пингвинов. Оказалось, как он и предполагал, что выпустил их из клеток Бичем.

Дрейк снова и снова налегал на металлический брус, чувствуя непривычную усталость в мышцах, но с удовольствием отмечая, что совместные усилия приносят ощутимые плоды. Когда фюзеляж самолета приподнялся примерно на полфута, Холлистер зафиксировал его и объявил перекур. Из столовой донесся пронзительный женский визг. Дрейк в спринтерском рывке первым взбежал на крыльцо, значительно обогнав группу преследователей.

Гортензия, несмотря на свою полноту, ухитрилась забраться на угловой столик и непрерывно визжала. Кок с подручными, вооружившись сковородками, черпаками и другими кухонными причиндалами, возбужденно суетились вокруг соседнего столика и пытались кого-то вытолкнуть из-под него на открытое место.

Крошечное существо, длиной около четырех дюймов и похожее на обыкновенный корешок, ерзало по полу, время от времени производя молниеносные выпады покрытым микроскопическими шипами хвостом, состоящим из трех отростков, в сторону угрожающих ему предметов. Когда Дрейк приказал оставить его в покое, маленькая тварь очень быстро и

целенаправленно поползла в угол, стремясь поскорее укрыться в какой-нибудь щели.

Схватив с раздаточного стола пустую миску, Дрейк точным броском накрыл ею беглеца, а кок притащил чистый противень, который подсунул под край миски. Пойманный таким оригинальным способом пленник был торжественно препровожден в лабораторию и вручен доктору Бичему в присутствии небывалого в его владениях скопления народа. Покончив с церемонией передачи, Дрейк напомнил присутствующим, что эта гадина может оказаться ядовитой, и порекомендовал почаще смотреть под ноги. После чего вернулся на взлетную полосу.

Стосковавшийся без дела Спаркс высунулся из кабины и радостно доложил, что с «большой земли» продолжают настойчиво вызывать Гоу-Айленд, хотя потеряли, похоже, надежду связаться с островом. Еще ему удалось перехватить несколько переговоров между Вальпараисо и другими операторами, суть которых сводилась к тому, что большое начальство, до глубины души возмущенное разрывом коммуникаций, ежечасно бомбардирует бухту Гиссела настоятельными требованиями принять незамедлительные меры. Радиостанция бухты Гиссела вяло отказывалась, ссылаясь на полученное штормовое предупреждение и строжайший запрет на использование авиации.

Левое крыло тем временем оторвалось от грунта уже на полтора фута. Правое, упирающееся концом плоскости в бетон, начало угрожающе потрескивать. Холлистер распорядился прекратить подъем, снова зафиксировал крыло и занялся разборкой подъемного механизма. Платформу перетащили на противоположную сторону, опять собрали агрегат и дружно взялись за другое крыло. На высоте в шесть дюймов работа застопорилась. Где-то что-то разладилось в системе блоков и противовесов. Главный механик выругался и приказал временно зафиксировать и правую плоскость.

Из помещения клуба послышались крики. Дрейк ринулся туда. Еще один маленький зеленый монстрик озадаченно крутился посреди зала, постукивая по полу хвостиком с шипами и мучительно соображая, где ему отыскать подходящую норку. Прежде чем Дрейк успел вмешаться, главный электрик храбро бросился на него и расплющил врага каблуком. Его ненаглядная Элиза взирала на действия жениха одновременно с ужасом и восторгом. Чтобы продемонстрировать даме свое презрение к опасности и готовность защитить ее, электрик ободряюще улыбнулся девушке, нагнулся и брезгливо, двумя пальцами, поднял полураздавленное тельце, намереваясь, очевидно, выкинуть его за порог. Внезапно он застонал, лицо его побелело, и незадачливый рыцарь, потеряв сознание, свалился на пол у ног возлюбленной, тут же последовавшей его примеру.

Явившийся на зов Бичем привел в чувство обоих с помощью нашатырного спирта, а электрику сделал перевязку, щедро обмазав обезболивающим кремом пальцы и ладонь в тех местах, где соприкосновение с шипами вызвало страшный болевой шок. Биолог работал быстро и уверенно, но был бледен и на этот раз предпочел воздержаться от комментариев. Закончив с пациентами, он тут же удалился к себе, прихватив трупик раздавленной твари.

Дрейк не стал его удерживать и расспрашивать. Оставив главного электрика на попечение Элизы, он вернулся к самолету. Говорить пострадавшим о соблюдении осторожности он не счел нужным — этим двоим полученного урока и так до конца жизни хватит. Гораздо больше беспокоило начальника базы то обстоятельство, что оба последних экземпляра были обнаружены внутри помещения. Привлекать к этому всеобщее внимание он благоразумно не стал, но для себя взял на заметку.

Правое крыло поднялось выше уровня левого, и подъемный механизм еще раз разобрали и опять перетащили на другую сторону. Затем левое крыло снова перегнало правое. Так повторялось несколько раз, пока весь фюзеляж, благодаря усилиям усердно и энергично

качающих рычаг людей, не поднялся на высоту, почти достаточную, чтобы попытаться выпустить передние колеса. Но тут подошло время обеда, и Холлистер решил отложить это волнующее событие на потом.

Ни Бичем, ни Нора в столовой еще не появлялись. Дрейк подошел к лаборатории. Дверь оказалась запертой. Он постучал. Прошло около минуты, прежде чем она открылась. Ученый стоял на пороге. Лицо его было серым.

— Как продвигаются исследования, доктор? — дружелюбно осведомился Дрейк, твердо решивший пока игнорировать странное поведение Бичема. — Я имею в виду ваших маленьких чудовищ. Вы уже разобрались с их происхождением?

— Я... я пока не уверен, — с трудом выдавил биолог. — Им нет аналогов в природе. Это... это просто невероятно!

— А как насчет подобных в районе Горячих озер?

— М-м... Возможно, возможно, — все также не-охотно ответил Бичем. — Видите ли, этот антарктический оазис был отделен от всего мира в течение миллионов лет. В той же Австралии встречаются многочисленные виды растений и животных, которых нет на других континентах. Но Австралия оказалась изолированной сравнительно недавно — по геологическим меркам, естественно. А Горячие озера были обособлены задолго до того, как исчезла смычка Антарктиды с Южной Америкой! Поэтому процесс эволюции проходил там по собственным законам, которые невозможно даже приблизительно сравнивать с известными нам. Сомневаюсь, чтобы другие виды смогли выжить в тех условиях. Представьте себе сочетанье: полгода ночь, полгода день, горячие минеральные источники с элементами половины таблицы Менделеева, растворенными в их водах, и горячая почва вследствие непрекращающейся вулканической деятельности. Любое существо, живущее и выживающее в такой среде, не может быть ничем иным, кроме как в высшей степени необычным и своеобразным организмом. То же самое относится и к растениям.

Бичем замолчал, почему-то избегая встречаться с Дрейком взглядом. Тот подумал немного и сказал:

— Что ж, не буду вас больше задерживать, доктор, тем более вы еще не обедали. И хотелось бы, если позволите, попросить об одном одолжении. Поищите, пожалуйста, какое-нибудь средство борьбы с этими мелкими тварями. Сразу два случая в общественных помещениях за какие-то полчаса — это уже чересчур. Что угодно, лишь бы их отпугивало. А если они от вашего снадобья еще и подохнут, никто, я думаю, в обиде не будет.

— Хорошо, я посмотрю, — неопределенно пообещал биолог, которому явно не терпелось поскорее выпроводить гостя.

Дрейк еще раз внимательно посмотрел на него, повернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Он не успел сделать и двух шагов, как за спиной щелкнул замок. Пожав плечами, он пошел дальше. Войдя в свой кабинет, Дрейк застыл в дверях от удивления. Нора, белая как снег, взгромоздилась на стул и прижалась спиной к стене. Оцепенение вошедшего длилось не дольше десятой доли секунды. Он бросился к девушке и увидел уже знакомую картину: похожий на корешок зеленый уродец крутился вокруг ножки стула, время от времени пытаясь по ней забраться наверх. Ножка была гладкой и скользкой, поэтому он постоянно срывался и падал на пол, но тут же возобновлял попытки с упорством, достойным лучшего применения.

Нечленораздельно зарывчав от ярости, Дрейк в два удара размазал гадину каблуком, превратив ее в месиво.

— Если бы он... оно... Если бы это залезло на стул, я бы перебралась на стол, — пролепетала Нора охрипшим голосом. В следующее мгновение она уже рыдала у него на груди, громко всхлипывая и часто шмыгая носом.

Она первой пришла в себя. Мягко, но решительно высвободилась из его объятий и даже нашла в себе силы улыбнуться сквозь слезы.

— Знаешь, — сказала она, глубоко вздохнув, — я думаю, сейчас нас никто бы не осудил. Все было так естественно! Я в самом деле страшно перепугалась и ужасно обрадовалась твоему приходу. Ты не поверишь, но эта мерзкая тварь очень хотела до меня добраться. И когда ты ее убил, я просто нуждалась в сочувствии и утешении. Сначала, во всяком случае.

Влюбленный начальник ухмыльнулся, высунул голову за дверь и позвал. Том Белден явился ровно через пять секунд.

— Собери эту гадость в какую-нибудь бумажку и отнеси доктору Бичему, — попросил Дрейк. — Только руками не прикасайся. Скажи ему, что она забралась в мой кабинет.

Чтобы окончательно успокоить девушку, он взял ее под руку и проводил в столовую. По дороге она призналась все еще дрожащим от волнения голосом:

— С тобой так приятно идти рядом. Ты такой большой, сильный, надежный...

Дрейк скрипнул зубами. Ну почему, черт побери, мир так несправедливо устроен?! Даже у самого крутого руководителя бывают в жизни моменты, когда очень хочется хоть на минутку сбросить броню и побыть обыкновенным смертным.

Обед в этот час был мало похож на успешное светское мероприятие. Да и в былые дни атмосфера в столовой навевала беспокойство и уныние. В небольшом, к тому же изолированном коллективе деление на какие-то социальные группы в принципе абсурдно. Тем не менее механики и складские рабочие старались держаться вместе и во время трапез неизменно занимали два угловых столика, в то время как все остальные рассаживались где придется. Но сегодня все смешалось. Главный электрик сидел рядом с Элизой, которая заботливо разрезала на кусочки жареный бифштекс у него на тарелке. Сам он орудовать ножом и вилкой не мог — мешала перевязанная толстым слоем бинтов рука, все еще болевшая от неосторожного контакта с ядовитыми шипами. Девушка что-то ворковала вполголоса, а он не сводил с нее обожающего взгляда. Толстая дурнушка Гортензия, у которой начисто пропал аппетит после недавнего столкновения с зеленым уродцем, сидела одна за чашкой кофе, завистливо поглядывая в уголок, где проголодавшиеся и намаившиеся с самолетом работяги с аппетитом уплетали все блюда.

Спаркс влетел в столовую сразу вслед за Дрейком и Норой.

— Свежие новости, сэр! — сообщил он. — Три дня назад в Вальпараисо заходил наш эсминец. Загрузил топливо и ушел. Вчера с ним связались по радио, он изменил курс и полным ходом шпарит к Гоу-Айленду.

— Отлично, — кивнул Дрейк. Он отодвинул стул и усадил Нору за столик.

У исполняющего обязанности официанта — подручного кока — отвисла челюсть. Пришлось ему популярно объяснить, что мисс Холл несколько минут назад пережила тяжкое потрясение и нуждается в опеке.

Это заявление Дрейка привлекло всеобщее внимание, и обед окончательно утратил привычные рамки, превратившись в некое подобие сборища в лондонском Гайд-парке. А Нора еще подлила масла в огонь, поведав, с добавлением слегка приукрашенных подробностей, о нападении на нее прямо на рабочем месте. Рассказ вызвал поголовное возмущение и шквал комментариев, смысл которых сводился к тому, что эти твари совсем обнаглели, раз начали кидаться на людей среди белого дня. Мало им ночного монстра, таскающего часовых и собак, так тут еще и днем приходится беречься от каких-то мелких зеленых паразитов, неожиданно оказавшихся агрессивными и опасными.

Бичем появился в столовой, когда обед уже подходил к концу. Он прошел прямо к столику Дрейка и Норы.

— По-моему, я нашел способ борьбы с ними, — нервно произнес он. — Те два живых

экземпляра, что имеются в моем распоряжении, упорно избегают контакта с нефтью и любимыми нефтепродуктами. Если полить землю обычной соляжкой, они ни за что не полезут через преграду даже ради пищи. Собственно говоря, я это еще раньше выяснил, просто как-то не вспомнилось, когда мы с вами беседовали.

Дрейк недолго обдумывал слова ученого. Оснований не доверять Бичему у него не было. Что ж, если так, от одной проблемы они, считай, избавились.

— Мы пока не знаем, сколько их расплодилось по жилым корпусам и другим помещениям, — заговорил он, рассуждая вслух, — но рисковать я не намерен. Во избежание несчастных случаев, этой ночью все будут спать в другом месте. Складской ангар номер три свободен, пол там бетонный, щелей нет. Проложим вокруг полосу из соляжки фута в четыре шириной, отгородим ширмой уголок для женщин, перенесем лампы и спальные принадлежности и проведем ночь в безопасности. А завтра устроим генеральную уборку и выкурим этих тварей всех до единой, даже если это займет не одни сутки.

Потоптавшись еще немного у стола, Бичем направился к выходу. Дрейк выскочил из-за стола и перехватил его сразу за дверь.

— Я же вижу, доктор, что вы знаете гораздо больше, но почему-то недоговариваете, — начал он, преграждая ученому дорогу. — Я это давно заметил, но молчал до поры. А теперь выкладывайте все, что вам известно об этих зеленых монстриках! Дело зашло слишком далеко, и я не могу больше мириться с вашими недомолвками.

— Я сам ни в чем не уверен, — уклонился от прямого ответа биолог. — Понимаете, Дрейк, все это настолько невероятно и нереально, что я не в состоянии утверждать что-либо конкретно, не имея неопровержимых доказательств. Я не имею права уподобляться всяким безответственным личностям вроде Сполдинга! И ни один уважающий себя ученый не станет делать фантастических заявлений, пока не будет уверен на все сто процентов в собственной правоте.

— Как вам будет угодно, доктор, — пожал плечами Дрейк. — В конце концов, кто я такой, чтобы заставлять вас поступать вразлад с вашими этическими убеждениями? Но скажите хотя бы, чего нам ожидать в ближайшем будущем? Нашествия маленьких зеленых уродцев?

— Не исключено, — вынужден был признать припертый к стенке Бичем. — Возможно появление сотен, а то и тысяч особей в непосредственной близости от поселка. Я пока могу только догадываться, как быстро они способны размножиться, но если мои догадки верны, нам всем придется туго.

Дрейк сжал губы. Он не сомневался, что биолог препарировал попавших в его руки мертвых тварей и обнаружил у них способность размножаться в геометрической прогрессии. Подозрения Дрейка не имели ничего общего с истиной, но тот этого пока знать не мог.

— Но вы не ошиблись, утверждая, что соляжка их отпугивает?

— Нет-нет, ни в коем случае! Отпугивает, можете не сомневаться! Честно говоря, не только отпугивает, но и убивает. Я случайно капнул соляжкой на живую особь, и она подохла через пару минут.

— Звучит утешительно, но если их будут тысячи, которые со временем превратятся в миллионы, я не представляю, как мы сможем их остановить. Соляжки у нас не так уж много, да и заградительную полосу придется обновлять после каждого дождя. Вот незадача, черт побери!

Бичем воспользовался паузой и улизнул в свою лабораторию. Вид у него был неважнецкий, и Дрейк не стал больше задерживать ученого. Тем более что на него неожиданно-негаданно свалилась малоприятная перспектива возглавить в недалеком будущем оборону населения Гоу-Айленда от вторжения полчищ миниатюрных, но очень прожорливых и агрессивных тварей, одно прикосновение к которым валит с ног здорового, полного сил мужчину. И это в

дополнение к большому монстру, которого вряд ли остановишь, даже если вылить на него целую бочку горючего. Впрочем, для этого его сначала нужно было хотя бы увидеть.

Дрейк вновь перебирал в памяти события, потрясшие мирный остров, поверить в реальность которых не мог бы ни один здравомыслящий человек, не будучи их непосредственным очевидцем. Лицо его перекосила мимолетная гримаса. Но на долгие размышления у него просто не было времени. В последний раз все обдумав, Дрейк решил воплотить в жизнь продиктованные здравым смыслом планы. Правда, смешно, наверное, говорить о здравом смысле в ситуации, которая в корне ему противоречила.

Большая часть мужчин вернулась после обеда на взлетно-посадочную полосу — помогать бригаде Холлистера, а Сполдингу начальник поручил персональное задание: подготовить к ночлегу пустующий складской ангар. Дрейк особо подчеркнул, что тот должен действовать в постоянном контакте с Бичем и ничего не предпринимать без его одобрения. Последнее его замечание ухудшило и до того невеселое настроение заведующего складом, но возражать он не решился. Затем Дрейк отобрал трех человек, чтобы вместе с ними проверить посадки антарктических деревьев на границе района термальных источников. Сейчас эта проверка уже не казалась ему первоочередной важности, особенно после туманного прогноза Бичема о возможном нашествии зеленых тварей, несравненно более опасных, чем саранча. Но эта угроза могла реализоваться в будущем, а отступать от своих замыслов Дрейк не привык.

Помимо самого начальника базы, в состав маленького отряда вошли Том Белден, один из складских рабочих и вызвавшийся добровольцем помощник кока по фамилии Томас, у которого вдруг прорезалась авантюристическая жилка. Все четверо надели высокие сапоги и вооружились ружьями и фонариками — на всякий случай, хотя Дрейк твердо решил вернуться задолго до захода солнца. Они вышли из поселка и отправились в южном направлении. По дороге руководитель вкратце объяснил основную цель экспедиции и свой взгляд на возникшую напасть.

— Дела у нас паршивые, ребята, — сказал он откровенно. — Доктор Бичем допускает, что эти зелененькие кошмарники размножаются быстрее кроликов или домашних мух. Еще вчера мы даже не подозревали об их существовании, а сегодня уже пять штук нашли, причем трех в помещении, где любой может с ними столкнуться и заработать крупные неприятности. Если предсказания ученого оправдаются, очень скоро на острове и ступить будет некуда. Он, правда, нашел способ отпугнуть этих тварей соляжкой от наших домов, так что мы все на некоторое время избавлены от опасности. Но меня очень беспокоит эсминец, который, если верить Спарксу, сейчас спешит на всех парах к Гоу-Айленду.

Том Белден растерянно почесал в затылке.

— Вот это да! Эсминец-то военный! Значит, они первым делом высадят десант.

— Совершенно верно. С него спустят шлюпки с людьми, которые ни о чем не подозревают, потому что мы не можем их предупредить. Если эти монстрики действительно размножатся, как полагает Бичем, морячков ждет весьма веселая прогулка до поселка. Чтобы избежать лишних жертв, я предлагаю соорудить на берегу керн и оставить записку. Может, они и не поверят, но какие-то меры предосторожности предпримут. И поставить предупредительный знак желательно сегодня, пока мерзкие твари еще не успели оккупировать каждый кустик и каждую трещину в земле.

Дальше они шагали молча, хотя каждый наверняка обдумывал слова начальника. Почва под ногами была в основном сухой и каменистой, но попадались и заболоченные низинки, которые приходилось обходить. Время от времени на пути возникали редкие рощицы, но самое высокое из окруженных стлаником деревьев не превышало двенадцати футов. То тут, то там среди поросших жесткой травой кочек встречались заросли кергеленской капусты, а изредка

попадались даже такие экзотические в субантарктической зоне растения, как лютики и одуванчики.

До небольшой бухты на восточном побережье Гоу-Айленда, где обычно разгружались заходящие на остров суда, отряд добрался сравнительно быстро. Не обошлось, конечно, без задержек в пути — в основном из-за обхода болот. Подходя к бухточке, Дрейк приказал замедлить шаг и внимательно смотреть под ноги, чтобы вовремя обнаружить хвостатых уродцев, если они уже и сюда успели добраться. Окружающие бухту скалы были значительно ниже утесов на западном берегу, но все же на спуск ушло немало времени. Для доставляемых на остров грузов имелся, разумеется, мощный подъемник, но сегодня он не работал и спускаться пришлось пешком.

Широкая полоса песчаного пляжа начиналась от подножия скал и тянулась на добрых четверть мили. Грозные океанские валы не бушевали, здесь, с подветренной стороны, было непривычно тихо. Дрейк отметил этот факт с некоторым удивлением — он настолько свыкся с постоянным шумом, что перестал его замечать, но сейчас сразу обратил внимание на непривычную тишину.

Что-то вынырнуло из воды в нескольких ярдах от кромки океана и тут же исчезло. Дрейк потряс головой, словно не доверяя своим глазам. Потом один за другим на песок выбрались четыре пингвина Адели и гордо зашагали вдоль берега, смешно переваливаясь. Они искупались в океане, заодно насытились микроскопическими зелеными водорослями и планктоном, которыми богаты здешние воды, а теперь направлялись куда-то по своим неотложным делам. Появление на пляже группы людей привлекло внимание пингвинов, но никаких проявлений страха или неприязни с их стороны не наблюдалось. Очевидно, недавние мытарства, связанные с заключением в клетки и нападением монстра в самолете, успели затеряться из их короткой птичьей памяти. Они толпились вокруг четверки мужчин, издавая какие-то щелкающие, скрипучие звуки, — должно быть, обсуждали между собой достоинства и недостатки странных двуногих, чем-то похожих на собратьев.

Дрейк прошелся по пляжу, выбирая место, где предупредительный знак будет замечен и наверняка привлечет внимание экипажа подплывающей к берегу шлюпки. Вид пологих, с легким шелестом накатывающихся волн у самых его ног резко отличался от чудовищных, высотой с многоэтажный дом валов на противоположной оконечности острова и был так же непривычен, как здешняя тишина.

Вдруг с океана донеслось чье-то громкое фыркание. Помощник кока Томас обогнал начальника, быстро вскарабкался на небольшой скалистый мыс, приложил к плечу ружье и нажал на спуск. Гром выстрела раскатился по окрестным скалам, соединяясь с какими-то жалобными стонами, которые вскоре оборвались.

Дрейк подбежал к юноше. Через минуту к ним присоединились двое других островитян. На волнах на миг показалась круглая усатая морда и тут же вновь скрылась под водой. Еще один котик неподвижно лежал у самого берега. Гладкий, лоснящийся мех на боку животного был залит кровью.

— Свежее мясо! — в восторге закричал помощник кока. — И ценная шкура!

Дрейк изменился в лице, но было уже поздно протестовать против абсолютно бессмысленного убийства морского зверя.

— Боюсь, что шкура летом никакой ценности не представляет, — сказал он, чтобы хоть как-то унять восторг стрелка. — Их зимой бьют — сейчас не сезон. А мясо котика отдает ворванью и не идет ни в какое сравнение с говяжьей вырезкой. Правда, из-за отсутствия холодильника нам теперь не скоро доведется полакомиться бифштексами.

Но эти язвительные замечания не смогли охладить радостное настроение горе-охотника. У

него с собой был нож, которым Томас собирался снять шкуру и разделать тушу. Он даже пообещал всех угостить сегодня вечером великолепными антрекотами, а если получится, то и ростбифом. Убитый собственноручно котик символизировал для него Приключение с большой буквы, и никто на свете не сумел бы сейчас разубедить парня.

— Хорошо, разделявай, — разрешил Дрейк, не испытывая никакого воодушевления. — А мы пока займемся строительством.

Том Белден нашел целую кучу выброшенного морем плавника, и они сложили из бревен и камней довольно высокую пирамиду в самом центре пляжа. Не заметить ее с корабля было невозможно, а своеобразный знак сразу привлекал внимание. Но сегодня горизонт был пустым и чистым на всем протяжении. В глубине острова как-то не ощущалось, что живешь на краю света. Там были скалы, земля, камни и скудная, неприхотливая растительность полярных широт. Здесь же взору открывались необозримые океанские просторы, и это огромное, простирающееся на тысячи миль во все стороны водное пространство, где не было ничего, кроме бесконечной череды серых, угрюмых валов, действовало на психику наблюдателя угнетающе.

Дрейк привязал цветастую тряпку к длинной жерди на вершине пирамиды и пристроил на видном месте закрытую стеклянную банку с запиской внутри. В записке сообщалось подробное описание маленьких зеленых тварей и содержался ряд предупреждений и полезных советов. Высадившимся на берег людям, безусловно, не помешает узнать заранее, что похожие на корешки монстрики ядовиты, агрессивны, смертельно опасны и защищаются ударами хвоста с шипами. Далее рекомендовалось смотреть под ноги, не садиться на землю и не проявлять опасного любопытства — хватать руками всякую мелкую ползающую живность. Сообщалось, что солярка и другие нефтепродукты их отпугивают, поэтому достаточно смазать обувь керосином и машинным маслом, чтобы чувствовать себя в относительной безопасности. В заключение Дрейк добавил, что относиться к ним следует с такими же предосторожностями, как к скорпионам или тарантулам, хотя, на его взгляд, это было бы явной недооценкой.

Больше здесь нечего было делать, да и с возвращением не стоило затягивать. Задерживал только Томас, оказавшийся неопытным мясником. Да и нож у него порядком затупился и плохо годился для разделки.

— Послушайте, мистер Дрейк, — сказал он, на минутку оторвавшись от работы, — я знаю, что вы торопитесь, но бросить столько мяса жалко. Вы идите без меня, а я, как только закончу, рвану напрямик в поселок со шкурой и лучшими кусками. Вы все вечером пальчики оближете, честное слово! И не надо за меня волноваться. Сами же говорили, что днем не опасно. До сумерек еще куча времени, так что я десять раз обернуться успею. Очень прошу вас, сэр!

В жизни любого начальника случаются моменты, когда приходится выбирать: то ли власть проявить, то ли слегка ослабить вожжи. Талант руководителя в том, чтобы сделать правильный выбор. Дрейк по натуре больше склонялся к методу пряника, потому что давно усвоил: орудуя одним кнутом, многого не добьешься, только людей озлобишь и восстановишь против себя. А если Томас и подвергался опасности, оставшись один, то ничуть не большей, чем трое других. Правда, времени до захода солнца осталось не так уж много, но Дрейк все-таки разрешил, предварительно взяв с молодого человека слово отправиться в путь не позже чем через полчаса, независимо от того, сколько филейных кусков тот успеет нарезать. Кроме того, он строго наказал Томасу вернуться в поселок до наступления сумерек и не пытаться взять больше мяса, чем ему под силу унести.

— И не забывай, пожалуйста, — сказал он напоследок, — что мясо котиков для белого человека — такая же экзотика, как, например, ласточкины гнезда. Одни только эскимосы в состоянии лопать его каждый день, да еще и нахваливать. Можно, конечно, съесть кусочек-

другой — просто для того, чтобы потом можно было похвастаться, — но это удовольствие ниже среднего, уверяю тебя. Так что не стоит особо усердствовать.

Томас так обрадовался, что с готовностью согласился на все условия. Рядовому островитянину здесь крайне редко выпадает шанс отличиться. И даже такая мелочь, как бифштекс из котика, может несколько оживить монотонность бытия. К тому же на пляже все дышало таким спокойствием и умиротворением, что страхи юноши куда-то улетучились и возобладало естественное желание удивить коллег и впервые стать героем дня.

Дрейк и двое его спутников снова поднялись на вершину окружающих бухту кольцевых скал и двинулись к долине гейзеров, чтобы осмотреть высаженные Бичемом деревья. Примерно на полпути их остановило препятствие — обширное болото. Случай, конечно, досадный, но ничем не примечательный — заболоченные участки составляли добрую треть территории Гоу-Айленда. Группа оказалась в затруднении. Путь от поселка до горячих источников был хорошо изучен, и островитяне сравнительно быстро добирались до места. Часто они пользовались дорогой от базы до бухты на восточном побережье. А вот от бухты до долины гейзеров никто из них пока не ходил, хотя расстояние между ними было короче вдвое любого из предыдущих.

Трижды отряд пытался обойти препятствие, но всякий раз путь ему преграждали многочисленные, покрытые трясинной бочаги. До границы оставалось уже рукой подать. Сплошное облако испарений стояло над долиной, и ветер доносил характерный запах тухлых яиц. Когда трое людей в четвертый раз пошли в обход, они наткнулись не на болото, а на мелкое, длинное озеро с берегами, изрезанными заливчиками и протоками. Чтобы обойти это препятствие, группе пришлось бы затратить больше времени, чем отсюда до поселка.

— Ничего не выйдет сегодня! — объявил, выругавшись в сердцах, Дрейк. — Пока мы туда доползем, начнет смеркаться. А нам ведь еще и домой нужно успеть. Да и не разглядим мы ничего толком в сумерках. Ладно, ребята, возвращаемся. Завтра сходим еще раз.

Неудача его расстроила, но делать было нечего, и они пустились в обратный путь. По дороге Дрейк молча размышлял. Его вновь охватило исчезнувшее сегодня утром нервное напряжение последних дней. Никто не любит поражений, хотя, подводя итоги, он вынужден был признать, что сделано не так уж мало. Взлетную полосу к этому моменту почти наверняка уже освободили, и теперь самолет из бухты Гиссела сможет беспрепятственно совершить посадку. Это плюс. С другой стороны, у них нет возможности сообщить начальству, что Гоу-Айленд готов к приему спасателей. Это минус. Появление на острове смертельно опасных и ядовитых маленьких зеленых тварей практически совпало по времени с появлением ночного убийцы. Оба события, несомненно, связаны, хотя проследить эту связь между ними пока не удалось. Это тоже минус. Ну а самый большой минус — присутствие на Гоу-Айленде таинственного монстра-призрака, которого никто не видел и о котором никто ничего не знает.

Добираться домой пришлось долго. Дольше, чем они рассчитывали. Поиски прохода к термальной зоне завели маленький отряд в какой-то бесконечный лабиринт болотистых низин, небольших озер и оврагов. Все эти преграды нужно было обходить стороной, поэтому, когда они наконец-то выбрались на возвышенное место и двинулись по прямой, уже начало смеркаться. Дрейк достал фонарик и щелкнул выключателем. Том Белден и грузчик тоже проверили свои фонари. Все трое, не сговариваясь, ускорили шаг, несмотря на усталость и подавленное настроение. За милю до поселка они увидели желтое зарево от окружающих территорию огней. От них поднимались в небо густые, черные клубы дыма. Дрейк представил себе, что произойдет с освещением, если на остров обрушится шторм, и мысленно содрогнулся. Ночной шторм — не такая уж редкость в это время года. И можно не сомневаться, что такая перемена погоды значительно осложнит и без того незавидное положение островитян, зато сыграет на руку затаившемуся где-то ночному чудовищу.

Характер почвы то и дело менялся. То они шли по темному, слегка пружинящему под ногами ковру из мха и перегноя, то спотыкались о торчащие из земли камни, то выбирались на гладкие, без единой песчинки, длинные языки базальтовых обнажений. Казалось, путь их в сгущающейся темноте никогда не закончится. Три небольшие рожицы местных низкорослых деревьев они обошли стороной. А потом огни поселка вдруг оказались совсем рядом, и можно было даже различить не только ангары, бараки и другие постройки, но и движущиеся около них человеческие фигуры. Дрейк сложил ладони рупором и закричал. Кто-то откликнулся на его зов, несколько островитян бросились навстречу, и вскоре трое путешественников пересекли границу освещенной территории в сопровождении почетного эскорта. Только тогда Дрейк почувствовал, как сильно вымотался за весь день.

Но стоило Норе улыбнуться ему своей милой улыбкой, как вся усталость куда-то улетучилась, а на смену ей пришло чувство радости и облегчения. Теперь, когда она была рядом, целая и невредимая, он мог наконец расслабиться и больше не волноваться за ее безопасность.

— До деревьев мы так и не дошли, — сообщил он девушке, долго вглядываясь в ее озаренное отсветами пламени лицо. — Завязли в болоте, искали обход и решили вернуться. Томас подстрелил котика. Браконьер паршивый! Сложили в бухте керн и оставили записку для морской пехоты, которая спешит к нам на выручку на всех парах. А у вас тут как, все нормально?

— Более или менее, — пожал плечами Нора. — Поймали еще с полдюжины тех зеленых недоростков и потеряли третью собаку. Этот дурачок решил поиграться и ткнулся в одного из них мордой. Через пять минут сдох. С тех пор все ходят очень медленно и смотрят только под ноги. В третьем ангаре все чисто вымели, расставили койки и светильники и проложили вокруг защитную полосу из солярки. Все переобулись в болотные сапоги, а Холлистер предложил воспользоваться для дополнительной иллюминации бортовыми огнями самолета.

Еще один плюс! Посадочные огни транспортника не уступят по мощности прожектору. Их даже в метель и туман издалека видно.

— Будешь дегустировать бифштекс из котика? — спросил Дрейк. — Томас уже, наверное, поставил мясо жариться.

— Томас? — удивилась она, всматриваясь в лица вернувшихся. — Он же был с вами! Что случилось?

У Дрейка все оборвалось внутри. После минутного расспроса он выяснил, что помощник кока на базу не возвращался и никакого мяса не приносил. А сумерки на дворе сменились ночным мраком.

— Каждый берет ружье, фонарь и столько бутылок с горючей смесью, сколько сможет унести, — осипшим от тревоги голосом инструктировал он группу, отправляющуюся на поиск. — Идем цепью, обозначая дорогу маркерными лампами. Если мы с ним разминемся в темноте, лампы послужат ориентиром и обеспечат Томасу хотя бы минимальную защиту. Фонарик у него есть, но если с ним что-то случилось по дороге...

Он по себе знал, как угнетает боязнь темноты, и от души сочувствовал бедняге, который сейчас, быть может, трясется от страха, пробираясь во мраке к дому по незнакомой местности и ежесекундно ожидая нападения безжалостного убийцы. Заблудиться он не мог — ночью отблеск окружающих поселок огней виден на очень большом расстоянии. Но если Томас где-то подвернул ногу или расшибся, свалившись в овраг, этот ориентир ему вряд ли поможет. Дрейк проклинал себя за проявленную слабость, нельзя было оставлять этого любителя острых ощущений на пляже, чтобы разделать тушу никому не нужного животного. В пылу азарта Томас мог навьючить на себя неподъемный груз, под тяжестью которого легко сорваться со скалы или

завязнуть в трясине.

Люди заряжали ружья, меняли батарейки в фонарях, прилаживали к поясам зажигательные бутылки, заправляли дизельным топливом маркерные лампы. Все понимали, что найти пропавшего в темноте — дело почти безнадежное, да и отправляться на поиск в ночь было страшновато, но иного выхода у них не было.

Подготовка близилась к завершению, когда в ночную тишину ворвался отчаянный вопль. Это был человеческий крик, вслед за ним прозвучал ружейный выстрел. Мгновение спустя Дрейк мчался в группе из шести человек. Лучи их фонарей беспорядочно метались во все стороны, выхватывая из мрака то каменистую осыпь, то поросшую темно-зеленым мхом прогалину. За спиной Дрейка что-то кричали, но он не обращал внимания и, задышавшись, продолжал бежать вперед, спотыкаясь о камни, скользя по траве.

Кто-то громко крикнул, требуя остановиться. Луч высветил в темноте какой-то серебристый предмет — фонарик. Стекло и лампочка разбиты. Мужчины посветили вокруг. Еще одна находка — дробовик с выгнутым под прямым углом стволом, из которого Томас днем застрелил котика. Чтобы так согнуть оружейную сталь, нужно обладать нечеловеческой силой.

Ружье валялось у края опушки небольшой рощи карликовых деревьев. Краем глаза Дрейк уловил в ней какое-то движение и предостерегающе закричал. Сбежавшиеся к нему люди успели заметить, как что-то большое быстро скользит между деревьями, двигаясь в глубь рощицы. Что это было, никто рассмотреть не сумел, но легко проследили его путь по треску сучьев и кольшущимся кронам задеваемых им деревьев. История повторялась: все видели, как шевелятся ветки, но кто это делает, оставалось загадкой. Впору поверить дурацкой версии Спеллинга о невидимке.

Срывающимся от злости голосом Дрейк начал отдавать приказания. Спустя минуту рощу окружили со всех сторон. Кто-то бросил бутылку с газолитом. Горючее вспыхнуло, языки пламени взметнулись выше деревьев. Еще через минуту роща оказалась в сплошном огненном кольце. Никто и ничто не могло теперь покинуть ее незамеченным. Расставленные по периметру наблюдатели внимательно смотрели, но внутри не было даже намека на движение. Люди знали: тот, кто им нужен, затаился среди деревьев, прячась от огня и света. Они были готовы ждать всю ночь, лишь бы не упустить врага.

От границы поселка потянулась цепочка огней. Она становилась все длиннее, постепенно приближаясь к окруженной кольцом пламени роще. Спустя некоторое время во мраке показались человеческие фигуры с маркерными лампами в руках. Они оставляли их за собой через равные интервалы. С вновь прибывшими мужчинами пришла Нора Холл. Она тоже зажигала и ставила на землю миниатюрные светильники, отмечавшие обратный путь к базе подобно вешкам на фарватере.

Дрейк схватил за плечо Тома Белдена.

— Быстро бери ее в охапку и веди домой! — прошипел он на ухо юноше. — Запри где-нибудь в безопасном месте и охраняй до утра. Все понял?

Белден закивал и испарился. Цепь горящих сухопутных бакенов гарантировала безопасность по пути к поселку. А Дрейк почувствовал, что разозлился по-настоящему. Вместе с Томом и упирающейся Норой он отправил еще несколько человек, пришедших вскоре с дополнительным запасом зажигательных снарядов. Начальник базы распределил бутылки между постовыми и подал команду.

По его сигналу несколько мужчин одновременно швырнули в рощу начиненные газолитом бутылки, те разбились — и деревья воспламенились. Охваченные огнем заросли орляка и «девичьих волос» корчились и на глазах чернели от лижущего их пламени. Все новые и новые бутылки летели, раздувая пожар до невиданных размеров. Не прошло и минуты, как все деревья

превратились в пылающие факелы. Огненный смерч устремился в черное, беззвездное небо и в считанные минуты достиг высоты многоэтажного здания. На сотни ярдов вокруг стало светлее, чем днем, и только причудливые тени людей хаотично перемещались внутри этого огромного светового пятна.

Внезапно со всех концов послышались восторженные крики. В эпицентре бушующего пожара началось стремительное круговращение, словно кто-то огромный корчился от боли и жара, в слепой ярости кидаясь то в одну, то в другую сторону и сокрушая все на своем пути. Обугленные стволы деревьев ломались как спички. Пылающие ветви отбрасывались на десятки футов. Но самое удивительное было в том, что никто так и не смог толком рассмотреть неистовствующее в пламени создание. Позже, когда все закончилось, ни один из свидетелей так и не сумел припомнить каких-либо его характерных примет или конкретных деталей.

Но в данный момент собравшихся вокруг пылающей роци людей волновало другое. Наконец-то они смогли отомстить за погибших товарищей, со злорадством наблюдая за агонией погибающего страшной смертью врага. Его сумбурные метания становились все слабее и слабее, потом окончательно затихли. Никто по-прежнему не видел тела поверженного противника, но люди были удовлетворены: они все-таки одержали победу.

Роца давно превратилась в кучу догорающих углей, но ее все еще окружало кольцо оцепления. Наученные горьким опытом островитяне не смыкали глаз до рассвета, время от времени подбрасывая в гигантское кострище бутылку-другую с горючей смесью. И только перед самым восходом солнца они прекратили это занятие, чтобы дать углям время остыть.

Утром место пожарища прочесали вдоль и поперек и даже просеяли золу и пепел в надежде обнаружить какие-то вещественные доказательства. Но людям опять не повезло. Они не нашли ни останков таинственного убийцы, ни костей, ни пуговиц, ни других металлических предметов. Они вообще ничего не нашли.

Только покрытые золой и пеплом черные, обугленные головешки.

Было около семи часов утра. Группа уставших из-за беспокойной бессонной ночи людей медленно брела в поселок вдоль цепочки маркерных ламп. Часть из них уже погасла, остальные продолжали чадить остатками заправленного в них горючего. Одежда и волосы возвращавшихся пахли дымом и гарью, глаза их покраснели и воспалились. Результат ночного бдения — сторевшая рожица и уничтоженный монстр, в течение трех суток наводивший страх на население Гоу-Айленда. Но в настроении этих мужчин не ощущалось радости и восторга от одержанной победы, потому что никто из них так толком и не понял, кого же они все-таки одолели. Логика и здравый смысл подсказывали, что враг потерпел поражение, но каждый почему-то был разочарован, как ребенок, которому вместо конфеты подсунули искусно сложенный пустой фантик, считая, что его одурачили.

Ведь все были абсолютно уверены в том, что чудовище пыталось скрыться в роцце, которая через несколько минут превратилась в пылающий ад. И оно оставалось там, когда огонь охватил все до единого деревья. Люди видели, как кто-то огромный и очень сильный мечется в пламени, круша стволы, отрывая ветки, швыряя во все стороны угли и горящий хворост. Потом они стали свидетелями мучительной агонии и гибели загадочного существа. Но при этом они не могли разглядеть ничего, кроме пылающих деревьев.

Им бы ликовать и радоваться, что чудовище погибло в огненной ловушке, так и не сумев из нее выбраться, но мысли каждого подтачивал червячок сомнения. И возник он оттого, что островитянам так и не удалось обнаружить мертвое тело монстра или хотя бы его скелет. И пропавшего Томаса тоже нигде не нашли...

Короче говоря, найденные на месте сторевшей роцци зола и пепел никого окончательно не убедили. Существо, список жертв которого перевалил на второй десяток, обладало, должно быть, мощной мускулатурой и имело хорошо развитый костяк. Ведь ствол ружья согнут, как проволочка. Поэтому утверждать с уверенностью, что люди окончательно избавились от смертельной угрозы, не решился бы никто.

Было понятно, отчего не светятся радостью лица вернувшихся на базу людей. Кроме того, они устали, зверски проголодались и очень хотели спать. А у дома их ждал приятный сюрприз. Издали заметив подходивший отряд. Нора Холл уговорила тоже не спавшего всю ночь кока, что чашечка горячего кофе с сэндвичем — это то, в чем особенно нуждаются сейчас отчаянные смельчаки. Ведь они до утра сражались с чудовищем, из-за которого кок лишился накануне одного из своих подручных. Девушка отправилась на камбуз вместе с зевающим поваром и посветила ему фонариком, пока тот в темных закоулках искал затаившихся зеленых монстриков, обнаруживших явное пристрастие к человеческому жилью. Она была рядом с коком, пока тот варил кофе и готовил легкую закуску, а потом помогла ему вынести подносы с угощением навстречу вернувшимся героям.

— Скорее выпейте это, шеф! — Нора сунула чашку дымящегося кофе прямо в руки шатающемуся от усталости Дрейку и одарила его сочувствующим взглядом.

— А потом уже будете рассказывать, что там произошло.

— А нечего рассказывать, — криво усмехнулся тот. — И я до сих пор не понимаю, что именно произошло! — Он поднес к губам чашку, отхлебнул, зажмурился от удовольствия и выпил все жадными глотками. — То ли мы эту тварь убили, то ли нет — точно сказать не могу. Что-то живое вертелось там в огне, как уж на сковороде. Но вертелось молча. Шуршало, правда, громко

— как крысы в подвале. Никогда не слышала? Омерзительный звук! Но самое странное, что

мы так и не увидели, что же это было! Понятия не имею, как...

Незаметно приблизившийся Сполдинг прервал его речь торжествующим возгласом:

— Ага! Я же говорил, что оно невидимо. Вы и сами этого больше не отрицаете!

Но Дрейка сбить с толку не удалось. Он отрицательно покачал головой и сразу возразил:

— Ничего подобного! Сгорая, обугливается даже абсолютно прозрачная плоть. Уж это мы бы заметили. Помимо этого, невидимый объект должен отклонять языки пламени. Но тогда мы увидели бы вместо монстра пустое пространство, куда огонь не мог проникнуть. Вы улавливаете мою мысль? В сплошном море огня неизбежно обнаружится даже невидимка — как если бы ее поместили в непрозрачный кокон. Да и не бывает в природе невидимых существ, что бы вы там ни говорили! Понятия не имею, как объяснить то, что мы наблюдали, но убежден: рано или поздно истина обнаружится. — Он снова тряхнул головой, словно желая прояснить затуманенный мозг, и озабоченно огляделся по сторонам. — Как прошла ночь? — обратился он к Норе, игнорируя Спеллинга.

— Без происшествий, — коротко ответила девушка. — Все в полном порядке.

На самом деле она немного слукавила, не желая огорчать любимого. Горстка оставшихся в поселке людей минувшей ночью была, как никогда, близка к вспышке массовой истерии. Густая тень, отбрасываемая строениями и ангарами, коптящее пламя наполненных соляркой бочек, необходимость ежесекундно всматриваться под ноги, чтобы не наступить на ядовитых зеленых уродцев, — все это угнетающе действовало на психику и держало людей в постоянном напряжении. Пустующий ангар, где днем все было подготовлено к ночевке, уже не казался им надежным убежищем ни от маленьких, прожорливых тварей, ни от чудовища-убийцы, рыскающего где-то в темноте и готового в любой момент воспользоваться оплошностью зазевавшегося человека. Никто уже не задумывался о том, что ангар окружала широкая полоса густой солярки, преграждающая доступ в помещение хвостатым монстрикам, и что внутри горят лампы, стоят кровати, стулья и тумбочки, а плотная парусиновая ширма отделяет женскую половину от мужской.

Немногие все же рискнули укрыться в ангаре, но ни один долго там не выдержал. Главный электрик сам отвел туда Элизу и уложил спать, но не прошло и получаса, как та выскочила из койки, захлебываясь от истерических рыданий. Толстая Гортензия сначала решила поспать, но тоже не вынесла одиночества и томительного ожидания. Всем, кто в ангаре задерживался хоть ненадолго, вскоре начинали мерещиться всякие ужасы, посторонние звуки и прочая ерунда. Поэтому большинство предпочло остаться на свежем воздухе. Одни завороченно вглядывались в отдаленное зарево над пылающей рощей, в которой, по слухам, затаился тот самый монстр. Другие потерянно бродили по территории, не зная чем заняться, но внимательно приглядывали за уровнем топлива в многочисленных самодельных светильниках, установленных вдоль периметра базы. Казалось, будто эта ночь никогда не кончится. И чем дольше она затягивалась, тем сильнее нарастал страх в сердцах людей. Страх перед таящейся кровожадной тварью, терпеливо ждущей в засаде, когда погаснет огонь и тьма поможет ей овладеть добычей.

Посреди ночи у кого-то сдали нервы. На безобидный шорох последовал выстрел из ракетницы, угодивший в дальнее крыло деревянного жилого барака. Сухие доски вспыхнули, как спички. Пожар потушили довольно быстро, но, чтобы выкатить из-под навеса пожарную машину с углекислотой, пришлось сначала запалить одну из четырех гигантских куч хвороста, приготовленных по приказу Дрейка. Пока пылал костер, все было отлично. К сожалению, он прогорел слишком быстро, и когда от него остались только угли, многим показалось, что в поселке стало еще темнее, чем прежде.

Второй инцидент был связан с потерпевшим аварию самолетом. Его еще днем выкатили со взлетной полосы и поставили возле ремонтных мастерских. Элиза случайно посмотрела в ту

сторону и заметила какое-то движение под крылом. Ее душераздирающий вопль едва не привел ко всеобщей панике. К счастью, все быстро разъяснилось: радист Спарк сидел в кабине, слушая эфир, а когда возвращался к остальным поделиться новостями, его увидела излишне впечатлительная девица.

А в целом, конечно, ничего серьезного не произошло. Если не принимать во внимание, что больше десятка взрослых, образованных людей всю ночь напролет тряслись от страха, упорно избегая закрытых помещений, и не покидали пределов освещенного пространства. Только в лаборатории Бичема до рассвета светилось окно, свидетельствуя, что ученый работает. Где-то после полуночи как вдруг разразилась отчаянной бранью и принялся топтать сапогами какую-то ползучую живность. Он так усердствовал, что потом трудно было что-либо опознать в образовавшемся месиве. Ближе к утру отличился Сполдинг. Ловко орудуя двумя дощечками, он что-то подхватил с земли, крича во весь голос: «Поймал! Поймал!» Но прежде чем на его зов сбежались люди, он успел бросить добычу в одну из наполненных горячей соляной жидкостью ям. Собственно говоря, зеленые монстрики почти не досаждали людям в ту ночь, но те все равно были так задерганы, что боялись сделать лишний шаг.

Нездоровую атмосферу надвигающегося кошмара не развеяло ни наступление утра, ни возвращение отправленного на поиски Томаса отряда. У тех, кто оставался на базе, были еще слишком свежи в памяти ночные страхи, а те, кто вернулся, утратили уверенность в том, что они вместе с роццей сожгли чудовище. Нет, они знали, что кто-то сгорел, но очень сомневались, что сожгли того, кого надо.

Дрейк допил вторую чашку кофе. В голове немного прояснилось, но появление Спеллинга он воспринял безо всякого удовольствия.

— Позвольте вам кое-что сообщить, — начал тот, скривив губы в ехидной усмешке. — Вы знаете о том, что люди, которые с вами были, буквально валяются с ног, но отказываются ложиться спать в своем бараке?

— Ну и что? — пожал плечами начальник базы. — В вашем распоряжении имеется целый ангар, надежно защищенный от проникновения монстра. Кстати, обеспечение защиты было возложено на вас, если мне не изменяет память. Скажите им, чтобы шли отдыхать в ангар.

— А я отнюдь не убежден, что предложенные вами меры достаточно надежны, чтобы защитить персонал от этих ядовитых гадов! — резко возразил завскладом.

Дрейк несколько раз моргнул. Веки горели, как будто кто-то насыпал ему в глаза пригоршню песка.

— Вот что я вам скажу, Сполдинг, — заговорил он усталым голосом. — Я тоже не совсем уверен в действенности принятых мер, в связи с чем хотел бы поручить вам чрезвычайно важное задание. Как известно, все холодильники у нас отключились, а запасы мяса разморозились. Скоро оно все равно протухнет, так что никому не повредит, если мы употребим малую толику на благое дело. Сходите на камбуз и попросите кока отрезать вам несколько кусков говядины. Разложите их где-нибудь на открытом месте и понаблюдайте, что будет. Мясо эти твари обожают, как нам наглядно продемонстрировал доктор Бичем, да и в дома они заползают, мне кажется, тоже за мясом. Только человеческим. Нападение на мисс Холл в моем кабинете это наглядно продемонстрировало. Если они клонут на приманку и поползут из всех щелей, уничтожить всю ораву будет несложно. Можно соорудить рядом с ловушкой высокую платформу, на которую им не взобраться, и посадить человека с дробовиком. Как только наберется определенное количество, разнести их, смести в сторону и ждать следующую партию. Получится нечто вроде охоты на живца из засады — таким методом, я слышал, иногда пользуются охотники на львов, тигров и другую крупную дичь. Если сработает, мы хотя бы получим некоторое представление о том, сколько их здесь развелось. Если же нет... Ну, тогда

просто прикончим дюжину-другую — все легче будет. Я вас больше не задерживаю, Сполдинг. Ступайте и займитесь делом.

Как только надоедливый парень скрылся из виду, Дрейк с облегчением привалился спиной к стене ангара. Уходя, Сполдинг выглядел изрядно разочарованным. Его наверняка взбесило, что такая перспективная идея пришла в голову не ему, любимому, а ненавистному начальнику. Ладно, пускай дуется. Может, поднатужится и родит что-нибудь полезное. Всегда проще усовершенствовать чужое изобретение, чем самому придумать что-либо оригинальное.

— Схожу-ка я побеседую с Бичемом, — изрек наконец Дрейк, не открывая глаз. — Вот только посижу еще немного и пойду. Не нравится мне, что он все время темнит. Я тут попробовал прижать его к стене, но ничего хорошего из этого не получилось. Твердит, что сам еще до конца не разобрался, а если с кем-нибудь поделится, примут за психа. А по-моему, он и так уже давно свихнулся от своих причуд! Придется мне на этот раз проявить характер и вытрясти из него все, что он считает галлюцинациями. Вдруг это совсем не ложные восприятия, а самые что ни на есть реальные факты? На этом чертовом острове обычные критерии не годятся. Поди разберись, кто нормальный, кто сдвинутый, когда у самого вот-вот крыша поедет!

Нора успокаивающе положила ему руку на плечо.

— Прошу тебя, не ходи сейчас никуда, — попросила она его. — Отдохни сначала, ладно? Я же вижу, как ты устал.

Дрейк упрямо покачал головой.

— Да, я устал, но я так зол, что не могу и думать об отдыхе! Понимаешь, в моей башке где-то прячется один малюсенький фактик, который грызет меня так, что буквально сводит с ума. Той ночью, когда монстр утащил собаку, мы с Томом прочесывали рошу, и я кое-что заметил. Не помню, что именно, но в памяти отложилось. И теперь я мучаюсь оттого, что упустил нечто важное. У меня такое ощущение, будто я смотрю в упор, но не вижу, потому что не знаю, на что гляжу. А самое поганое заключается в том, что я чувствую: разгадка совсем рядом, но никак не могу зацепиться за кончик и вытянуть всю цепочку. Ты уж меня прости, но я не могу отложить визит к Бичему, потому что только он один способен снабдить меня свежей пищей для размышлений.

Он уперся ладонями в днище перевернутого деревянного ящика, собираясь встать, но протестующий возглас Норы остановил его:

— Подожди! Сиди здесь, а я попрошу мистера Бичема прийти сюда. Ты себя так в гроб загонишь. Весь день на ногах, да еще ночь не спал! Сиди, сиди, я его сейчас приведу.

Руки и ноги Дрейка отяжелели так, словно налились свинцом. Он находился в той последней стадии изнеможения, когда даже шейные мускулы начинает сводить судорогой от необходимости поддерживать голову в вертикальном положении. Стоит ему сейчас подняться, и он вряд ли устоит на ногах.

— Так я пошла? — робко спросила Нора.

— Постой! Ты в сапогах, я вижу. Хорошо, умница. Теперь слушай меня. Внутри лаборатории не заходи. Постучи в окошко. Если этих древовидных скорпионов привлекает запах человечины, у Бичема под дверью уже собралась, наверное, целая стая. Скажи ему об этом — пускай побережется, когда будет выходить. И прихвати с собой палку или дубинку. Стоп, еще минутку. Том! Эй, Томми!

Юный Белден не заставил себя долго ждать. Торчал, наверное, где-нибудь за углом в ожидании, когда кому-то из них потребуются его услуги.

— Я старый, больной человек, Том, — устало сказал Дрейк. — Пока я не отдал концы прямо на этом ящике, отправляйся с мисс Холл и приведи ко мне Бичема. Точнее говоря, доктора приведет она, а ты смотри в оба, чтобы ей кто-нибудь не помешал.

Томми понимающе закивал, расправил плечи и вслед за девушкой зашагал к лаборатории. В ней, подумал начальник базы, скрытный биолог наверняка успел узнать массу нового об омерзительных кусачих уродцах, но не спешил пока поделиться своими открытиями с народом. Оставшись один, Дрейк позволил себе чуточку расслабиться.

Это была чисто физическая реакция, потому что мозг его продолжал усиленно работать. Возможно, даже более интенсивно. Сидя с закрытыми глазами на обитом жестью деревянном ящике и привалившись спиной к металлической стенке ангара, Дрейк ощущал окружающую его атмосферу с какой-то необыкновенной остротой и пронизательностью. Несмолкающий гул приборя отошел куда-то на второй план, не заглушая больше ни крика одинокой чайки, возвращающейся с охоты к родному гнезду, ни голосов людей, обменивающихся ночными впечатлениями. Кто-то, поминутно чертыхаясь, втолковывал слушателям, что монстр, безусловно, сгорел, но сам рассказчик поверит в его смерть, только когда увидит мертвое тело чудовища.

Голова Дрейка работала в эти минуты, как идеально подогнанный и хорошо смазанный механизм. И главной мыслью была: случившееся на Гоу-Айленде никак не противоречит основным законам природы. Причиной последовательного ряда таинственных и трагических происшествий могло быть некое неизвестное и неисследованное явление, но суть этого явления должна иметь рациональный корень. Все на свете может быть истолковано с позиций здравого смысла — при условии, разумеется, что толкователь обладает необходимой полнотой информации.

Бичем такой информацией обладал, но делиться ею почему-то не торопился. Взять хотя бы его утверждение, что монстрики боятся нефтепродуктов. По словам биолога, это он выяснил случайно. Но можно ли ему верить? Откуда у него в лаборатории солярка или машинное масло? С другой стороны, ученый мог прийти к тому же выводу путем логических рассуждений, а уже потом проверить на практике. Такой вариант больше похож на правду. Отсюда следовало, что, во-первых, Бичему известно гораздо больше, чем он говорит, а во-вторых, маленькие зеленые паразиты так же подчиняются законам природы, как и все другие живые организмы, в том числе смертоносное ночное чудовище.

Дрейк почувствовал, что снова начинает злиться. В особенности на себя. Он был уверен, что в закоулках его памяти тоже содержится достаточно информации для решения проблемы. И в этом начальник базы не ошибался. Другое дело, что он сейчас находился в положении сыщика, ведущего расследование запутанного преступления. Разгадка уже близка, но чтобы найти ее, необходимо получить ответы еще на несколько второстепенных вопросов, которые могут помочь прояснить ряд уже известных фактов. Эх, если б еще знать, что это за вопросы и кому их следует задать?!

Вернулась Нора. Том Белден, небрежно помахивая железным арматурным прутком, шел за ней по пятам. При виде их в мозгу у Дрейка как будто сработало застопорившее реле. Теперь он мог сформулировать по крайней мере один вопрос, ответ на который должен был существенно облегчить его основную задачу.

— Доктора Бичема в лаборатории не было, сэр, — доложила девушка деловым голосом идеальной секретарши, — но мы все равно его разыскали. Как вы и предсказывали, за дверью собралось с полдюжины зеленых дьяволят. Они скреблись у порога и пытались проникнуть внутрь. Когда мистер Бичем приоткрыл дверь, они сразу же поползли в помещение. Хорошо, что он не растерялся, схватил сачок и поймал их всех живыми. В процессе исследований ему пришла в голову интересная идея, и он вышел на улицу, чтобы ее проверить. Там мы его и нашли. Знаете, что он сделал? — В глазах у Норы заплясали веселые чертики. — Пошел на камбуз и попросил кока отрезать несколько кусков сырого мяса! — Дрейк не выдержал и

расхохотался, вспомнив недавний разговор со Сполдингом. Нора продолжила, с трудом сдерживая смех:

— Он раскидал приманку в разных местах, а вокруг насыпал какой-то отравы. Говорит, что результаты весьма обнадеживающие. С нами он идти отказался, сказал, что очень занят и сам вас потом разыщет.

— Пожалуй, метод Бичема гораздо эффективней, чем тот, который я предложил Сполдингу, — усмехнулся Дрейк. — Представляю, как он сейчас, наверное, рвет и мечет. А, ладно, плевать я на него хотел! Томми, дружище, могу я тебя попросить об одной услуге? Только умоляю: будь осторожен.

— Слушаю вас, сэр, — откашлялся юноша и гордо расправил плечи.

— У меня в данный момент такое ощущение, что если я шевельнусь, то тут же развалюсь на составные части, — признался уставший начальник. — Нет, я знаю, что ничего не случится, но мое брненное тело отказывается этому верить. Пока я здесь сидел, меня тоже посетила одна замечательная идея, от которой до сих пор мурашки по спине бегают. Но проверить ее необходимо. Ступай к четвертому складу, где сложено все, что мы выгрузили из самолета. Среди прочего там имеется запакованный тюк с деревьями из Антарктиды. Я хочу, чтобы ты внимательно осмотрел эти деревья. Но только после того, как полностью откроешь створки больших ворот в торце. У меня такое предчувствие, что свет тебе не помешает.

— На что следует обратить внимание при осмотре, сэр? — спокойно спросил Том, которого, похоже, несколько не испугали туманные намеки Дрейка на опасный характер задания.

— Позавчера я беседовал с Бичемом, и он мне пожаловался, что кончики ветвей некоторых экземпляров то ли обломаны, то ли обгрызены. Он подозревал, что виновато в порче какое-то живое существо, паразитирующее на этих деревьях в естественной среде и попавшее в самолет вместе с грузом. Вот ты и посмотришь, нет ли там чего-нибудь похожего. Особо присмотришься к корням и кронам — они торчат снаружи. Но близко не подходи, а еще лучше — вообще не заходи внутрь. Деревья сложены рядом с дверью, и все, что нужно, ты увидишь. Но сам оставайся на свету. Ты меня понял? Все время оставайся на свету!

— Все ясно, сэр!

Болезненно поморщившись, Дрейк слегка повернул голову, наблюдая за Белденом. Вот он подошел к торцу ангара, распахнул до отказа сначала одну тяжелую створку ворот, потом вторую. Остановился на пороге, вытянув шею и пристально вглядываясь внутрь. Даже приложил ладонь козырьком ко лбу, защищая глаза от солнца, хотя сегодня сияние его не было особенно ярким из-за окутавшей остров легкой туманной дымки. Постоял минуту-другую и вернулся назад, недоуменно хмуры брови.

— Большинство веток выглядят так, как вы сказали, сэр, — доложил он. — Кончики отломаны или объедены — точнее сказать не могу, темновато там все-таки. Заметил пару зелененьких на полу. Но на деревьях все чисто, сэр!

— Очень хорошо. А теперь найди доктора Бичема и перескажи ему слово в слово все, что ты мне сейчас сообщил.

Том ушел. Дрейк продолжал сидеть неподвижно. Спустя минуту он приоткрыл один глаз, посмотрел на девушку и сказал:

— Не знаю, что за нечисть свила себе гнездышко в четвертом ангаре — большая или маленькая, — но одно мне ясно: пока мы все рыскали по острову или просто ходили мимо, ни о чем не подозревая, она обосновалась там, прямо у нас под носом. Когда я впервые это сообразил, у меня чуть волосы на голове дыбом не встали. Сейчас, правда, эта мысль уже не внушает мне прежнего ужаса. Ты случайно не знаешь почему, Нора?

Она медленно покачала головой и подошла к нему. Дрейк по-прежнему не шевелился. Он отдыхал. И пока он так сидел — с припухшими, покрасневшими веками и осунувшимся от усталости лицом, — девушка испытывала какое-то необъяснимое удовлетворение от того, что находится с ним рядом и, как может, оберегает его покой. Повинуясь внезапному импульсу, она долго смотрела на Дрейка полным сочувствия и материнской нежности взглядом. Словно почувствовав его сквозь закрытые веки, он приоткрыл глаза и слабо улыбнулся в ответ.

— Нора, девочка моя дорогая, — сказал он вполголоса, — если тебя сейчас кто-нибудь увидит, скандала не миновать. А самое обидное заключается в том, что мы с тобой до сих пор не давали коллегам ни малейшего повода. Полагаю, самое разумное присесть со мной рядом, достать блокнот и карандаш и сделать вид, что ты старательно записываешь мои мудрые мысли. Или хотя бы стенографируешь тезисы моего будущего рапорта начальству. Жаль только, я не могу отпустить тебя за блокнотом — под крышей сейчас далеко не так уютно, как на свежем воздухе. И гораздо опаснее.

— Не извольте беспокоиться, шеф, — усмехнулась девушка. — Блокнот и карандаш я всегда ношу с собой, как и подобает секретарше странного типа, которому удачные мысли чаще всего приходят в голову не в служебном кабинете, а где-нибудь на пленэре.

— Как же, как же! — сокрушенно вздохнул Дрейк. — Помнится, я изобрел этот метод специально для того, чтобы поменьше торчать с тобой в офисе и не давать пищи для пересудов тем, кто посмел бы заподозрить нас во внеслужебных отношениях. Когда я его придумал, мне казалось, что это очень умно. И еще я надеялся, что, гуляя, мы лучше узнаем друг друга. В этом, по-моему, мы с тобой преуспели. Ты не находишь, что, поступая так, я вел себя как хитрый, коварный, беспринципный и абсолютно аморальный тип?

Нора молча притащила еще один ящик, перевернула его кверху дном, уселась рядом, достала карандаш, раскрыла блокнот и принялась усердно покрывать чистый лист какими-то бессмысленными закорючками.

— Ты тоже ужасно хитрая и изобретательная особа, — одобрительно прошептал Дрейк, покосившись одним глазом на открытый блокнот. — Признайся, долго мне удавалось морочить тебе голову?

— Ровно пятнадцать минут! — фыркнула девушка. — Но я все равно тебе очень благодарна, любимый. Ты так старался не показать мне, как страстно хочешь, чтобы я тебя полюбила, что я просто не могла не откликнуться на столь прямолинейное проявление рыцарского отношения к женщине.

— Ах ты черт! — огорченно присвистнул поклонник. — А я-то, болван, так гордился своим планом! Искренне считал, что переплюнул самого Макиавелли.

— Но ты был таким смешным и милым! — вздохнула Нора.

Дрейк почувствовал, как он счастливо улыбается.

— В один прекрасный день, — произнес он мечтательно, — мы окажемся с тобой вдвоем в таком месте, где ни у кого не повысится давление только от того, что ты на меня посмотрела. Когда-нибудь мы с тобой сможем...

— Тс-с-с! — прошипела сквозь зубы Нора, деловито склоняясь над исчерканным блокнотом. — Кто-то идет!

Дрейк быстро сориентировался и заговорил корявым канцелярским языком, которым владеют чиновники любого ранга.

— Исходя из вышеизложенного, вынужден с сожалением отметить, что не имею возможности констатировать с достаточно высокой степенью достоверности факт гибели объекта или объектов, предположительно животного происхождения, в огне пожара, возникшего в результате проведения оперативных мероприятий по экстренному розыску

пропавшего без вести работника пищеблока мистера Томаса... — Он оборвал витиеватую фразу на полуслове и сухо кивнул: — Доброе утро, Бичем.

Горящие лихорадочным огнем глаза ученого за истекшие сутки как будто провалились. Руки его тряслись, голос звучал безжизненно и глухо.

— Белден сказал, что кто-то обгрыз или обломал кончики веток хранящихся на складе деревьев. И что это вы послали его посмотреть.

— Верно. Я просто вспомнил наш с вами разговор и решил проверить. Я подумал...

— Я побывал на складе еще вчера, — прервал его биолог, — и провел аналогичное наблюдение.

— Так вы еще вчера знали, что кто-то пасется прямо у нас под носом?! — поразился Дрейк. — И ничего никому не сказали?!

— Все не так, — поморщился Бичем.

Собеседник удивленно приподнял бровь.

— Что не так?

— Вы же сами поручили мне заняться поиском средств борьбы с ядовитой псевдофлорой! — Ученый развел руками, выражая недоумение. — Вот я и занимался. Более того, я уверен, что справился с этой задачей. Мне очень хотелось проследить их жизненный цикл от начала до конца, но я не осмелился тратить на это время, так как понимал, что проблема контроля является первоочередной. — Он нервно провел языком по пересохшим губам. — Сегодня на рассвете я расставил несколько ловушек с сырым мясом. Землю вокруг приманки и мясо посыпал порошком, в состав которого входит аминотриазол, который, безусловно, смертелен для маленьких чудовищ. В этом я убедился, когда не только пойманные мною экземпляры, но и еще около десятка тварей, привлеченных запахом лакомства, погибли после первого же контакта с отравой.

Дрейк выжидающе молчал.

— Но что меня поразило, — продолжил грустно ученый, — так это весьма специфическая реакция наблюдаемых объектов. Понимаете, они погибали, не съев отравы, а просто прикоснувшись к ней. Печально известный ДДТ убивал вредителей таким же образом — при непосредственном контакте. Аминотриазол их не отпугивает, как нефть или солярка. Они ползут по нему к мясу и погибают, не успев даже коснуться приманки.

— В жизни не слышал о такой гадости, как ваш аминотриазол, — заметил Дрейк, — но был бы рад узнать, что у нас на складе его полно.

Бичем отрицательно покачал головой и снова облизал губы.

— Боюсь, запасы не так велики, как хотелось бы. Я нашел несколько упаковок среди мешков с удобрениями и пакетиков с семенами. Все это добро валяется с тех Пор, когда базу на Гоу-Айленде только начали строить. Какому-то умнику пришло в голову, что по окончании строительства мы непременно разведем тут цветники и газоны, чтобы меньше скучать по дому. Аминотриазол применяется для уничтожения сорняков.

— Послушайте, — встревожился Дрейк, — я так и не понял, что случилось с деревьями, которые мы оставили на складе? Концы веток у них объедены, но вы утверждаете, что туда никто не проникал. Что, черт побери...

— Давайте не будем делать преждевременных выводов, — быстро заговорил биолог, почувствовав, что настроение собеседника стало другим. — У меня имеется масса догадок, но очень мало доказательств. Повторяю: очень мало, но все-таки есть. Позвольте сначала продемонстрировать вам некоторые из них, а потом мы продолжим разговор. У меня уже сложилась определенная версия, достаточно просто объясняющая имеющиеся в нашем распоряжении факты, но я пока воздержусь ее высказывать. Посмотрите сами, а когда

сформируете собственное мнение, мы сравним наши впечатления. Если они совпадут, то будем точно знать, что делать. Добавлю только, что мои соображения не столь фантастичны, как это может показаться. Люди верили в это еще столетия назад и сложили множество легенд.

Дрейк удивленно поглядел на него, но Бичем закусил губу и глаз не отвел.

— Только не надо смотреть на меня так, будто я какой-нибудь неграмотный, суеверный пастух из захолустья, — дерзко сказал он. — Я не собираюсь забивать вам голову сказками о вервольфах-оборотнях и прочей ерундой. Аналогю провести, конечно, можно, но я имею в виду совсем другое. С точки зрения естественной эволюции в моей гипотезе нет ничего невозможного. Более того, в чисто биологическом аспекте она выглядит логически обоснованной и весьма убедительной. Все, о чем я вас прошу, это взглянуть на факты объективно и непредвзято.

— Уверяю вас, доктор, — живо откликнулся Дрейк, — что я вообще очень объективен — как по характеру, так и по должности. И с нетерпением жду того момента, когда вы предъявите мне обещанные доказательства. Ради того, чтобы узнать наконец, что же все-таки происходит на этом проклятом острове, я даже готов сию минуту встать. Только зажмите уши, чтобы не оглохнуть от хруста моих бедных суставов.

— Нет-нет, посидите пока, — замахал руками биолог. — Спешить нам некуда, да и я сейчас собирался установить пару дюжин дополнительных ловушек по периметру базы. Аминотриазола хватит еще на несколько дней, а к тому времени, надеюсь, надобность в нем вообще отпадет. Просто хотелось бы перед тем, как отправиться в путь, максимально обезопасить поселок и людей.

— И куда же мы с вами отправимся?

— Сначала к горячим источникам, а оттуда завернем на птичий базар. Я вам кое-что покажу. И если мы оба придем к единому мнению, сразу станет понятно, кто наш враг и как с ним бороться. Я, правда, не совсем уверен, получим ли мы сверху санкцию на уничтожение...

— Что вы несете, Бичем?! — грубо оборвал ученого Дрейк. — Какие еще, к дьяволу, санкции, когда уже погибли люди и три ни в чем не повинных пса. К тому же молодые женщины подвергаются смертельной опасности, а здоровые парни — и я в их числе! — дрожат от страха и не знают, что делать? Нет, друг мой, уж если я найду эту поганую тварь, которая всех нас довела до ручки, то буду драться с ней, пока не прикончу, без всяких уведомлений, санкций и служебной переписки!

— Д-да, наверное. Боюсь, у нас просто не будет другого выхода. Но я должен вас предупредить, что могут возникнуть большие трудности. Очень большие. Вы даже не представляете, с чем мы столкнулись! — Доктор явно был очень взволнован.

— Ничего, как-нибудь справимся, — успокоил биолога Дрейк. — Бороться с трудностями — это моя стихия. К тому же мне за это еще и жалованье платят. Ладно, ступайте ставить ваши ловушки и не скупитесь на отраву. Кстати, было бы неплохо соорудить что-нибудь в этом роде для нашего монстра. Хорошая идея, жаль только, что мы раньше об этом не додумались. Может, это и нечестная игра, но против чудовища, которое рыщет в темноте и охотится на людей, все средства хороши. Не время вспоминать о правилах, когда тебя бьют ногой ниже пояса.

— Д-да, наверное, — грустно повторил Бичем. — Я попробую что-нибудь придумать. Только попозже. Сначала я должен расставить ловушки и обезопасить людей, а потом мы с вами прогуляемся.

Он еще потоптался немного в нерешительности и ушел. Дрейк резко повернулся к Норе.

— Обезопасить людей! — выдохнул он с горечью. — Ну и фрукт! Ты можешь себе это представить? Я не в состоянии! О чем он раньше думал, когда я с ума сходил от одной мысли, что с тобой что-нибудь случилось, пока меня не было в поселке? Нет, каков все-таки негодяй!

— Тихо, успокойся, пожалуйста, — нежно прошептала девушка, снова сделав вид, будто занята своим блокнотом. — Он хороший человек и тоже очень переживает. Только по-своему. Знаешь, я думаю, мне тоже следует отправиться с вами. Буду делать заметки.

Где-то за скалами глухо громыхал прибой. Бичем с Томом Белденем обходили поселок. Юноша нес ведро с крупными кусками сырой говядины. Кок не поспешил на отборную, вырезку — все равно выбрасывать, раз холодильники не работают. Биолог шел следом, держа в руках бумажный пакет с гербицидом, обнаруженным на складе среди семян, удобрений и садовых инструментов.

Том остановился и вывалил на землю кусок говядины полфунта весом, а Бичем аккуратно посыпал тончайшим слоем белого порошка приманку и грунт в радиусе пяти футов от нее. Закончив с этой ловушкой, они пошли дальше. Следующий кусок мяса обработали напротив ворот четвертого склада, где Белден недавно заметил парочку зеленых уродцев — или представителей псевдофлоры, как высокопарно именовал их биолог.

Здесь они, правда, столкнулись с конкуренцией. Сполдинг встретил их в штывы и выразил протест против несанкционированных действий, ссылаясь на прямое распоряжение начальника базы. Сам он приволок стремянку и уселся на ней с дробовиком в руках, не сводя глаз с лежащего внизу антрекота и выжидая, когда на приманку накинется побольше голодных тварей, чтобы покончить с ними одним выстрелом. Еще пять минут назад Сполдинг страшно гордился порученной ему миссией и считал себя чуть ли не спасителем человечества. Теперь же он решил, что Дрейк придумал это задание специально, чтобы выставить его на посмешище. Заведующий складом был оскорблен.

Кок выволок на улицу столы и стулья из помещения столовой, а из камбуза вынес плиту и газовый баллон. Готовить на свежем воздухе, он решил, более безопасно, чем под крышей. Полчаса назад на кухне он чуть не раздавил пробравшегося туда монстрика.

Бичем разложил приманки в камбузе, комнате отдыха, кабинете Дрейка и в спальнях бараках. Завершив обход и опустошив ведро и пакет с отравой, биолог и Томми вернулись к первой ловушке и нашли там парудохлых «корешков», не успевших преодолеть и половины расстояния от границ отравленного круга до куска мяса в его центре. Третья по счету ловушка тоже сработала, но там пока валялась только одна жертва своего разгулявшегося аппетита. Подбирать мертвых монстриков никто не рискнул, помня о печальном опыте главного электрика; Того до сих пор донимали сильные боли, а три пальца на правой руке раздулись так, что стали похожи на сардельки.

Кок закончил возиться у плиты и кое-как накормил людей. Завтрак это или ленч — определить было сложно. Так, что-то промежуточное, зато питательное. Спаркс выбрался из кабины самолета и огорчил собравшихся сообщением о том, что идущий к острову эсминец получил штормовое предупреждение. На пути его следования образовался небывало сильный циклон с эпицентром в нескольких десятках миль к северу от Гоу-Айленда. Предполагалось, что скорость ветра в охваченной штормом зоне достигнет восьмидесяти узлов.

При таких погодных условиях нечего было и надеяться на вылет самолета из бухты Гиссела. Предыдущий рейс завершился полным фиаско, а присутствующие на борту члены комиссии доложили о заблокированной посадочной дорожке и невероятных заявлениях начальника базы. Теперь едва ли у кого хватит смелости рискнуть машиной и экипажем, направив их в разгар урагана на окутанный туманами островок. Ведь с его обитателями даже связаться невозможно, чтобы запросить метеоданные и выяснить, освободилась ли взлетная полоса. Так что до окончания шторма островитянам придется рассчитывать исключительно на собственные силы. На помощь им никто не придет.

— Весело! — с горечью заметил Дрейк, узнав от Норы о приближающемся стихийном

бедствии. — Мало нам головной боли от свалившейся напасти, так тут еще и шторм в придачу!
— Переживем как-нибудь, — попыталась успокоить его девушка. — Сколько их уже было.
— Ты забываешь, детка, что шторм — это не просто ветер, но еще и дождь, часто с мокрым снегом. Как, скажи на милость, мы будем поддерживать огонь по ночам и освещать территорию, если с неба непрерывно хлещет вода, а скорость ветра под сотню миль в час? — Он раздраженно махнул рукой и отвернулся. Нора молчала. Немного успокоившись, Дрейк снова заговорил: — Дорого бы я дал, чтобы наверняка знать, кого же мы все-таки сожгли ночью вместе с роццей? Ты знаешь, эта гадина, когда сцепилась с Томасом, вырвала у него из рук ружье и перегнула ствол пополам. Представляешь, какая силища?! Надеюсь все же, что монстра мы прикончили. — Голос его заметно ослаб, язык начал заплетаться. Дрейк еще нашел в себе силы, борясь со сном, и пробормотал: — Бичем ведет себя так, будто знает что-то определенное. Будем надеяться, что у него мозгов побольше, чем у меня. Но мне все равно нужно как-то...

Он заснул, так и не договорив фразу. Заснул, сидя на деревянном ящике и привалившись спиной к металлической стенке складского ангара. А Нора, сидя рядом с ним, оберегала его сон. От ее зоркого глаза не укрылся бы и самый маленький монстрик, а ее чуткое ухо уловило бы характерный шорох задолго до приближения мерзкого паразита. Проходящие мимо по своим делам островитяне старались соблюдать тишину, заметив спящего начальника и предостерегающе поднесенный к губам указательный палец его секретарши. В другое время поведение Норы непременно стало бы основанием для возникновения массы сплетен и кривотолков, но сегодня у каждого накопилось столько собственных проблем, что чужие уже никого больше не волновали.

Дрейк безмятежно спал, пока Бичем и его юный помощник занимались расстановкой отравленных ловушек. Они разбросали уже начавшее пахнуть тухлецей мясо по всему поселку и даже за его пределами, уделив особое внимание четвертому ангару и прилегающей к нему территории. Затем они подошли к окружающим базу скоплениям карликовых деревьев, где мог прятаться большой монстр. В каждой роцце биолог раскидал по пять-шесть крупных кусков говядины, но посыпать их аминотриазолом не стал. В этих приманках отравляющие вещества находились внутри, они были рассчитаны на крупного зверя. Напоследок Бичем еще раз обошел все ловушки в сопровождении Тома Белдена и убедился, что все они функционируют более чем успешно. Кое-где валялось больше десятка зеленых трупиков, но в большинстве случаев трофеи ограничивались одной-двумя особями.

Биолог мог гордиться результатами, но количество сползшихся со всей округи тварей ужаснуло его. Когда он пришел будить начальника, чтобы вместе с ним отправиться на обещанную прогулку, лицо ученого выражало откровенную озабоченность. Нора встретила его холодно, и тот смутился под ее отнюдь не дружелюбным взглядом.

— Мне очень жаль, мисс Холл, беспокоить сон мистера Дрейка, — сказал он извиняющимся тоном, — но мы договорились сходить к гнездовьям и к термальным источникам. Это очень важно, поверьте! Там сможем выяснить наконец, с чем имеем дело.

— Тогда я тоже иду с вами! — дерзко объявила девушка. — Днем ходить по острову безопасно, а если даже это не так — все равно пойду!

Бичем замаялся.

— Собственно говоря, я не против, — неуверенно сказал он. — Вы могли бы взять дополнительно дюжину-другую зажигательных бутылок, да и лишний свидетель не помешает, но...

— Никаких «но»! — отрезала Нора. — Я иду с вами, вы не сможете мне запретить!

Она склонилась над Дрейком и осторожно разбудила. Тот приоткрыл глаза и встретился с ней взглядом. Лицо его озарилось счастливой улыбкой.

— Просыпайся, дорогой, — нежно прошептала она. — Нам пора идти. Мистер Бичем уже закончил свои дела и готов сопровождать нас.

Ученый смущенно заморгал, услышав столь интимное обращение. Теперь он уже не смел спорить об ее участии в экспедиции. Дрейк выпрямил спину, сел и встряхнул головой, прогоняя остатки сна. Секунду или две спустя он полностью пришел в себя и спросил совершенно нормальным голосом:

— Который час?

Нора ответила. Ее шеф с хрустом потянулся всем телом и тяжело поднялся с ящика, морщась от боли в затекших мышцах.

— Зря ты мне позволила так долго спать, — сказал он, с упреком поглядев на девушку.

— Нет, не зря! — уверенная в собственной правоте, возразила Нора. — Тебе необходимо было отдохнуть. Да и времени мы совсем не потеряли. Доктор Бичем только что закончил расставлять отравленные ловушки. Мелкие монстрики ползут со всех сторон и тут же погибают. И еще он приготовил угощение с начинкой для большого монстра, только я думаю, это ни к чему, потому что вы его уже сожгли ночью.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнес Дрейк. — Сполдинг тогда довольно убедительно распинался о том, что их может оказаться несколько. Но это мы выясним, когда посетим птичий базар. А ты, как я понимаю, задумала отправиться с нами?

— Да, задумала! — с вызовом ответила девушка. — Только попробуй меня не пустить, и я всем расскажу, что мы с тобой тайно помолвлены, но ты хочешь меня бросить. Буду рыдать в три ручья, и мне сразу все поверят!

Дрейк мысленно оценил перспективу и усмехнулся.

— Хорошо, пойдешь с нами, шантажистка несчастная. Только, ты извини, придется тогда прихватить с собой и Тома Белдена. У меня времени за тобой присматривать может не оказаться, а вернуться нам необходимо до заката.

— Да уж, — пробормотал Бичем и слегка поежился.

Начальник базы направился к административному корпусу. По пути его догнал радист и официально доложил о перехваченном метеопрогнозе и приближающемся шторме. Дрейк остановился, поднял голову и посмотрел на небо, сплошь затянутое низкими свинцовыми облаками. Ясная погода редко баловала обитателей Гоу-Айленда, но сегодня ему показалось, что облака стали гораздо темнее и нависают ниже, чем в обычный пасмурный день.

— Благодарю вас, мистер Спаркс, — кивнул он. — Я распоряжусь, чтобы самолет лучше закрепили на ночь.

И сразу он разыскал Холлистера. Тот сидел за столиком, ежеминутно зевая над чашкой давно остывшего кофе. Припомнив прошлый разговор с механиком, Дрейк предложил ему, прежде чем закрепить самолет, сначала развернуть его так, чтобы посадочные огни были направлены на центральную площадь поселка. Если залить горючее и запустить один из двигателей, мощности бортового генератора с лихвой хватит для освещения. Когда налетит шторм, дождь и ветер неизбежно загасят все открытые огни. Тогда наступит пора включать бортовые прожекторы. Всю площадь с их помощью, разумеется, не охватить, но даже малая часть освещенной территории значительно лучше, чем полный мрак.

— Сделаем, мистер Дрейк, — пообещал Холлистер. — Лично займусь и ребяташек своих запрягу.

Навстречу Дрейку попался Сполдинг со сложенной стремянкой и ружьем за плечами, из которого ему так и не довелось ни разу выстрелить. Заведующий складом намеренно отвернулся и сделал вид, что не замечает начальника. Но тот сам его остановил, чтобы сообщить о предложенной Бичемом экспедиции к гнездовьям, где они попытаются вычислить количество

монстров, безобразничавших на птичьем базаре в ту памятную ночь.

— Доктор готов согласиться с вашей гипотезой о том, что чудовищ может быть несколько, — сказал Дрейк. Сполдинг слушал его с непроницаемым выражением на лице, и только искорки злобного торжества в глазах выдавали, что ему этот разговор далеко не безразличен. — А я пытаюсь сообразить, каким образом монстру удастся оставаться невидимым. Я по-прежнему не могу себе представить прозрачное существо, чья плоть имеет тот же коэффициент преломления, что и воздух. Но ведь есть и другие способы стать незаметным, мимикрия, например. Полагаю, вы правы, мистер Сполдинг, утверждая, что мы не способны видеть чудовище. Я признаю, что поспешил с выводами, и отдаю должное вашей проницательности. У меня к вам огромная просьба. Напрягите, пожалуйста, ваш интеллект и попробуйте сделать еще один шаг на пути к истине. Быть может, именно вам удастся сообразить, почему мы не сумели разглядеть убийцу ни среди деревьев, ни среди бушующего пламени? Я очень надеюсь на вас.

— Не в моих правилах давать невыполнимые обещания, мистер Дрейк, — ледяным тоном ответил Сполдинг, — но я согласен заняться на досуге интересующей вас проблемой. Только учтите, что я делаю это не ради вашей карьеры, а исключительно руководствуясь интересами моих коллег по работе, куда более склонных доверять очевидным фактам, чем некоторые безответственные личности.

На этом они расстались. Завскладом потащил дальше свою стремянку, причем казалось, будто в одночасье он подрос на целую голову, а Дрейк, незаметно ухмыляясь, пошел своей дорогой, высматривая Белдена.

Тома он нашел быстро и велел собираться, упомянув вскользь, что они сначала осмотрят посадки в зоне термальных источников, а затем отправятся на птичий базар, чтобы проверить догадку Сполдинга.

— До чего же неуживчивый мальч, — вздохнул Томми, услышав о Спеллинге.

— Ума не приложу, какой идиот в кадрах дал ему направление на Гоу-Айленд?

Дрейк благоразумно воздержался от ответа на этот риторический вопрос, тем более что сам его не знал. Нора была уже готова и полностью экипирована. Сапоги, джинсы, рюкзачок с бутылками, фонарь и дробовик облегченной модели. Поскольку здесь водились птицы, высокое начальство сочло необходимым обеспечить персонал охотничьим оружием. Правда, охота на птиц не была популярным видом спорта островитян. Отчасти это объяснялось тем, что мясо питающихся исключительно дарами моря пернатых было жестковатым и отдавало рыбой, но главная причина заключалась в другом. Хотя бы раз в жизни побывав на птичьем базаре и окунувшись в его специфическую атмосферу, человек, как правило, начисто лишался всякого желания охотиться на его обитателей. А убивать просто так, ради убийства,

— это уже извращение.

Вначале дорога пролегла по неровной, сильно пересеченной местности, поэтому на разговоры времени не оставалось. По краям заболоченных низин, где почва была помягче и пожирнее, среди поросших ломкой, жесткой травой кочек попадались заросли кергеленской капусты. Бичем торопился, и шагающему рядом с ним Тому Белдену пришлось приложить усилия, чтобы не отставать. Дрейк с Норой шли ярдах в ста позади.

— Не нравится мне это штормовое предупреждение, — озабоченно покачав головой, заметил начальник базы. — Тебе не кажется, что прибой сегодня шумит громче обычного? Если эпицентр циклона в полусотне миль от нас, штормовые волны могли уже добраться сюда. Да и ветер крепчает.

— Мы что, о погоде беседовать будем? — обиделась Нора. — И это после того, как я, презрев приличия и позабыв о своей девичьей чести, сама навязалась к вам в спутницы?!

Дрейк фыркнул, но тут же посерьезнел.

— Не забывай, что с нами Томми Белден, — мягко сказал он. — Согласен, я сам его пригласил, потому что он позаботится о тебе не хуже меня, но я не так жесток, чтобы дразнить ребенка. Ты разве не знаешь, что он в тебя влюблен?

— Что?! — изумилась девушка.

Дрейк вкратце рассказал ей о признании Тома на следующий день после того, как они вдвоем прочесывали рощу в поисках пропавшего пса и затаившегося монстра.

— Я разговорил его, и он был со мной откровенным, — закончил Дрейк. — А дело все в том, что тебе двадцать три, а ему всего девятнадцать. По его понятиям, он для тебя слишком молод, чтобы на что-то надеяться, но это не мешает ему обожать тебя издали. Парнишка он сообразительный и весьма наблюдательный. Он, оказывается, давно заметил, что ты на меня глаз положила, и вбил себе, в голову, что окажет тебе услугу, присматривая за мной. Все это мне пришлось вытягивать из него буквально клещами, и он слезно умолял не говорить тебе о его чувстве.

— Господи, а я ведь даже не догадывалась! — удрученно проговорила Нора.

— Конечно, он хороший мальчик, но...

— Бичем тоже неплохой мужик, — сказал Дрейк. — Иногда излишне склонен драматизировать, но панике, я думаю, не подвержен. Жаль только, слишком рационален, как все яйцеголовые. А Том, девочка моя, скорее даст себя убить, чем позволит причинить тебе вред. И мне спокойней, когда рядом с тобой двое таких решительных мужчин. Разве это не прекрасно?

— Это ужасно! — воскликнула Нора. — Я и не думала...

— Естественно. Но если мы так и будем плестись в хвосте, они скоро начнут волноваться, не случилось ли чего с нами. Но оглянуться и посмотреть не посмеют, будучи людьми тактичными и хорошо воспитанными.

Девушка надулась, но шаг ускорила. Минут через пять они нагнали спутников и в дальнейшем держались все вместе.

Далеко впереди, над грядой невысоких каменистых холмов, показалось возникшее из испарений горячих ключей облако, зимой и летом скрывающее от взоров долину гейзеров и разноцветных озер. Порывами ветра облако заметно отклоняло к востоку. Завидев цель, биолог заметно оживился.

— Я намеренно не стал искать место для посадки образцов в глубине термальной зоны, где девяносто процентов площади занимает минерализованная грязь, — пояснил Бичем. — Они нуждаются в минеральных веществах, но только в тех, которые являются результатом жизнедеятельности почвенных бактерий. А там, где в почве полно вредных окислов да еще чересчур жарко вдобавок, бактерии не выживают. И деревья, соответственно, тоже. Глубоко укорениться они не могут, потому что даже на небольшой глубине температура поднимается выше допустимого предела. Вы обратили внимание на длинный ворс, похожий на мех, которым покрыта корневая система антарктических деревьев? Это придаточные корни, устроенные по принципу капилляров. Они проникают в почву и высасывают из нее воду и другие питательные вещества. Но только из верхних, сравнительно холодных слоев. По той же причине основные корни не могут проникать в грунт глубже чем на дюйм или полтора, и в основном находятся на поверхности.

— Слабоват у них якорь для штормового ветра, — заметил Том. — Вы не боитесь, доктор, что шквал их выдернет?

— Будем надеяться, что пронесет, — с сомнением ответил ученый. — Место здесь низменное, высота саженцев всего шесть футов, да и корневая система довольно разветвленная. Кроме того... — Он вдруг замолчал и с удивлением огляделся по сторонам. — Послушайте,

Белден, вы, помнится, тоже помогли мне высаживать образцы. Вы не узнаете это место?

— Не волнуйтесь, доктор, те деревья я сразу узнаю, — рассмеялся юноша.

— Да-да, конечно, — пробормотал Бичем. Больше он ни о чем не спрашивал, но продолжал беспокойно озираться вокруг.

— Поверхностные корни! — внезапно воскликнул начальник базы. — Мне это определенно что-то напоминает!

Голос его звучал так странно, что Нора в тревоге обернулась и посмотрела на него. Лицо Дрейка перекосила мучительная гримаса, на лбу прорезались глубокие морщины. Он явно пытался что-то вспомнить — что-то очень важное!

— Одну минутку, доктор, — обратился он к биологу. — А ну-ка ответьте мне на один вопрос. Местные деревья — я имею в виду те, что растут на Гоу-Айленде, — они ведь не имеют поверхностных корней?

— Не имеют, — подтвердил ученый.

— Но я видел поверхностные корни! Прямо среди зарослей орляка и «девичьих волос»! И видел их в той самой роще! Тогда я не понял, что привлекло мое внимание, а когда вернулся посмотреть еще раз, там уже ничего не было. Не было, вы понимаете?! Боже правый! Вы понимаете, что это значит, Бичем?!

Он уже не говорил, а кричал. Побелевшие от напряжения пальцы судорожно сжимали карабин.

— Вы в самом деле видели в роще поверхностные корни? — решил уточнить биолог, глядя на него с изумлением. — Почему же ничего не сказали мне раньше? Это могло плохо...

Дрейк судорожно проглотил застрявший в горле ком и побледнел. Том прищурился и вытянул руку.

— Посадка где-то здесь, — сказал он уверенно. — Я помню ту красную лужу.

Он первым зашагал к знакомому месту. Остальные двинулись за ним. Через несколько минут Белден резко остановился, как будто наткнулся на невидимую стену. Дрейк, Бичем и Нора тоже замерли на месте. Перед ними лежала заросшая высокой травой и пышными клумбами керегеленской капусты лужайка, а в каких-нибудь тридцати футах от ее дальней границы поднимались в воздух грязно-серые клубы испарений и влажно поблескивала густая, жирная, вонючая, разноцветная от минеральных окислов грязь.

Биолог стал в отчаянии заламывать руки. Дрейк, с белым как мел лицом, словно не замечал его страданий. Нора растерянно переводила взгляд с одного на другого.

— В чем дело, мистер Бичем? — удивленно проговорил Том. — Мы же посадили их здесь, я точно помню! На этой самой полянке! Расправили корни и забросали их сверху землей — совсем немного земли, только чтобы держались. И ветки тоже расправили. Вы еще все волновались, чтобы мы ничего не сломали. А вот то место, где мы копали землю! Здесь стояло дерево. И здесь. И здесь тоже! Где же они?

Биолога охватила мелкая дрожь. У Дрейка заиграли желваки на скулах.

— Действительно, доктор Бичем, куда же подевались все деревья? — недоуменно спросила Нора. — Ни одного не осталось. Вы думаете, их съело чудовище, да?

— Боюсь, что ответ далеко не так прост, — отозвался вместо ученого Дрейк, но таким мрачным и зловещим тоном, что у девушки все заглодело внутри от страшного предчувствия. — Теперь вы довольны, доктор? Вы ведь именно этого ожидали, этого боялись, так? — саркастически спросил он. И смерил ученого неприязненным взглядом.

На того было больно смотреть. Он попытался что-то ответить, но не смог,

— только безвольно склонил голову и вновь принялся нервно заламывать руки. Поляна опустела. В тех местах, где пару дней назад стояли деревья из антарктического оазиса, остались

лишь разбросанные кучки свежевыкопанной земли. И больше ничего.

— Мы отправляемся к гнездовьям, — тем же мрачным тоном объявил Дрейк. — Сполдинг оказался прав, утверждая, что на птиц напал не один монстр. Попробуем сосчитать, сколько же их было на самом деле.

На этот раз он сам возглавил процессию. В его мощной фигуре, развороте широких плеч и в непроницаемом выражении лица угадывалась угрюмая решимость. Свой карабин Дрейк держал наготове, хотя до конца дня оставалось еще очень много времени. Сегодня, правда, даже светлое время суток было похоже на сумерки. А далеко над горизонтом свинцово-серые клубящиеся массы неторопливо закручивались в чудовищную спираль и, словно втягиваясь в гигантскую воронку, устремлялись к поверхности покрытого огромными валами моря. Там находилась зона пониженного давления — эпицентр циклона, — медленно, но неотвратно приближающаяся к Гоу-Айленду. И ветер дул сегодня сильнее обычного, а отдельные шквалистые порывы достигали скорости в тридцать — сорок миль в час.

Нависшую над южной оконечностью острова тучу из десятков тысяч разнообразных морских пернатых они увидели много раньше, чем окруженное скалами базальтовое плато, занятое птичьим базаром. Картина с первого взгляда была обычной, но, приглядевшись, можно было заметить определенные перемены в поведении здешних обитателей. Они выглядели более обеспокоенными и целеустремленными, чем в обычные дни. Словно предчувствуя непогоду, они совершали короткие рейсы от гнездовья к воде и обратно, спеша накормить птенцов и насытиться самим, пока шторм и ненастье не загонят их в укрытие, быть может, на несколько суток.

За весь путь Дрейк лишь однажды заговорил, да и то не с Норой, хотя девушка была абсолютно убеждена в том, что он ни на мгновение не забывал о ней.

— Когда вы все это вычислили, Бичем? И почему не поставили в известность меня? — спросил он строго.

— Когда произвел вскрытие первого образца псевдофлоры, хотя правильнее было бы называть их псевдофауной, — понурив голову, признался биолог. — Только поймите меня правильно, Дрейк! Как я мог кому-то сказать, если сам не в состоянии был в это поверить?! У меня такое просто в голове не укладывалось! Хотя с научной точки зрения все выглядит совершенно логично. Более того, если как следует вдуматься, эволюционный процесс в тех условиях не мог осуществляться никаким другим путем!

Начальник плотно сжал губы и больше не проронил ни слова. Он снова занял место во главе маленького отряда и ускорил шаг. Только в одном месте он задержался и жестом остановил бредущую следом Нору. Небольшой пяточок, сплошь заросший высокой болотной травой, не таил никакой опасности, но Дрейк, на всякий случай, основательно протоптал сапогами широкую тропинку. В шелесте травы ему померещилось характерное шуршание ядовитых зеленых монстриков.

Наконец они достигли точки, откуда открывалась широкая панорама птичьего базара и прилегающих к нему окрестностей. Сравнительно узкая полоса гнездовий тянулась на целых полмили с подветренной стороны гряды береговых утесов. Отсюда уже был виден океан. Гигантские темно-серые валы, словно вздыбленные кони, покрывали всю его поверхность от берега до линии горизонта. Шквальный ветер лохматил их гребни серебристыми гривами соленой пены. Достигая подножия скал, они с ревом и злобой обрушивали на неподатливый камень всю накопившуюся в них ярость, и казалось, будто там, внизу, грызутся не на жизнь, а на смерть полчища огромных, свирепых чудовищ. О мощи этой нескончаемой схватки можно было судить по тому, что даже сюда, почти за милю от берега, долетали мельчайшие водяные брызги, орошая лица и одежду четырех людей.

Бесчисленные стаи птиц вились над головами. Писк тысяч голодных птенцов сливался в один жалобный, требовательный вопль, а общий гам перекрывал даже громopodobный гомон прибоа. Размах крыльев некоторых крупных экземпляров поражал воображение, а та ловкость, с которой они маневрировали в воздухе, умудряясь не задевать собратьев, лихие развороты, уверенные заходы на посадку и точность приземления вызвали у зрителей невольное восхищение. В период активности пернатых птичий базар вызывал стойкую ассоциацию с крупным мегаполисом в часы пик, с той лишь разницей, что здесь, вместо небоскребов и жилых кварталов, вплотную друг к другу теснились бесконечные ряды гнезд.

Сверху хорошо просматривались отдельные участки, на которых гнезда были разрушены. Обездоленные пернатые уже начали вить новые, но пока их жилища не были готовы к заселению. Эпицентр разрушений пришелся на центральную часть базара, которая выглядела так, будто по ней прошло стадо взбесившихся буйволов. Повсюду валялись мертвые птицы, но их было не так много, учитывая масштабы бедствия. Некоторые из уцелевших хромали или волочили подбитые крылья, время от времени предпринимая отчаянные, но безуспешные попытки взлететь. У подножия холма, на вершине которого остановились Дрейк и его спутники, валялось оторванное птичье крыло.

Зловещая темная пелена заволочла линию горизонта, с каждой минутой увеличиваясь в размерах и приближаясь к острову. Казалось, будто облака над головой нависли так низко, что вот-вот сольются с землей.

— Эй, взгляните-ка сюда! — воскликнул вдруг Том Белден. — Как, черт возьми...

Он замолчал, изумленно и подозрительно разглядывая защищенную от ветра небольшую площадку у основания крутого утеса. Еще недавно этот пятачок сплошь покрывали птичьи гнезда. Сейчас там не осталось ни одного гнезда. На их месте стояло дерево.

Это было невероятно, невозможно. Это не укладывалось ни в какие рамки. Прежде всего, было совершенно непонятно, как могло вырасти дерево на голой скале? Толстый, кряжистый ствол около шести футов высотой опирался на крепкие, узловатые поверхностные корни. Покрывающие их темно-зеленые волокнистые отростки, похожие на густой мех или ворс, плотно присосались к грунту, вытягивая питательные вещества из тончайшего слоя здешней почвы. Крону дерева образовывали длинные, гибкие, змеевидные ветви, практически лишенные листы. Они раскинулись во все стороны, местами свисая почти до самой земли.

Дрейк до боли стиснул зубы, а Бичем уже бежал вниз по склону, спотыкаясь и падая, но ничего не замечая, стремясь поскорее добраться до оккупированной новым хозяином площадки. Это дерево родилось и выросло за тысячи миль отсюда, в оазисе Горячих озер, затерянном среди льдов самого южного на Земле континента. Потом оно попало на Гоу-Айленд и было высажено в грунт в долине термальных источников, расположенной в трех милях от птичьего базара. Никому и никогда не могло бы прийти в голову посадить его здесь, в самом центре птичьих владений.

Бичем почти достиг цели. Он перешел на шаг, потом остановился, тяжело дыша и по привычке заламывая руки. Внезапно безвольно обвисшие ветви дерева зашевелились и пришли в движение. Дрейк предостерегающе закричал. Нора отчаянно завизжала.

Дергаясь короткими, неуверенными рывками, словно преодолевая колоссальную инерцию, ближайшая к ученому ветвь распрямилась и стала вытягиваться. Соседние ветви тоже начали дергаться, постепенно увеличивая размах и скорость. Спустя мгновения вся крона превратилась в сплошную извивающуюся массу, похожую на щупальца разъяренного спрута. И эти щупальца жадно тянулись к застывшему в ужасе, как соляной столб, Бичему.

Все могло кончиться очень скверно. Неизвестно, что вывело ученого из транса в самый последний момент — то ли пронзительный визг Норы, то ли предупреждающий крик Дрейка? Собственно говоря, отреагировали они одновременно, когда тот стоял перед деревом, не предчувствуя опасности. То, что произошло, и в самом деле выглядело не угрожающе, а скорее даже декоративно. Как будто некий сумасшедший дизайнер со странным чувством юмора специально преодолел тысячи миль и прибыл на Гоу-Айленд. Его единственная цель — создать посреди птичьего базара на берегу маленького отдаленного островка гипертрофированное подобие перевернутой китайской шляпы. Практически полное отсутствие листьев и густота кроны в значительной мере усиливали сходство. А разоренные гнезда, скалы и валуны, покрытые толстым слоем птичьего помета и свалывшихся перьев, подчеркивали абсурдность зрелища.

Сцена напоминала ночной кошмар или замедленные кадры фильма ужасов. Бичема спасла, как выяснилось позже, ослабленная в дневное время реакция дерева-хищника. А в том, что это хищник, причем свирепый и опасный, несмотря на кажущуюся внешнюю безобидность, сомневаться уже не приходилось. Дерево было все-таки ночным хищником, и его извивающиеся ветви-щупальца, ориентированные на молниеносный захват добычи, на этот раз немножко запоздали. С приближением шторма вокруг заметно потемнело, но до настоящих сумерек и наступления ночи было еще далеко. В нормальных условиях дерево едва ли пробудилось бы в это время суток, но здесь, в непосредственной близости от тысяч птиц, присутствие которых раздражающе влияло на его рецепторы, спячка была нестабильной и неглубокой. Возможно также, несвоевременное пробуждение монстра вызвал оглушительный шум прибоя. А хорошо известно, что ни одно живое существо не может спать крепко, когда над ним бушует ураган.

Слепо шаря по воздуху, змеевидные ветви хищно тянулись к маленькому, толстенькому человечку, осмелившемуся подойти так близко к нему. Десятки извивающихся щупальцев готовы были уже оплести его тело своими объятиями и раздавить. Но рефлекс дерева-убийцы все еще были замедленны, к тому же крик Дрейка и Норы вывел Бичема из оцепенения.

Он отскочил назад, повернулся и бросился бежать. Ужас сковал его рассудок, но инстинкт самосохранения сработал и заставил ученого ринуться прочь, не разбирая дороги и ничего не видя перед собой. В эти мгновения им руководило только бессознательное стремление убежать от чудовища — все равно куда, лишь бы подальше. Биолог так торопился, что не смотрел под ноги; он поскользнулся, споткнувшись о торчащий из земли камень, и растянулся во весь рост, не пробежав и нескольких ярдов. Он попытался встать, но не смог. Лицо его исказила мучительная гримаса.

Дрейк бросился на помощь. Том Белден, скользя и оступаясь, побежал за ним. Нора тоже устремилась вслед за Дрейком, но не потому, что хотела выручить Бичема, а совсем по другой причине. Ее любимый мчался навстречу смертельной опасности, и она чувствовала, что должна быть рядом и разделить с ним риск, а если понадобится, то и участь.

Ветви дерева потянулись к распростертому биологу. Самые длинные из них со свистом секли воздух, ударяя по земле всего в нескольких дюймах от его ног. Щупальца пытались достать и ухватить ускользнувшую добычу. Даже ствол дерева накренился вперед, помогая веткам приблизиться к жертве.

Сорванную с пояса бутылку с зажигательной смесью Дрейк метнул на бегу. Она разбилась у подножия дерева. Газолин моментально вспыхнул, и взметнувшееся пламя в считанные секунды охватило монстра. Пылающая лужа растеклась по корням. Ворсистые питательные

отростки с жадностью впитывали жидкость, но тут же, сморщившись, чернели и отваливались.

В первые мгновения огонь не изменил поведения дерева. Оно по-прежнему протягивало свои ветви в сторону Бичема, стараясь во что бы то ни стало добраться до него. Но вскоре действия чудовища изменились. Уже только часть щупальцев продолжала охоту, а остальные, извиваясь, пытались ухватить и раздавить терзающие их языки пламени. Крона дерева-монстра все больше напоминала голову Медузы Горгоны, а тщетно сражающиеся с огнем ветви — сплетенный клубок ее змей. Все происходило в полной тишине и поэтому выглядело особенно ужасно. Охваченное огнем дерево не издавало ни единого звука. Монстр боролся и погибал в гордом молчании.

Дрейк добежал до Бичема и поднял ученого на руки. Подоспевший Том помог ему отнести биолога на безопасное расстояние. Хотя все действия парня были достаточно осмысленными и целенаправленными, он еще не успел справиться с шоком. Юноша не мог оторваться от невыразимо жуткого и одновременно поразительно завораживающего зрелища гибнущего в огне чудовища.

— Осторожно! — вдруг закричала Нора, шарахнувшись в сторону. — Тут полно маленьких монстриков! Ой, да они же совсем крошечные!

Вся площадка вокруг пылающего дерева буквально кишела микроскопическими зелеными тварями, которые десятками сыпались с горящих ветвей. В воздухе они были похожи на обыкновенные корешки, но, коснувшись земли, сразу приобретали уже знакомый облик: лишенная органов зрения передняя часть, туловище цвета коры и хвост из трех сложенных вместе стебельков с шипами. Некоторые попадали в огонь и сгорали, а избежавшие этой участи старались поскорее убраться из горячей зоны. Несколько особей поползли в сторону пригорка, куда Дрейк и Белден оттащили поврежденного при падении ногу Бичема.

Бледного как смерть биолога трясло, словно в лихорадке, зубы его стучали, но он все же, задыхаясь, прошептал:

— Уходите отсюда, мисс Холл, умоляю вас! Там слишком опасно!

Когда испуганная, с перекошенным от страха лицом Нора присоединилась к ним, Том и Дрейк снова подняли на руки рыдающего ученого и понесли вверх по склону. Тридцать футов. Сорок. Пятьдесят. За их спиной пылал и корчился в огне монстр-убийца. Корни его судорожно выгибались, царапая неподатливый камень.

Внезапно дерево прекратило сопротивление. Почерневшие, обуглившиеся ветви безжизненно повисли. Ствол еще какое-то время подергивался, клонясь то в одну, то в другую сторону, потом надломился и рухнул. Из прогоревшей насквозь сердцевины посыпались искры и взметнулся длинный язык пламени.

— Корни! Посмотрите на его корни! — срывающимся голосом закричала Нора.

Корни словно продолжали жить своей собственной жизнью. Они тоже горели, но не прекращали извиваться и вздрагивать до тех пор, пока не превращались в золу. Вскоре от дерева-монстра не осталось ничего, кроме толстого слоя белесого пепла. Налетающий порывами ветер подхватывал его и пригоршнями расшвыривал вокруг.

Над пепелищем поднимались вверх тонкие струйки дыма. Огонь погас, только тлеи еще несколько угольков. Поднявшись наверх, Дрейк и Белден положили биолога на землю. Том размял затекшие руки и неуверенно произнес:

— Скажите, мистер Дрейк, это все наяву, или я уже свихнулся? Как оно сюда попало, если я сам помогал высаживать все эти деревья в долине горячих ключей? И что это было? Кто-нибудь, ради бога, ответьте мне, *что это было?*

— Полагаю, нам лучше услышать ответ из уст доктора Бичема, — сухо сказал Дрейк. — Ну-ка соберитесь, доктор! Да сгорело оно, сгорело! Бояться больше нечего. Все в порядке.

Возьмите себя в руки и начинайте рассказывать.

— Это я... я во всем виноват! — хриплым голосом с трудом произнес биолог. — Я сам выпустил их на волю, хотя тогда и представить не мог, чем все обернется!

Начальник базы отвернулся, чтобы не видеть преисполненного запоздалым раскаянием ученого. Дрейк спустился вниз и остановился у покрытого пеплом пяточка. Носком сапога ловко отбросил в центр пожарища, где еще тлели угли, вяло подергивающегося монстрика с опаленным хвостом. Потом второго, третьего. Обошел вокруг сгоревших останков, методично швыряя в огонь уцелевших тварей. Одни сразу вспыхивали и моментально сгорали, другие еще долго корчились, потихоньку поджариваясь в горячей золе.

Убедившись, что в живых никого не осталось, Дрейк возвратился к спутникам.

— Наконец-то я понял, что собой представляют эти маленькие зеленые дьяволята, — сказал он мрачно. — Вы не поверите, но это всего лишь почки! Та гадина, которую мы сейчас сожгли, размножается почкованием. Когда они созревают, то сами отделяются от ветки и начинают жить самостоятельно. Но огонь заставил спасаться всех — в том числе еще незрелые почки. Вот откуда там было столько мелочи. А мы с вами гадали, доктор, почему у деревьев ветки то ли обломаны, то ли объедены. И псевдофлора ваша — это те же самые чудовища-людоеды, только еще маленькие!

— По-моему, у доктора Бичема перелом лодыжки, — негромко сообщила Нора.

Дрейк в бессильной ярости сжал кулаки, но когда заговорил, голос его звучал спокойно и уверенно.

— Значит, нам придется его нести. Выходим немедленно. До базы путь неблизкий, а время уже позднее.

Бичем, испугавшись, прекратил всхлипывать и заниматься самобичеванием, рывком сел и стал ощупывать больную ногу.

— Нет, кость цела, — решил он наконец, вздохнув с облегчением. — Всего лишь небольшой вывих или сильное растяжение.

— Что в лоб, что по лбу, — пробормотал себе под нос Дрейк и тоже склонился над ученым.

Перелом действительно не прощупывался. Нога, правда, уже опухла, и ступать на нее было слишком болезненно. Биолог смог бы еще, наверное, проковылять десяток шагов, но добраться до поселка самостоятельно ему точно не под силу.

Дрейк выпрямился и осмотрелся. Ветер заметно усилился, зловеще завывая между прибрежными утесами. Птицы косяками возвращались с охоты, но снова лететь в сторону моря уже не отваживались. Вдали над горизонтом на западе темнела широкая полоса сгустившегося мрака. Эта полоса возвещала не о скором наступлении ночи, а о приближении штормового фронта. Похоже, на этот раз метеорологи не ошиблись в прогнозах. Океан тоже потемнел и весь покрылся белыми барашками, а рев прибоя стал еще громче и яростней, чем полчаса назад.

Дрейк обратился к сидящему в неудобной позе биологу. В голосе его не было сочувствия — только ледяное презрение и плохо скрываемая враждебность.

— Придется вам обхватить нас за плечи и прыгать на одной ножке, Бичем. А мы с Томом будем играть роль костылей. Если попадется подходящее дерево, попробуем вырезать вам настоящие. Будет больно и неудобно, но другого выхода я не вижу.

Ученый закрыл глаза и слабым голосом произнес:

— Оставьте меня здесь. Это я во всем виноват. Смерть Кейси и Томаса на моей совести, вот и нечего меня спасать!

— Прекратите городить чушь, доктор! — рассердился начальник базы. — Времени еще уйма, как-нибудь доберемся.

Он нагнулся и решительно подхватил ученого под мышки.

— Я понесу его ружье, — предложила Нора.

Том с Дрейком совместными усилиями поставили Бичема на ноги. Одной рукой тот обхватил шею Белдена, другой — шею Дрейка. Уже первые шаги показали, что такой метод передвижения обладает рядом существенных недостатков. Во-первых, это было неудобно. Во-вторых, тяжело. В-третьих, ужасно медленно. На сильно пересеченной местности он вообще не годился. Но ничего лучшего предложить никто не мог.

Они тронулись в путь. Сильнейший порыв ветра, прорвавшийся сквозь береговые скалы, с такой силой ударил в спины, что едва не свалил их с ног. Скорость идущего прогулочным шагом пешехода составляет приблизительно три мили. Учитывая повисшего на них биолога и особенности рельефа, даже миля в час казалась недостижимым рекордом. Элементарный подсчет показал, что такими темпами они доберутся до поселка спустя несколько часов после наступления темноты. И Дрейк знал, что шторм доберется до них значительно раньше.

Небо темнело с молниеносной быстротой. Четверо обессиленных людей не успели преодолеть и мили, а остров уже окончательно накрыла серая, угрюмая пелена. Ветер крепчал. Его шквалистые порывы с ожесточением обрушивались на каменистую почву, смерч уносил в океан сухие листья, траву, мельчайшие частицы грунта и прочий мусор.

Том вел себя просто замечательно. Он тащил биолога безропотно, молча и не жалуясь. Лишь однажды, когда Бичем совсем выдохся и они остановились немного передохнуть, он неожиданно спросил:

— До сих пор в толк не возьму, как же то дерево добралось от горячих ключей до птичьего базара?

— Точно так же, как мы с тобой, — сердито буркнул Дрейк. — Ножками.

Юноша растерянно замолчал. Продвижение возобновилось. Они шли черепашьям шагом, то спускаясь в овраги и низины по крутым склонам, то взбираясь наверх по осыпающимся кручам. Пронизывающий ветер забирался под одежду и норовил сбить с ног. От него перехватывало дыхание и слезились глаза. Бичем не выдержал и прохрипел:

— Все, не могу больше! Руки отваливаются.

Поскольку у него действовала только одна нога, основная нагрузка приходилась на руки, которыми ученый держался за шеи спутников.

— Ладно, сейчас поменяемся местами, — устало проворчал Дрейк. — Заодно и передохнем пару минут.

Они отыскивали среди камней защищенную от ветра площадку и остановились. Белден, чья физиономия выражала решительное недоумение, снова отважился на вопрос:

— Что же это за дерево, если оно вовсе и не дерево?

Дрейк осторожно усадил Бичема на плоский валун. Ученый тяжело дышал и морщился, растирая руки, но потом все же решился объяснить.

— Ты не совсем прав, Том, — начал он. — Это все-таки дерево, только очень необычное. Я предполагаю, что они ведут свое происхождение от древних и давно вымерших видов, обладавших повышенной внешней чувствительностью, типа известных нам насекомоядных растений. Уверен, что данный фактор стал решающим в процессе их миллионлетней эволюции в условиях изолированного антарктического оазиса Горячих озер.

— Все равно не понимаю! — упрямо покачал головой Белден. — Откуда же тогда взялись маленькие уродцы? Я их сначала считал насекомыми, вроде жуков или гусениц.

— Они — потомство деревьев, — с грустью ответил биолог. — И к насекомым никакого отношения не имеют. Да, они умеют передвигаться, но это всего лишь растения. Я понял, как только препарировал первый мертвый экземпляр. Поэтому мне сразу пришла в голову мысль о солярке, а позже — об аминотриазоле. Это гербицид, с помощью которого уничтожают сорняки

на газонах, — пояснил он специально для Норы, которая не знала об употреблении данного препарата. — Оазис Горячих озер занимает площадь в сотни квадратных миль. Почва там подогревается подземной вулканической активностью — как у нас на острове в долине гейзеров. Геологические условия там сформировались миллионы лет назад, и обитающим в оазисе живым организмам пришлось либо приспособливаться, либо погибать. Специфика этого региона в том, что весной ночи короткие, а дни длинные. Осенью все наоборот. А летом и зимой дни и ночи растягиваются на месяцы. Растения легко приспособляются к непрерывному освещению, но не могут долго существовать в темноте. Им необходим солнечный свет, иначе они перестают усваивать извлекаемые из почвы питательные вещества.

— Пора идти, — бесцеремонно прервал его начальник базы. — Вы готовы, Бичем?

Тот тяжело поднялся, неловко балансируя на здоровой ноге. Дрейк наклонился, чтобы ученый ухватился за шею. То же самое сделал Том с другой стороны. Нора подняла ружье и повесила на плечо. Все понимали, что дробью монстра не одолеть, но никому не пришло в голову расстаться с оружием. Они опять тронулись в путь, с трудом передвигая налитые свинцом ноги.

Бичем, похоже, оседлал любимого конька. Он задышался, по лицу его текли слезы, но биолог упрямо продолжал незаконченную лекцию.

— А вот животные, к примеру, переносят полярную ночь безо всякого вреда для себя. При условии, разумеется, что у них есть пища. Теперь вы представляете себе, перед какой дилеммой оказались живые организмы, населявшие в те далекие времена район Горячих озер. Летом растения росли спокойно, но зимой они лишались питания. В умеренных широтах проблема решается просто: деревья на зиму впадают в спячку. Но там, где круглый год стоит тропическая жара, такой вариант отпадает.

Они вышли на открытое место, и ветер сразу набросился на незащитных людей. Насыщенные влагой тугие объятая шторма оставляли обжигающие соленые потеки на их лицах и одежде. Грозовой мрак над головами прорезали редкие молнии, и тогда наверху оглушительно гремел гром, присоединяя свой голос к грохоту прибора.

Из-за шума едва можно было расслышать слова Бичема, с увлечением излагавшего свою гипотезу.

— Тогда растениям пришлось изобрести новый метод выживания. И они его изобрели. Кстати говоря, пионерами они не стали. Еще раньше нашли выход орхидеи. А лишайники — это вообще чудо: два разных типа живых организмов, ни один из которых не может существовать без другого. Можно привести и другие примеры. Насекомоядные растения вырастили себе цветы-ловушки и «мускуль», чтобы мгновенно захлопывать лепестки, как только внутрь попадет какое-нибудь насекомое. На Мадагаскаре вот уже несколько столетий существует предание о плотоядном дереве. По словам очевидцев, у него был короткий, толстый ствол и извивающиеся ветви, похожие на щупальца осьминога. Ими оно ловило мелких животных, приблизившихся неосторожно к нему на близкое расстояние. В том же предании говорится, что обожествлявшие дерево местные племена приносили ему и человеческие жертвы.

Пробиваясь сквозь бурю и мрак с повисшим на его плече Бичемом, Дрейк не удержался от усмешки. Ему тоже приходилось слышать легенду о мадагаскарском дереве-людоеде. Мифу о нем было много веков, хотя еще в прошлом столетии находились люди, утверждавшие, что видели это дерево своими глазами. Разумеется, они несли полную чушь, в которую никто не верил. Было дико и странно слышать из уст ученого эту древнюю историю, да еще в самый разгар антарктического шторма. С другой стороны, если вдуматься, они сами не более часа назад сожгли и уничтожили хищное дерево, поразительно похожее на описанное в легенде.

— Они придумали, как им добывать пропитание, когда солнце на долгие недели уходило за

горизонт, — вещал воодушевленный своим красноречием биолог. — Летом деревья укоренились и поглощали солнечный свет, получая из почвы все необходимые питательные вещества. Чтобы нормально расти, они должны были сохранять неподвижность. Но как только наступала зима, их образ жизни разительно менялся. Длинные полярные ночи заставили их научиться двигаться и самостоятельно находить пищу.

Налетевший шквал, мощный и упругий, как гигантская резиновая дубинка, ударил прямо им в лица и едва не опрокинул навзничь. Дождавшись, пока ветер немного утихнет, Дрейк вытер свободной рукой мокрое лицо и встряхнул головой.

— Так дальше не пойдет, — решительно заявил он. — Я понесу доктора Бичема на закорках. Том, ты возьмешь мое ружье и рюкзак. Когда устану, сменишь меня. Нора, а ты проверь фонари. Боюсь, они нам очень скоро понадобятся.

— Оставили бы вы меня здесь, — неуверенно предложил биолог. — Протяну как-нибудь до утра. Думаю, в такую непогоду деревьям бояться нечего. Вы о них теперь все знаете и без меня справитесь. А если и подохну — значит, поделом мне! Гибель Кейси и Томаса — это моя вина, хотя тогда я еще многого не понимал. И я не хочу, чтобы ваши жизни тоже были на моей совести!

Молча Дрейк взвалил ученого на спину и пошел вперед.

— Как устанете, сэр, я вас сразу же сменю, — напомнил Том Белден. — Только не забудьте сказать!

Сильнейший ливень в мгновение ока окатил четверых путников, вымочив их до нитки. Вода низвергалась с небес сплошной стеной, как будто там, наверху, кто-то опрокинул все ведра, открыл все шлюзы и взорвал все сразу дамбы. Видимость сократилась до минимума. Лучи фонарей пробивались не далее чем на несколько ярдов, выхватывая из сумрака пузырящиеся лужи, серые проплешины лишайников, стойко сопротивляющихся хлещущим по ним струям, омытую влагой кергеленскую капусту, прибитую к земле дождем и ветром жесткую траву.

И все же люди упорно продвигались вперед, хотя с каждым шагом идти становилось все труднее. Через некоторое время Дрейк остановился, перехватил биолога поудобнее и прохрипел:

— Говорите, Бичем! Что угодно, лишь бы отвлекало.

Он сам не желал думать, что с ними произойдет, когда ночная тьма окончательно покроет остров и единственным оружием против нее будут их жалкие фонарики, но еще больше Дрейк не хотел, чтобы об этом думали другие. Им еще только заблудиться не хватало для полного счастья!

Оранжевый трезубец молнии прорезал небо от горизонта до горизонта, и вспышка на долю секунды высветила блестящий от влаги каменистый грунт. Нигде поблизости не было видно ничего похожего на укрытие.

— Почаще бы так сверкало, — буркнул Дрейк, шлепая по лужам тяжелыми, промокшими сапогами. Нора держалась рядом, заботливо освещая ему дорогу фонариком. Словно откуда-то издалека до них доносился голос ученого, заглушаемый раскатами грома и гулом разыгравшегося шторма.

— О дальнейшем развитии событий нетрудно догадаться. Так как глубинные слои грунта слишком сильно прогревались подземным жаром, растения обзавелись поверхностными корнями с капиллярными придатками, чтобы высасывать питательные вещества и воду из самого верхнего, наиболее охлажденного и богатого гумусом слоя почвы. Такое усовершенствование стало важнейшим шагом на пути достижения основной цели. Теперь корни больше не служили якорем в долгую зимнюю ночь, а, напротив, превратились в средство

передвижения. Один Бог ведает, с чего все началось? Возможно, корень одного изголодавшегося растения случайно зацепился во мраке за корень другого. Хозяин корня почувствовал пищу. Но прежде чем до нее добраться, источник пищи необходимо было умертвить. Не знаю, кто из них вышел победителем, но убийца сожрал свою жертву и выжил. Со временем он научился использовать свои корни для передвижения, а ветви — для нападения или самозащиты. Его потомки унаследовали все эти ценные качества и постепенно вытеснили менее удачливые виды из своей среды обитания. И наконец завершающим шагом на пути эволюции стала усовершенствованная система размножения. Очень многие деревья размножаются почкованием, но эти пошли дальше! Вместо почек они научились выращивать себе подобных — точные копии, только в миниатюре. Таким образом, они окончательно превратились в деревьев-охотников. А когда нападать стало больше не на кого, они принялись за своих же собратьев!

Еще одна оранжевая вспышка перечеркнула небо, но не такая яркая, как предыдущая. Дрейк неумоимо двигался вперед с Бичемом на закорках. Набравшаяся в сапоги вода противно хлюпала. Рядом семенила Нора с двумя ружьями за плечами, а замыкающим шел Том Белден, который тоже тащил два ружья — свой дробовик и карабин начальника.

— Так продолжалось миллионы лет, — звучал, продираясь сквозь раскаты грома и шум дождя, назидательный голос ученого. — Сменились сотни тысяч поколений, прежде чем процесс эволюции привел к появлению дерева-убийцы в том виде, который нам, увы, так хорошо знаком. Днем это самые обычные деревья. Они укореняются в почву и питаются традиционным способом. Те образцы, что отобрали мои коллеги в оазисе Горячих озер, были взяты летом, в разгар полярного дня, и в дальнейшем, насколько мне известно, ни разу не попадали в затемненное помещение. И слава богу, потому что в темноте у них просыпается охотничий инстинкт и они сразу превращаются в кровожадных монстров! Могу себе представить, во что они превратили бы станцию в бухте Гиссела, если бы попали туда полярной ночью! Зато летом, как я уже говорил, они вполне безопасны. Кстати, размножаются они тоже в летнее время. Созревшие почки отделяются от ветвей материнского дерева и расползаются в поисках пищи. Обычно они укореняются в норках и трещинах, выставляя наружу только стебельки с шипами. Но если им не удастся найти подходящее местечко, почки тоже начинают охотиться. Поэтому они и на нас пытались нападать.

Дождь и ветер не унимались, темнота сгущалась, но это были пока только цветочки — свой главный удар по острову природа приберегла напоследок. Дрейк размеренно переставлял ноги, словно не замечая тяжелой ноши за плечами. Он уже потерял счет времени, но в конце концов двойная нагрузка подточила даже его могучий организм. Присмотрев небольшой распадок с подветренной стороны от дороги, Дрейк, пошатываясь, свернул туда. Фонарь в руке Норы осветил плоский камень. Кряхтя от натуги, изнуренный «носильщик» опустил на него Бичема и с трудом выпрямился.

— Отдохнем минутку, — прохрипел он, — и сразу пойдем дальше.

— Бросьте меня здесь, — опять взмолился ученый.

Никто не удостоил его ответом. Дрейк подыскал местечко посуше и растянулся прямо на земле, не обращая внимания на сырость и льющуюся с неба воду. Том Белден примостился рядом и тихонько сказал:

— Вам надо передохнуть, сэр. Дальше я его понесу. — Затем повернулся к Бичему и удивленно произнес, будто продолжая прерванную дискуссию: — Как же такое может быть, доктор, что они охотятся на себе подобных? Они же истребят друг друга, пока не останется одно, самое сильное! Или я чего-то не понимаю?

Сильнейший порыв ветра и мощный раскат грома были ему ответом. Биолог приоткрыл глаза и устало сказал:

— По-моему, я достаточно подробно все объяснил. Летом деревья укореняются и почкуются, разбрасывая во все стороны созревших монстриков. Летом это просто деревья. С наступлением зимы и темноты они охотятся друг на друга и на свое же потомство, которое за летний период успеваает изрядно подрасти. Согласен, к весне популяция порядком сокращается, но остается все же достаточно особей, чтобы за лето снова размножиться. Одно дерево дает сотни, тысячи почек, вот почему пищи хватает на всех. Картина действительно неприглядная, но такова жизнь, мой юный друг. Зимой там, наверное, такие битвы разыгрываются... С другой стороны, многие хищники не прочь полакомиться собственными детенышами, так что не стоит торопиться осуждать деревья, у которых, в отличие от львов или тигров, просто нет другого выбора.

Ночь подкралась незаметно, застигнув врасплох четырех смертельно уставших, насквозь промокших и продрогших людей. Они нашли временное убежище в неглубоком распадке, защищенном от ветра выщербленной эрозией скалой. Вокруг них и над ними постоянно гремело, сверкало, свистело и завывало, упругие струи дождя хлестали им в лица, а земля пропиталась влагой и превратилась в липкую грязь, разъезжающуюся под ногами. Стихия бушевала, но шторм еще не достиг своего пика, а только раскручивал обороты. Дрейк с неохотой поднялся, намереваясь отправиться дальше, и в этот момент шум ночной бури огласился пронзительным воплем Норы.

На краю распадка, в котором укрылись люди, возникло какое-то движение. Вспышка молнии на мгновение озарила мрак. За ней другая. Они высветили перед путниками кошмарную картину: одно за другим в низину спускались хищные антарктические деревья.

Ветви переднего монстра беспорядочно извивались, помогая, должно быть, сохранять равновесие под натиском штормового ветра. Длинные, узловатые корни выбрасывались вперед, держась за землю, и тут же сокращались с отвратительным скрипом, подтягивая нелепо раскачивающийся толстый ствол еще на несколько футов вперед. Это омерзительное передвижение напоминало поведение пьяного, с трудом удерживающего равновесие, чтобы не свалиться.

Следом двигалось второе дерево. Его ветви-щупальца шарили по сторонам, судорожно цепляясь за камни и неровности почвы. Очевидно, такой способ удерживать вертикальное положение во время бури был для него привычнее. Ствол второго чудовища равномерно раскачивался взад-вперед, словно маятник гигантского метронома.

За вторым показался третий. В одной из его змеевидных ветвей был крепко зажат какой-то предмет — то ли обычный камень, то ли прихваченная по ходу добыча. Сверкнувшая молния на миг вырвала из мрака фантастическую процессию, неторопливо бредущую вниз по склону туда, где эти три кошмарных создания собирались укрыться от непогоды и ветра и переждать бурю. Едва ли их интересовали люди, чуть раньше спрятавшиеся в распадке. Скорее всего, деревья-убийцы даже не подозревали об их присутствии.

Четверо островитян незаметно покинули укрытие с другой стороны и вновь оказались во власти распоясавшейся стихии. Лица их были бледны и угрюмы, от омерзения и ужаса подкатывала тошнота. Плечи Дрейка больше не отягощали биолога, но руки сжимали карабин. Он испытывал ненависть к гнусным тварям, уже погубившим дюжину человек, трех из которых начальник базы довольно близко знал... Он приблизил губы к уху биолога и крикнул, перекрывая гул ветра:

— Скажите, Бичем, что будет, если хотя бы несколько отпочковавшихся монстриков попадут на Большую Землю? Поверят люди в опасность или позволят им спокойно вырасти и дать потомство?

Держась за шею Белдена, ученый повернул голову и прокричал в ответ:

— Ни черта никто не поверит! Пока число жертв не начнет исчисляться сотнями, наши правители и пальцем не шевельнут. Деревья-убийцы получают такую фору, что потом с ними уже невозможно будет справиться. Они вступят в схватку с человечеством за обладание Землей, и я совсем не уверен, кто окажется победителем!

Ослепительная вспышка молнии расколола пополам небосвод. Грома никто не услышал — разряд, должно быть, произошел над океаном, вдали от острова, и затерялся в шуме прибоя. По-прежнему беспрерывно лил дождь и гудел над головами ветер, как будто в небе над Гоу-Айлендом зависла целая армада тяжелых бомбардировщиков.

Маленький отряд снова углубился в ночь. Часто сверкающие молнии помогали людям сохранять направление, а когда промежутки увеличивались, Нора направляла луч фонаря в разные стороны, ища знакомые ориентиры. Белден споткнулся, зашатался и чуть не упал. Дрейк молча пересадил Бичема к себе на плечи и, не глядя, сунул юноше свой карабин. Тот так устал, что даже не решился протестовать. Дрейк нес ученого до тех пор, пока не понял, что не сможет больше сделать ни единого шага. Отдохнувший Том снова взвалил на спину беспомощного биолога. Тот опять расхныкался и потребовал бросить его прямо на дороге. Унизительное положение, в котором он оказался по собственной неосторожности, усугубляли угрызения совести и сознание вины. Не подверни он тогда ногу, все четверо давным-давно были бы уже дома, а не пробирались сквозь ночь и бурю, мокрые, грязные, голодные и напуганные.

Дрейк решил немного изменить маршрут, чтобы дать хоть небольшую передышку измученным спутникам. До поселка оставалось чуть больше мили. К нему можно было выйти либо гребнем, по прямой, либо ложбиной, начинающейся где-то поблизости и тянущейся до самой взлетной полосы. Люди там ходили редко из-за обилия камней, загромождающих дно и склоны распадка, но зато в ней можно было укрыться от ярости урагана, который на открытом месте сразу валил с ног. Посветив фонариком, Дрейк отыскал пологий склон, и они начали спускаться, с каждым шагом ощущая, как ослабевает давление ветра. Примерно с четверть мили отряд двигался довольно быстро, хотя в нормальных условиях такой темп не устроил бы и калеку на костылях. Мужчины еще раз обменялись ношей. Нора аккуратно подсвечивала фонарем им под ноги, да и идти стало легче, потому что ветер теперь дул в спину. Но надолго Дрейка все равно не хватило. Тяжесть за спиной стала невыносимой. Он все чаще спотыкался, и озабоченная девушка не отводила луч фонарика в сторону и светила только на дорогу.

Очередная молния на миг ее осветила, и за эти доли секунды люди с ужасом успели разглядеть совсем рядом множество преградивших им путь деревьев. Это были антарктические деревья-людоеды! Казалось, что их несколько дюжин, хотя позднее выяснилось, что первое впечатление было ошибочным. Тем не менее дальше идти было нельзя. Ложбину перекрывали чудовища, их узловатые корни удерживали от падения короткие, не выше шести футов, покрытые жесткой корой стволы. словно почуяв близкую добычу, их кроны внезапно заволновались, ветви задвигались, хищно шаря по воздуху в поисках жертвы.

Дрейк остановился так внезапно, что чуть не уронил биолога. Нора предостерегающе закричала. Том Белден уронил свой дробовик и вскинул карабин. Дождавшись вспышки молнии, он открыл огонь и без видимого эффекта расстрелял весь магазин. Нора метнула зажигательную бутылку, но запал не сработал, видно, отсырел под дождем. Все это было похоже на хорошо продуманную и заранее подготовленную засаду. Справа от них возвышался на склоне один кряжистый монстр, а на левом фланге расположились сразу два чудовища. Извивающиеся плети их ветвей угрожающе тянулись в сторону людей, а корни один за другим начали скрипя, вытягиваться из почвы.

Дрейк аккуратно опустил на землю Бичема, который тут же неподвижно замер на одной ноге, нелепо балансируя, но чудом сохраняя равновесие. Затем, не сводя глаз с противника,

отцепил от пояса бутылку с газOLIном, убедился, что ветер по-прежнему дует в спину, дернул за нитку и бросил прямо перед собой. Бутылка разбилась, но ее содержимое опять не загорелось. Тогда он поднял дробовик Белдена и, не целясь, выстрелил. Горючее вспыхнуло. У второй бутылки он отбил горлышко, поджег от растекающейся пылающей лужи и метнул налево. Ветер подхватил ее и швырнул прямо на извивающиеся ветви одного из чудовищ.

Часть газOLIна пролилась на руку Дрейка, и он вынужден был опустить ее в жидкую грязь, чтобы сбить пламя. Тыльная сторона ладони нестерпимо горела от ожога, но он не замечал боли. С третьей бутылкой он поступил так же, как со второй, только кинул ее направо, в сторону занявшего стратегическую позицию одинокого монстра. Четвертую ему дала Нора. Он метнул ее вперед и протянул руку за следующей.

Среди пронизанного дождем и бурей мрака один за другим вспыхнули несколько гигантских факелов. Борясь с охватившим их огнем, деревья-монстры стали метаться, сталкивались, поджигая друг друга, начинали скоротечные, бессмысленные схватки и снова разбегались, чтобы столкнуться с кем-то еще.

Дрейк стоял пригнувшись, подобно изготовившемуся к прыжку дикому зверю. Ноздри его раздувались, с губ срывались нечленораздельные звуки, удивительно напоминавшие низкое рычание. Сегодня он в полной мере отомстил чудовищам и имел все основания быть довольным собой. Возможно, одно из этих деревьев, оказавшихся близко к поселку, задушило и утащило несчастного Кейси. Другое, быть может, перехватило по дороге домой незадачливого охотника Томаса, сожрав и его самого, и мясо убитого котика вместе с рюкзаком. А третье забралось в четвертый ангар и учинило там разгром, заодно сожрав мертвое тело застрелившегося Брауна.

Опасность миновала. Деревья были слишком заняты собой, чтобы угрожать людям. Дрейк снова посадил Бичема на закорки и начал взбираться наверх. Хотя все монстры пылали и сражались с огнем и между собой, не стоило лишний раз испытывать судьбу, пробираясь около них. Поднявшись на вершину склона, он остановился передохнуть и увидел совсем близко, не далее чем в четверти мили, скопление тусклых желтых огней, среди которых несколько выделялись своей белизной и яркостью. Это были бортовые огни потерпевшего аварию самолета. Холлистер с честью справился с заданием: заправил горючим и запустил два двигателя из четырех, привел в действие бортовой генератор и включил посадочные огни в полмиллиона свечей каждый.

Но оставшиеся до базы четверть мили надо было еще преодолеть. Дрейку и Белдену трижды пришлось перегружать окончательно скисшего биолога, прежде чем они вступили наконец в пределы освещенного периметра. Территория поселка поразила вернувшихся своей пустотой и безмолвием. Никто их не встречал, в жилых бараках и административном корпусе не светило ни одного окна. Только из-под плотно закрытой двери третьего ангара пробивалась узенькая желтая полоска. Нора решительно забарабанила в дверь ружейным прикладом. Изнутри послышались испуганные крики, преимущественно женские.

Недоразумение разрешилось довольно быстро. Кто-то из мужчин открыл дверь, и усталые путешественники ввалились внутрь. Дюжины коптящих светильников явно не хватало, чтобы рассеять мрак внутри просторного помещения, и настроение собравшихся там людей вполне соответствовало уровню освещения. Но прямо перед входом протянулась широкая полоса солянки, а ножки кроватей стояли в наполненных дизельным топливом консервных банках. Принятые меры предосторожности начисто исключали проникновение ползучих ядовитых тварей. Дрейк с облегчением сгрузил Бичема на ближайшую пустую койку, а сам рухнул на соседнюю. Признаться, ему до смерти надоело разыгрывать роль доброго самаритянина. Пускай теперь другие позаботятся о биологе.

— Том Белден расскажет все, что вас интересует, — объявил начальник базы,

предупреждая неизбежные расспросы. Он не спал прошлой ночью, да и сегодня весь день провел на ногах. Внезапно на него горой навалился груз пережитого за последние сутки. Тело его онемело, мозг затуманился. Он еще успел сказать Норе, чтобы кто-нибудь занялся ногой Бичема, потом куда-то провалился. Холлистер стянул с него сапоги, штаны, мокрую куртку и заботливо накрыл одеялом.

Дрейк проспал более двадцати часов кряду.

Когда он пробудился, шторм уже начал стихать. Биолог проснулся несколько раньше и успел проинформировать островитян о сделанных прошлой ночью невероятных открытиях. Он поведал разинувшим рты слушателям, что монстрами-убийцами были те самые безобидные антарктические деревья, которые они сами с такой заботой высаживали около термальной зоны. Что численность чудовищ на острове точно совпадала с количеством саженцев. Что маленькие монстрики, доставившие персоналу базы столько хлопот, вовсе не насекомые, а созревшие почки взрослых особей, в основном тех, что хранились в запакованном тюке в четвертом ангаре. По распоряжению Бичема тюк окружили широкой дорожкой из аминотриазола. На складе обнаружился еще один эффективный гербицид, и ученый собирался удвоить количество ловушек, как только позволит погода.

Но самым главным итогом этой памятной ночи стала удивительная перемена в настроении самих обитателей Гоу-Айленда. Грозивший им враг по-прежнему оставался силен и смертельно опасен, но теперь они знали, кто он, и поэтому перестали его бояться.

Специально к пробуждению Дрейка кок приготовил роскошный ужин, который Нора принесла ему прямо в постель.

— Приятного аппетита, шеф, — сказала она и, оглянувшись, понизила голос до шепота: — Как ты считаешь, дорогой, теперь, когда все в порядке и никто больше не боится, нам так уж обязательно соблюдать осторожность на людях?

— Мы пройдемся с тобой по поселку, — подумав немного, пообещал Дрейк, — и я даже готов подержать тебя за руку. Только недолго. Секунды две для начала.

Но последней части своего обещания он так и не выполнил. Как бы то ни было, Дрейк оставался начальником маленькой колонии, и никто пока не снимал с него ответственности за благоустроенность и моральный дух островитян. Он по-прежнему должен был находить персональный подход к каждому для похвалы и поощрения. Даже для Сполдинга, потому что именно он придумал и претворил в жизнь те меры безопасности, которые так приятно удивили Дрейка прошлой ночью, когда они вчетвером без сил ввалились в ангар, переоборудованный в спальный корпус под руководством того же Сполдинга.

И каждого начальник базы должен был внимательно и терпеливо выслушать, ободрить, утешить, если нужно, или мягко покритиковать, если человек того заслуживал. И опять не обошлось без вездесущего завбазой, который один отнял у него больше часа, взхлеб делаясь своими наполеоновскими планами уничтожения уцелевшей банды деревьев-убийц. Потом еще нужно было решать, как и чем обрабатывать пустующие помещения, чтобы выкурить оттуда всех мелких монстриков. Холлистер и его помощники вообще заслуживали особой похвалы...

И, помимо ответственности за людей, Дрейк отвечал и за бесперебойное функционирование базы, и за массу других вещей, вплоть до таких мелочей, как меню завтрака или обеда в столовой. При такой безумной нагрузке на личную жизнь, к сожалению, времени и сил у него практически не оставалось.

К рассвету следующего дня буря окончательно утихла, а еще через четыре часа на горизонте показался самолет. Его появление было встречено восторженными криками островитян. Главный электрик раскатал на земле два полотнища буквой «Т» — означающих, что посадка разрешается. Крылатая машина сделала круг над островом и стала снижаться,

заходя на посадочную полосу. Колеса ее коснулись бетонных плит, самолет слегка подпрыгнул пару раз, выровнялся и покатил по дорожке.

Дальше начались сплошные неприятности. На борту была довольно многочисленная группа чиновников различного ранга. Они не очень-то рассчитывали, что сумеют приземлиться, но если посадить самолет все же удастся, им были даны строгие, подробные и совершенно однозначные инструкции. Не прошло и нескольких минут после посадки, как была смонтирована и установлена аварийная радиостанция, которая вышла на связь с бухтой Гиссела. Затем члены комиссии взяли в оборот персонал базы. Беседы проводились с каждым в индивидуальном порядке и весьма напоминали допрос. Ревизоры вели себя вежливо, сдержанно и даже отзывчиво, но настроены были скептически. Бичем пустился в пространные рассуждения по поводу уникальных биологических объектов, из-за которых были отправлены на «большую землю» радиogramмы абсолютно фантастического содержания. Его внимательно выслушали. После чего убедительно попросили не волноваться, сказали, что безусловно верят каждому его слову, но выразили желание увидеть хотя бы одно из тех странных существ, которых с таким увлечением описывал досточтимый ученый.

Биолог повел их в четвертый ангар. Тюк с антарктическими деревьями покоился на цементном полу рядом со входом. Его окружала широкая дорожка из мелкозернистого белого порошка. Но Сполдинг еще вечером позаботился собрать и сжечь всех убитых гербицидом маленьких зеленых монстриков. Он вообще проявил себя большим аккуратистом и не поленился уничтожить остальные ловушки на территории поселка. Свои действия он аргументировал печальной участью, постигшей главного электрика, пальцы которого пострадали от соприкосновения с ядовитыми шипами. В ложбине, где Дрейк и его спутники столкнулись с деревьями-людоедами, кроме нескольких кучек мокрой золы, ничего обнаружить не удалось. С полдюжины живых миниатюрных монстров были уничтожены биологом в процессе опытов по воздействию на них ядохимикатов. Их трупы забрал из лаборатории все тот же неугомонный Сполдинг и бросил в огонь вместе с остальными. Таким образом, помимо довольно бессвязных показаний обитателей Гоу-Айленда, высокой комиссии не было предъявлено ни одного материального доказательства в подтверждение всей этой невероятной истории.

Чиновники, однако, оставались предельно любезными и с подчеркнутым вниманием выслушивали всех и каждого, уже не веря, правда, ни единому их слову. Население острова, хотя и сократилось на две человеческих единицы, все-таки составляло внушительную цифру в восемнадцать душ. Сменить их всех сразу было немыслимо, нельзя лишиться нормального функционирования перевалочной базы на острове, да и посадить в самолет такое количество потенциальных психов никто бы не рискнул. Поэтому радикальные меры было решено сейчас не применять, а отложить до подхода эсминца.

Аварийная радиостанция работала бесперебойно. Большим-Шишкам-На-Самом-Верху было незамедлительно доложено о проведенном расследовании и сделанных выводах. Шишки ненадолго задумались и разродились мудрым указанием об эвакуации персонала кораблем ВМС, численности экипажа которого хватит, если понадобится, на обуздание целой роты буйнопомешанных. А вот начальника поголовно свихнувшейся колонии следует незамедлительно посадить в самолет и отправить на север, дабы тот лично предстал пред очи Самого-Главного-Руководства-Которое-Бдит-Не-Смыкая

— Глаз с подробным и по возможности вразумительным докладом. Было полезно, чтобы заодно он прошел курс лечения и психической реабилитации. Наверху считали, что овладевший Дрейком психоз в виде навязчивой идеи приобрел устойчивую форму, поэтому его клинический случай может быть успешно использован для лечения других островитян, заболевших в более

легкой форме. Поскольку Нора Холл получила назначение на базу позже всех, провела на острове меньший срок и, соответственно, повальным сумасшествием была затронута слабее прочих, ее также предписывалось отправить тем же самолетом. Психиатры получают возможность сравнить экстремальные проявления болезни. Вслух об этом не говорилось, но подразумевалось, что вспышка психического расстройства среди персонала станции на Гоу-Айленде сможет не только дать обширный материал для изучения эффекта массовой галлюцинации, но и продвинет развитие психиатрической науки в целом.

Спеллинга, ничего еще не знавшего о принятых насчет Дрейка и Норы решениях, выслушали наряду с другими служащими базы и подвергли той же процедуре. Когда до него дошло, что ему просто не верят и слушают только из вежливости, он пришел в ярость и в бешенстве такого наговорил членам комиссии, что те всерьез подумывали надеть на него смирительную рубашку.

Но применять к нему крайние меры все же не решились и в целях трудотерапии поставили надзирать за погрузкой хранящихся на четвертом складе научных материалов, снятых с потерпевшего аварию транспортника. Четырех пингвинов решили пока не беспокоить, но ящики с научными отчетами и коробки с отснятыми фотоматериалами планировали забрать сразу. А также нетронутый третий тюк с «биологическими образцами из района Горячих озер».

Сполдинг лично проследил за тем, как его грузили на тачку и везли к машине. Он не поленился даже забраться в грузовой отсек и убедиться в том, что деревья лежат именно там, где, как он надеялся, они и будут лежать.

— Зря вы не верите нашим рассказам об этих деревьях, сэр, — заметил он с иронией наблюдавшему чиновнику. — Как бы вам потом не столкнуться с неприятным сюрпризом. Вы уверены, что их вообще стоит забирать? Может, оковать их на всякий случай стальными цепями?

— Ну что вы, дорогой мистер Сполдинг! — снисходительно улыбнулся чиновник. — Это уже слишком. Но вы не волнуйтесь, образцы попадут к нашим лучшим экспертам, и если ваши... э-э... высказывания об их необыкновенных свойствах подтвердятся хотя бы отчасти, произойдет сенсация мирового масштаба. Да что я говорю?! Деревья из Антарктиды — уже сами по себе сенсация, вы со мной согласны? Это просто потрясающе!

Холлистер заправлял баки горючим. Молоденький бортинженер ходил за ним тенью и следил за каждым движением. Холлистер презрительно фыркнул, но смолчал. Затем двое младших механиков, следуя инструкции, тщательно проверили двигатели и осмотрели кабину пилота, салон и шасси. Бортинженер следовал за ними по пятам. Лишь убедившись, что никто из них не подсыпал чего-нибудь в горючее и не подложил бомбу под кресло пилота, он присоединился к уже занявшим свои места двум другим членам экипажа.

Взревели запущенные двигатели, дрогнули и начали вращаться винты. Прогрев моторы, командир корабля убавил обороты и перевел их на холостой ход. Дрейк и Нора поднялись на борт. Пилот включил полную мощность, самолет тихонько тронулся с места и покатил по бетонным плитам в дальний конец взлетной полосы. Там он неуклюже развернулся и отъехал назад, набирая скорость. Снова заревели моторы, работая на форсированном режиме, и тяжелая машина рванулась вперед.

Спустя несколько секунд самолет был уже в воздухе. Над береговыми утесами он слегка провалился в воздушную яму, но тут же выправился и круто набирал высоту. Потом развернулся над океаном и взял курс на север. Провожая взглядом удаляющуюся и быстро уменьшающуюся в размерах машину, Сполдинг от души веселился. Он мысленно представил, как очень скоро вытянутся физиономии у тех скептиков, которые позволили себе усомниться в его словах, и какими дураками они будут выглядеть. Картинка получилась весьма забавной и поучительной.

Думая об этом, Сполдинг почти физически ощущал, как проливается целительный бальзам на его душу, смывая с нее воспоминания об оскорблениях и унижениях, которым посмели подвергнуть его эти тупоголовые ублюдки. Он в последний раз хмыкнул, презрительно сплюнул, развернулся и зашагал прочь.

Дрейк обнаружил в салоне два импровизированных сиденья. Он усадил Нору и сам сел с ней рядом. Из кабины вышел второй пилот и посмотрел на пассажиров с той же добродушной снисходительностью, с какой выслушивали их часом раньше всезнайки из комиссии.

— Рад приветствовать вас на борту, — сказал он, широко улыбаясь. — Прошу прощения за отсутствие иллюминаторов. К сожалению, у нас не лайнер, а всего лишь работяга-грузовик. Но свет можете включить. — Пилот протянул руку и щелкнул выключателем. Загорелась маленькая, тусклая лампочка. — Для чтения слабовато, так что рекомендую лучше расслабиться. Лететь нам долго, успеете выспаться. А если вам не по себе или боитесь чего-то, у нас тут припасено кое-что для слабонервных.

— Благодарю вас, с нами все в порядке, — холодно ответил Дрейк.

Летчик еще раз одарил их белозубой улыбкой, пожал плечами и вернулся в кабину. Дверь рубки некоторое время оставалась открытой, потом вдруг захлопнулась.

— Слава богу, наконец-то мы одни, — с облегчением сказал Дрейк. — Вот только почему я не испытываю энтузиазма по этому поводу, ты мне не скажешь? — Он положил на колени небольшой чемоданчик со своими личными вещами и открыл оба замка. Затем снова заговорил, не дождавшись ответа: — Знаешь, дорогая, когда Бичем читал нам лекцию о происхождении деревьев-монстров, я подумал: что же их все-таки заставило выйти из спячки и перейти к активным действиям в грузовом отсеке того самолета? Позже мы с ним обсудили это еще раз, и он выдвинул парочку любопытных и вполне правдоподобных версий. Помнишь, как три дерева выгнали нас из распадка? Им не мы были нужны, а укромное местечко, чтобы спрятаться от бури. Бичем считает, что во время шторма деревья либо укрываются где-нибудь от ветра, либо цепляются корнями и ветками за что-то устойчивое, которое ветром не унесет. Дальше он предположил, что шум моторов вызвал у монстров ассоциацию с бурей, это заставило их пробудиться, хотя в салоне было достаточно света. Я спросил, почему они не заявили о себе раньше, когда их везли вертолетом — там ведь от винта еще больше шума. Но у него и на этот вопрос был ответ. Выкапывали их днем, а в бухту Гиссела доставили уже упакованными, причем тащили под днищем машин на тросах. Вот и получилось, что бушевать они начали только по пути к Гоу-Айленду.

Дрейк открыл наконец крышку чемоданчика, порывлся в сложенных вещах и извлек пару алюминиевых цилиндров. Один он оставил у себя, второй протянул Норе.

— Вытягиваешь руку вперед, а другой дергаешь за шнурок, — объяснил он.

— Должно сработать, я думаю. Только осторожно, концы не перепутай! Я их со склада позаимствовал. Там несколько ящичков пылятся. Это на тот случай, если вдруг кого на льдине унесет. До сих пор, правда, цилиндры никто не заказывал.

Девушка в отчаянии всплеснула руками.

— Господи! Да когда же это кончится?! Неужели мы даже сейчас должны кого-то бояться?

— Обязательно должны, — подтвердил Дрейк. — До тех пор, по крайней мере, пока оставшиеся на острове так называемые эксперты не столкнутся вплотную с тем же, с чем уже столкнулись мы, и не пересмотрят свое мнение о проблеме.

Он снова запустил руку в чемодан и положил на колени девушке фонарик. Грузовой отсек наполнял ровный гул моторов. Дрейк и Нора сидели неподвижно в тусклом свете единственной слабенькой лампочки, едва рассеивающей мрак в просторном помещении багажного отделения. Длина его составляла шестьдесят футов, и груз, принятый на борт на Гоу-Айленде, едва

просматривался с того места, где находились двое пассажиров. Корпус транспортника обладал повышенным запасом прочности, но не был достаточно звукоизолирован, в отличие от пассажирского лайнера. Четыре мощных двигателя ревели так громко, что приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

— Ты действительно считаешь, что они могут вырваться на свободу? — нерешительно спросила Нора, метнув взгляд в дальний угол отсека.

— Нет-нет, что ты! — отмахнулся Дрейк, вовсе не испытывая уверенности, прозвучавшей в его голосе. — Они же запакованы и крепко завязаны, так что беспокоиться не о чем. А если все же проснутся и начнут дергаться, мы всегда можем рассчитывать на помощь бравых полярных летчиков. Не уверен, что эти достойные джентльмены непременно придут в восторг, но хотя бы сообщат куда следует. Лично мне уже осточертело доказывать всяким придуркам, что эти твари смертельно опасны!

Девушка протянула руку и нашла его ладонь. Размеренный гул моторов производил гипнотическое действие: вскоре пассажиров потянуло ко сну. А тяжелый транспортный самолет продолжал полет над пустынным океаном, изредка проваливаясь в воздушные ямы или взмывая вверх при столкновении с мощными восходящими потоками.

Из глубины грузового отсека донесся резкий, хлесткий звук, как будто лопнул натянутый трос. Нора встрепенулась, освободила руку и нажала кнопку фонаря. Узкий луч света вырвал из темноты слепо шарящую по воздуху извивающуюся ветвь антарктического дерева-убийцы. Снова тот же лопающийся звук. Дрейк схватил второй фонарь.

— Беги в кабину и зови экипаж, — приказал он. — Пускай полюбуются. А я пока постараюсь удержать их светом на расстоянии. Если получится, — хмуро добавил он.

Нора дернула за ручку ведущей в рубку металлической дверцы. Она не поддавалась. Дыхание девушки участилось, стало прерывистым. Она принялась стучать по двери кулаками, потом закричала. Текли секунды. Наконец дверь распахнулась, и в проеме показалась недоумевающая физиономия бортинженера.

— Сюда, скорее! — истерически крикнула она. — Они освободились! Деревья освободились! Они сейчас все вылезут!

— Хорошо, хорошо, мисс, — понимающе закивал бортинженер. — Вы только не волнуйтесь. Вот мы вам сейчас микстурки накапаем граммов пятьдесят...

— Прекратите паясничать! — в бешенстве заорал Дрейк. — Быстро отведите девушку в кабину и позовите первого пилота!

Но бортинженер продолжал преграждать путь Норе и не спешил выполнять приказания ее спутника, справедливо полагая, что кабина пилота во время полета — не самое подходящее место для свихнувшейся дамочки.

— Послушайте, мисс, — начал он миролюбивым тоном, — мы в курсе проблем жителей острова, но нам приказано не обращать внимания на ваши выходки. Все, что нам дозволено, это дать вам лекарство, если возникнут осложнения. А хотите, угощу бренди — у меня как раз бутылочка зава...

Дрейк протянул руку поверх плеча Норы и мощным рывком выдернул разглагольствующего авиатора из дверного проема. Тот приземлился на жесткую металлическую палубу багажного отсека и болезненно охнул.

— Эй, Мак! — страдальческим голосом позвал бортинженер, держась за ушибленное место. — Выгляни на минутку. Тут у нас пассажиры взбесились. Надо бы им...

Дрейк направил луч фонаря в дальний угол. Бортинженеру хватило одного взгляда. Он испустил отчаянный вопль и, не переставая орать, очень быстро пополз на четвереньках в радиорубку. На смену ему появился второй пилот — угрюмый здоровяк, настроенный очень

решительно и сжимающий в правой руке тяжелую железяку.

Дрейк вздохнул и снова посветил в дальний конец грузового отсека. Плотная парусина тюка была разорвана в нескольких местах. Из прорех высывались длинные, гибкие щупальца, напоминающие клубок разъяренных змей. Они бессмысленно хватали воздух, цеплялись за стенки, скребли по палубе. Покрытые темным мехом корни пытались укорениться на лишенной почвы металлической поверхности. Одно дерево успело уже выбраться наружу. Пьяно пошатываясь, оно медленно и неуверенно стало пробираться в головную часть салона.

Второй пилот смертельно побледнел. Челюсть у него отвисла, из разинутого рта вырывались какие-то булькающие, нечленораздельные звуки.

— Что там, черт побери, творится? — послышался рассерженный голос командира корабля. — Мак, я тебя спрашиваю!

Что-то изменилось в режиме работы двигателей: включился автопилот. А через несколько секунд на пороге рубки показался сам командир корабля. Но к моменту его появления вся хвостовая часть оказалась оккупированной деревьями-монстрами. Они бестолково толкались, тыкались по углам, но с каждым мгновением отвоевывали для себя все больше жизненного пространства.

Командир корабля резко развернулся и ринулся в кабину, но тут же вернулся, сжимая в руке армейский кольт сорок пятого калибра — единственное оружие, предусмотренное на борту воздушного транспортного судна полярной авиации. Черты лица его исказились в зверской гримасе. Он поднял оружие и выстрелил. Пуля глухо ударила в ствол одного из чудовищ, но тот даже не пошатнулся. В глазах летчика появилось затравленное выражение уличного забияки, необдуманно бросившего вызов чемпиону мира по боксу. Деревья тем временем распутали сплетенные корни и начали решительно продвигаться в сторону людей. Пилот снова поднял оружие дрожащей рукой и не отрывал пальца от спускового крючка, пока не расстрелял весь барабан. Никакого видимого эффекта это не произвело.

Командир корабля сник, потом повернулся и исчез за дверью кабины. Вскоре до пассажиров донесся его срывающийся от истерики голос:

— Вызываю Гоу-Айленд! Вызываю Гоу-Айленд! В самолете полно чудовищ! В грузовом отсеке появились какие-то кошмарные твари, похожие на гигантских пауков! Что делать?! Что мне делать?!

Нора прижалась к Дрейку. Тело ее била дрожь, зубы стучали.

— Сейчас мы вас угостим, — пробормотал тот, сжимая в левой руке алюминиевый цилиндрок. — Получите подарок, сволочи!

Он резко дернул правой рукой за шнурок, и в то же мгновение все в отсеке озарилось ослепительным сиянием яркостью в миллионы свечей. Это была ракета-парашют, но Дрейк, крепко сжимая цилиндрок, заблокировал пружину, благодаря которой светящийся шар сначала выбрасывался высоко в воздух, а потом медленно опускался вниз на маленьком парашютике.

Чудовища замерли. Гул моторов, так похожий на рев полярного шторма, стимулировал их активность, но рефлекс на яркий свет оказался сильнее. Держа пылающий факел левой рукой и стараясь не смотреть на пламя, чтобы не ослепнуть, правой Дрейк нашарил рычаг, открывающий створки грузового люка. И потянул на себя.

Люк с грохотом раскрылся, и в открытый проем ворвался невыносимо усилившийся шум от работающих двигателей. Зато двое застигнутых врасплох монстров полетели вниз и исчезли в бездонной водяной пучине. Дрейк с мрачным удовлетворением кивнул и передал факел Норе.

— Подержи пока, — буркнул он. — Как начнет гаснуть, зажигай второй. А первый сразу выбрасывай в люк, не то можешь обжечься.

Потом он решительно направился в хвост и одного за другим вышвырнул в океан

неподвижно застывшие деревья, тщательно избегая при этом касаться их ветвей, на которых еще могли уцелеть почки-монстрики. Как только он сбросил в люк последнее чудовище, цилиндр в руке Норы начал трещать и разбрасывать искры, предупреждая о скором издыхании. Дрейк подошел к девушке, осторожно разжал крепко стиснутые пальцы и отправил сослуживший службу прибор вслед за теми, кого он помог одолеть. Потом снова взялся за рычаг и закрыл створки люка. Шум внутри салона значительно уменьшился, и они услышали доносящиеся из кабины истерические вопли в микрофон командира экипажа.

Самолет внезапно накренился, лег на крыло и заложил крутой вираж. Нетрудно было догадаться, что обезумевший от ужаса пилот развернулся на 180 градусов и лег на обратный курс. Столь же несложно было сообразить, что он получил с земли соответствующие инструкции. И снова не обошлось без Сполдинга. Выждав часа полтора после вылета самолета, он нанес визит чиновнику, временно исполняющему обязанности администратора, и, невинно глядя тому в глаза, предупредил, что при посадке в Вальпараисо следует соблюдать особую осторожность в обращении с антарктическими деревьями. Ведь к тому моменту они наверняка выберутся из тюка и не откажутся от агрессивных действий. При этом Сполдинг упорно настаивал, чтобы сообщенная им информация была немедленно радирована экипажу. Сначала его подняли на смех, но когда с борта транспортника начали поступать панические сообщения о паукообразных чудовищах, бредовые заявления завскладом наконец-то стали воспринимать всерьез.

Сполдинг страшно гордился собой и втайне злорадствовал над оконфузившимися начальниками со стороны. Он по-прежнему не ведал о том, что Нора и Дрейк тоже находятся на борту самолета и в эти минуты подвергаются смертельной опасности. Узнал он об этом значительно позже, после того как вернувшийся с полпути самолет приблизился к острову и стал кружить над ним. Радист у микрофона сорвал голос, стараясь заставить пилота взбесившейся машины выпустить шасси. К счастью, на этот раз в кабине было трое членов экипажа. Все они были страшно напуганы, почти ничего не соображали, но у кого-то все же хватило смекалки и присутствия духа нажать на соответствующую кнопку при заходе на посадку. После этого бортинженер и второй пилот впали в прострацию и страстно мечтали только об одном: поскорее покинуть этот самолет и никогда больше к нему не приближаться.

Командир корабля общался с монстрами несколько дольше своих коллег, поэтому нанесенный его психике ущерб был существенно сильнее. Он посадил машину чисто автоматически, словно сомнамбула. Так же автоматически сбросил газ и заглушил двигатели. Затем нагнулся и пошарил рукой под креслом. В руке он держал револьвер, оказавшийся абсолютно неэффективным против оживших деревьев. За время обратного полета первый пилот проанализировал и оценил все, чему стал свидетелем. Деревья не ходят. Это невозможно. На свете не существует подобных тварей — разве что в кошмарном сне привидятся. Он не спал и все-таки их видел. Они абсолютно несовместимы с реальностью. Но он все равно был уверен, что видел их. Значит, он сошел с ума.

Пилот без колебаний приставил дуло револьвера к виску и нажал на спусковой крючок. Дрейк в этот момент открыл дверцу и вошел в кабину. Сухо щелкнул ударивший по пустому гнезду расстрелянного барабана боек. А потом в пилотской кабине и рубке стало вдруг очень тесно от набравших невзгод откуда людей. Они бережно подхватили под руки и вывели из машины командира и членов экипажа, слегка спятивших во время полета.

Прежде чем поставить ножку на верхнюю ступеньку трапа и вновь спуститься на бесплодную каменистую почву Гоу-Айленда, Нора оглянулась на Дрейка и сказала:

— Если б кто знал, как мне надоело разыгрывать эту дурацкую комедию и изображать из себя преданную шефу секретаршу! Но придется, наверное, еще немного потерпеть. — Она

лукаво улыбнулась и добавила: — Знаешь, я решила все-таки выйти за тебя замуж.

Дрейк посмотрел в иллюминатор и поморщился.

— Спасибо, моя радость, — сказал он. — Я тоже решил, что непременно на тебе женюсь. Значит, мы с тобой квиты. Послушай, я вот что думаю... Этот чертов эсминец прибудет на остров завтра или послезавтра. Нас всех, вероятно, отправят на нем в Вальпараисо, а на базе останется заправлять доблестная морская пехота. Полагаю, у тех парней мозги не набекрень, как кое у кого в нашем департаменте. Они быстренько сообразят, что к чему, и отлично развлекутся, гоняясь по болотам и кочкам за уцелевшими монстрами. А нас с тобой, моя дорогая, загрузят на корабль и отправят в плавание. Говорят, — заметил он, мечтательно жмурясь, — что морское свадебное путешествие — самое романтическое. Одна лунная дорожка в океане чего стоит!

Нора от души расхохоталась. Глядя на нее, Дрейк тоже не смог удержаться от смеха.

Потом она спустилась по трапу и ступила на грешную землю. Он последовал за ней.